

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Г.З. ИМАЕВА

**НАРОДНАЯ СКАЗКА
И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ:**

**проблема происхождения
и модификации текстов**

МОСКВА
2008

ББК 82.3Р

И 50

*Печатается по решению Редакционно-экспертного совета
Государственного республиканского центра русского фольклора*

Р е ц е н з е н т ы:

Б.Г. Ахметшин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
русской филологии Башкирского государственного университета

В.Е. Добровольская, кандидат филологических наук,
зав. отделом устно-поэтического фольклора

Государственного республиканского центра русского фольклора

Г.Р. Хусаинова, кандидат филологических наук, зав. отделом фольклористики
Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Р е д к о л л е г и я:

Каргин А.С. (отв. редактор), **Алексеевский М.Д.**, **Ахметова М.В.**,

Добровольская В.Е., **Зайцева Е.А.**, **Зенина М.А.**, **Костина А.В.**,

Котельникова Н.Е., **Новожилов В.В.**, **Чибисов И.Е.**

И 50 Имаева Г.З. Народная сказка и ее литературные переложения: проблема происхождения и модификации текстов. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — 224 с.

Монография посвящена изучению трех сказочных сюжетов: «Шемякин суд», «Ерш Ершович», «Сокровища Рампсинита». Прослежена эволюция сказок данных сюжетных типов от истоков до момента окончательного жанрового оформления и появления литературных версий сюжетов. Дается разносторонний анализ сказочных текстов.

Предназначена филологам, фольклористам, литературоведам, широкому кругу читателей сказки.

И $\frac{470201015-065}{\text{ЛР } 700132-2008}$

без объявления

ББК 82.3Р

ISBN 5-86132-015-2

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена изучению поэтического своеобразия сказочных сюжетов «Шемякин суд» (АТ 1534), «Ерш Ершович» (АА 254*), «Сокровища Рампсинита» (АТ 950) и рассмотрению связанных с ними повестей XVII века и литературных обработок. Данные сюжеты относятся к одной тематической группе сказок об обмане.

Стилевая специфичность фольклора как устного словесного искусства стала в настоящее время одной из центральных и актуальных проблем фольклористики. Поскольку основы сказочного стиля до сих пор остаются не раскрытыми, а существующие на эту тему работы лишь намечают общие контуры изучения проблемы, назрела необходимость вскрыть механизм сказочного повествования, «секреты» традиции.

Нами ставится следующая задача — проследить эволюцию сказок данных сюжетных типов от их истоков до момента окончательного жанрового оформления сказочного вида и перехода в литературу. Частичное решение этой проблемы возможно на материале одной тематической группы сказок об обмане. Наряду с русскими предполагается учесть также восточнославянские, тюркоязычные (особенно башкирские и татарские), а также западноевропейские и восточные варианты сказок. Только охват всех возможных вариантов данных сюжетов может обеспечить полноту и обоснованность выводов. Но рассмотрение международных сказочных сюжетов может опираться лишь на предварительное изучение их вариантов у каждой отдельно взятой народности.

Новизна исследования определяется тем, что практически нет работ, в которых был бы дан всесторонний анализ определенного фольклорного произведения как художественного целого, глубоко была раскрыта его огромная идейно-эстетическая ценность. Но вместе с тем было бы неверно и умалять значение работ российских фольклористов: в них всегда есть новые ценные материалы, интересные и важные мысли о жанровой специфике фольклора, особенностях содержания и формы отдельных его произведений. В целом эти работы подготовили возможность постановки вопроса об изучении фольклорного произведе-

дения как художественного целого и, стало быть, вопроса о раскрытии секретов искусства устного слова.

Наше время характеризуется новым этапом развития науки. Одной из его особенностей является то, что в области филологии наступает время, когда она (филология) должна опираться на достижения смежных дисциплин. Теперь следует предпринять попытки выявить пути взаимодействия литературного и фольклорного произведения.

Постановка проблемы идейно-художественного единства фольклорного произведения несомненно расширит перспективы развития науки о фольклоре, позволит выработать более правильный методологический подход к анализу произведений, поможет более конкретно представить единство содержания и формы, даст возможность раскрыть в произведении то, что именно определяет его идейно-художественную силу и воздействие.

Основным методологическим принципом работы является принцип диалектического единства формы и содержания. Метод исследования состоит в: сопоставлении частей отдельно взятой сказки между собой; выявлении устойчивых и изменяющихся компонентов в ней; сопоставлении сказок, записанных от разных сказителей; сличении сказок разных народов; выявлении связей сказки с литературой.

Отдельные сказки данных сюжетов должны рассматриваться как единое целое. Наиболее плодотворные результаты в таком изучении могут быть достигнуты при выполнении следующих задач-условий:

а) если анализ словесного текста произведения будет достаточно разносторонним, чтобы не были упущены важные составные элементы произведения и были показаны их связь и целенаправленность;

б) если будет учтено, что единство произведения создается не только его формальными особенностями, теми или иными художественными приемами или средствами, но и всеми особенностями и элементами произведения, которые скрепляют его в единое целое (поэтому правильнее всего говорить об идейно-художественном единстве);

в) если будут приняты во внимание и жанровые особенности произведения, и своеобразие анализируемого текста;

г) если конечной целью изучения будет раскрытие идейно-художественной ценности и силы воздействия рассматриваемого произведения.

Изучение фольклорного произведения как художественного целого предполагает также выяснение трех вопросов: есть ли в произведении единство и целостность, какими средствами они создаются и какое идейно-художественное значение имеют.

Известный сказковед Л.Г. Бараг находил недостаточно исследованной систему поэтики, художественных стилистических средств сказок: «Нет работ, посвященных стилистическому анализу сказок в связи с сюжетными жанровыми особенностями и мастерством рассказыва-

ния»¹. И.А. Оссовецкий считал, что «...ни один жанр фольклора не представляет собой чего-то застывшего как в отношении системы художественных образов, так и в отношении языка. Однако проследить эту исторически обусловленную эволюцию фольклора в отношении языка очень трудно, в первую очередь из-за отсутствия достаточного материала»². В свою очередь, Н.И. Кравцов предполагал, что «...было бы важно рассмотреть особенности преломления этих образов в фольклоре разных народов, например славянских, а затем и шире — народов других групп: тюркоязычных, восточных, западноевропейских»³. «Начало искусства слова — в фольклоре»⁴, — сказал А.М. Горький в заключительном докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Этим положением он хотел отметить не только то, что фольклор исторически предшествует литературе, но и то, что фольклор является словесным искусством.

Между тем можно утверждать, что в кругу широко охваченных и изученных советской фольклористикой проблем народно-поэтического творчества проблема фольклора как искусства слова пока разработана еще недостаточно. Эта проблема нашими исследователями затрагивается лишь попутно. Часто можно видеть, что рассмотрение фольклора как искусства слова в работах ученых подчинено решению вопросов истории фольклора и отдельных его жанров, происхождения отдельных жанров, атрибуции, текстологии, индивидуального творчества певца или сказителя. Кроме того, значительным недостатком наших работ по фольклору является недооценка важной эстетической проблемы — проблемы художественного целого. «Недостаток работ по устно-поэтическому творчеству, — по мнению Н.И. Кравцова, — состоит в том, что в них художественная сторона фольклорных произведений, отдельные элементы художественной формы рассматриваются изолированно друг от друга, без уяснения связи между ними. Изучение признаков, особенностей и черт, естественно, дополняет наши знания о художественной специфике и эстетической ценности фольклора, но не решает проблемы в целом. Решить проблему возможно только тогда, когда будет дан анализ народно-поэтических произведений как художественно законченных и целостных явлений»⁵.

Ближайшее рассмотрение сказочных материалов позволит выделить контаминированные и неконтаминированные варианты сказки.

¹ *Бараг Л.Г.* Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: Изд. Инст. этногр. АН СССР, 1968. С. 23.

² *Оссовецкий И.А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языковедения. М., 1952. № 3. С. 102.

³ Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: МГУ, 1975. С. 4.

⁴ *Горький М.* Собр. соч. Т. 27. С. 342.

⁵ *Кравцов Н.И.* Изучение фольклорного произведения как художественного целого // Фольклор как искусство слова. Вып. 1. М.: МГУ, 1966. С. 15.

Ознакомление с записями позволит выделить среди них тексты, более или менее твердо сохраняющие свои традиционные черты, и тексты, далеко ушедшие от традиционного содержания и формы сказки, даже с распавшейся традицией. Идеиный замысел сказки уясняется при рассмотрении того, как развивается сюжетное действие сказки. Рассмотрение сюжета должно быть конкретным. Это поможет уяснить не только идею сказки, но и то единство замысла, которое лежит в ее основе и придает ей цельность.

Только при таком подходе можно говорить о соответствии поэтики сказки конкретному идейно-художественному замыслу и функциональной роли общежанровых свойств поэтики в реализации этого замысла; в таком случае все свойства стиля сказки по-своему объединяются в единую целостную художественную стилистическую систему.

Глава 1

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ СКАЗКИ ТИПА «ШЕМЯКИН СУД» И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Востоочнославянские варианты типа «Шемякин суд» в сравнительном освещении

Сказки о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов. С древнейших времен, задолго до того, как у разных народов оформилось государство и развитое право, в жизни постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие третейского разрешения.

Одним из наиболее распространенных сюжетов о судах является сказка типа АТ 1534 «Шемякин суд», которая зафиксирована под таким названием в «Указателе сказочных сюжетов» по системе Аарне—Томпсона¹. Впервые в печати сказка появилась в издании В.А. Левшина² и была представлена одним русским вариантом. В XIX веке, насколько нам известно, было опубликовано на разных языках 33 варианта данной сказки (из них двенадцать русских, четыре украинских, четыре белорусских, три персидских, четыре индийских, две итальянских, три немецких и две мусульманских версий). В XX веке число опубликованных вариантов увеличилось более чем в полтора раза (53 варианта), прежде всего за счет проявления большого интереса к устному творчеству народов СССР. Появились сборники сказочного эпоса таджиков, узбеков, казахов, азербайджан, ингушей, туркмен, абазин и т.д. И в дальнейшем почти каждый новый сборник продолжал увеличивать количество опубликованных вариантов.

История сказочного сюжета «Шемякин суд» (АТ 1534) нередко становилась предметом специального изучения представителей разных фольклористических школ.

Относительно происхождения сказок типа АТ 1534 мнения исследователей расходятся. Т. Бенфей³, З. Софер⁴ и В. Жуковский⁵ придержи-

¹ Аарне. № 950.

² Левшин. Ч. 2. С. 32—53.

³ Высказывания Т. Бенфея цитируются по книге: *Сухомлинов М.И. Повесть о Суде Шемяки // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1873. С. 22.*

⁴ *Sofer Z. Das Urteil des Schemjaka (Diss.). Göttingen, 1965.*

⁵ Жуковский. С. 2.

живаются теории восточного происхождения сюжета⁶. А. Вессельский (Wesselski) эту гипотезу отрицает, ссылаясь на преимущественное распространение сказок о Шемякином суде в западноевропейской средневековой литературе. Н. Снегирев считает возможным передачу этой сказки через польское посредство⁷. Но Ф.И. Буслаев утверждает, что для этой версии нет достаточных оснований, так как отсутствие полонизмов в «Шемякином суде» говорит в пользу русского происхождения этой сатиры на судей и подьячих⁸. Отголоски еврейских сатир на неправедных судей содомских и на дурные нравы содомлян из Талмуда видят в этой сказке Д.А. Ровинский⁹, С.Х. Бейлин¹⁰.

Огромное количество систематизированных фактов накопили в своих исследованиях о сюжете АТ 1534 представители культурно-исторической школы М.И. Сухомлинов¹¹, Н.С. Тихонравов¹², А.Н. Пыпин¹³. Однако эмпирический материал в этих монографиях значительно превалировал над теоретическими обобщениями. Почти ничего нового относительно происхождения сказки о Шемякином суде эти ученые не добавили.

В последнее время появилось много исследований, в которых с позиций сравнительно-исторической школы рассматриваются вопросы истории и поэтики сказок типа АТ 1534. Это исследования сюжетного типа АТ 1534 В.П. Адриановой-Перетц¹⁴, О.В. Васильевой¹⁵. На текстологические приемы изучения древнерусской повести о Шемякином суде указывает О.В. Овчинникова¹⁶, на язык и стиль повести обращает внимание П.Б. Коржева¹⁷.

Содержание этой сказки напоминает повесть XVII века о «Шемякином суде». Фабула повести такова. Бедняк нечаянно отрывает хвост лошади, одолженной у богатого брата, и тот ведет его к судье. Также

⁶ Wesselski A. *Märchen des Mittelalters*. Berlin, 1925. № 61.

⁷ Снегирев. С. 59.

⁸ Буслаев Ф.И. *Мои досуги, собранные из периодических изданий*. Мелкие сочинения Федора Буслаева в двух частях. М., 1861. Ч. 2. С. 298.

⁹ Ровинский. Кн. V. С. 99.

¹⁰ Бейлин С.Х. *Странствующие и всемирные повести и сказания в Древнераввинской письменности*. Иркутск, 1907. С. 141.

¹¹ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 1—85.

¹² *Летописи русской литературы и древности*. М.: Тип. Грачева, 1861. Т. III, кн. V. С. 34—38.

¹³ Пыпин А.Н. *Сказка о Шемякином суде // Архив исторических и практических сведений о России*. Отд. V. С. 1—10.

¹⁴ Рус. демокр. сатира. С. 226.

¹⁵ Васильева О.В. «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о неправедном судье // *Русский фольклор*. Л.: Наука, 1989. Т. XXV. С. 91—99.

¹⁶ Овчинникова О.В. *Текстологические приемы изучения рукописных вариантов сказочных сюжетов (на материале «Повести о Шемякином суде») // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора*. Л.: Наука, 1991. Т. XXVI. С. 106—114.

¹⁷ Коржева П.Б. *Язык юмора и сатиры (из истории развития речевых средств в создании комического эффекта в русской литературе)*. Алма-Ата, 1979. С. 76—80.

нечаянно бедняк падает на ребенка и убивает его, а затем в отчаянии бросается с моста, падает на старика, в свою очередь убивая и того. Судья, приняв спрятанный бедняком-ответчиком за пазухой камень за припасенные для взятки деньги, выносит решение в его пользу.

Все внешние моменты развития действия повести и сказки совпадают. Такая точность, по-видимому, не является случайной, и за ней скрыта какая-то историческая связь между повестью и сказкой.

В отличие от преимущественно стихийного фольклоризма средневековой письменности, в XVII веке, по наблюдению Д.С. Лихачева, имеет место «вполне сознательное обращение к фольклору, к фольклорным произведениям как определенному стилю»¹⁸.

Проникновение фольклора в русскую литературу XVII века приобретает самую различную направленность и самые различные формы. В одних случаях переносилась сама идеология народных масс, в других — фольклорные элементы включались в чуждую массам идеологическую систему¹⁹.

Вместе с тем демократическая литература XVII века знает случаи смелого обращения к антиклерикальному фольклору и вообще использования устнопоэтической традиции в произведениях социально-обличительного характера. В этом отношении примечательна русская сатирическая повесть XVII века о «Шемякином суде».

Впервые указал на сходство «Повести о Шемякином суде» с народными сказками о богатом и бедном брате А.Н. Афанасьев. Им был поставлен вопрос: «Овладела ли народная фантазия книжным рассказом и стала его варьировать по-своему, или самая книжная редакция есть только обработка устного народного рассказа, принадлежащая перу старинного грамотника?»²⁰. Отечественными исследователями установлено, что «Повесть о Шемякином суде» является переделкой книжником сказочного сюжета. В частности, В.П. Адрианова-Перетц, поддерживая эту точку зрения, говорит, что «...в противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всяких следов того, что в повести связано с судебной практикой XVII в., всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести»²¹.

Автор повести, используя сказочную форму, накладывает пародийное содержание на возмездное наказание, предусматриваемое в то время «Уложением 1649 года». Затеяливые и анекдотичные приговоры судьбы Шемяки, при всей их сказочности, пародийности, для XVII века не были только забавной выдумкой: они явственно намекали читателю той поры на реальную судебную практику типа:

¹⁸ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.; Л., 1967. С. 79.

¹⁹ Гусев В.Е. О фольклоризме русской литературы XVII века // Труды ОДРЛ. Литература и общественная мысль Древней Руси. Л.: Наука, 1969. Т. XXIV. С. 281.

²⁰ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1863. Вып. VIII. С. 328.

²¹ Рус. демокр. сатира. С. 226.

«А кто будет не бояся бога, и не опасаясь государские опалы и казни, учинит над кем-нибудь мучительское надругательство, отсечет руку, или ногу, или нос, или губы обрежет или глаз выколлет, и сыщется про то допряма; и за такое его надругательство самому ему то же учинити»²².

Подтверждением того, что повесть является переделкой сказок, служит стремление автора следовать книжной языковой культуре, которое нередко приводило к беспорядочному употреблению грамматических форм славяно-русского языка. Так, в повести употребляются архаичные для XVII века формы аориста и имперфекта, формы инфинитива на *-ти* в безударном положении, устаревшие формы деепричастий, устаревшие союзы *егда*, *понеже*, *ино* и др. Они встречаются в основном только в авторской речи²³.

Первые исследователи повести о Шемяке, в частности А.Н. Пыпин, Н. Снегирев²⁴ и А.Н. Афанасьев²⁵, признавали ее самостоятельным русским произведением. Спор шел лишь о том, связывать ли ее сюжет с судебными порядками XVII века или с тем Дмитрием Шемякой XV века, о котором русский хронограф XVII века замечает: «От сего убо времени в велицей Руси на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд» (Шемяка — брат Василия Темного)²⁶.

Впоследствии было отмечено сходство повести о Шемякином суде с циклом сказаний о судах, широко распространенных на Востоке и Западе, и поставлен вопрос о ближайшем источнике русской повести. В 1860 году Т. Бенфей в обширном введении к своему переводу «Панчатантры» указывает на индийское происхождение «Шемякина суда», на сходство его с тибетской сказкой из «Дзанглуна» и индийской «сказкой о Каирском купце»²⁷. Наиболее полный перечень различных параллелей повести на Востоке и Западе дает М.И. Сухомлинов в своей монографии «Повесть о суде Шемяки», вышедшей в 1873 году²⁸. Ф.И. Буслаев в работе «Мои досуги...», впервые изданной в 1861 году, для сравнения приводит не только восточный, но и западноевропейский литературный материал: немецкое стихотворение о суде Карла Великого, итальянскую новеллу Д. Серкамби, «древнеанглийское стихотворение» Б. Перси²⁹.

²² См. статью И.П. Лапицкого в кн.: Русская повесть XVII века. Л.: ГИХЛ, 1954. С. 443.

²³ *Лапицкий И.П.* Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество (Повесть «Шемякин суд») // Ученые записки ЛГУ. № 173. Серия филол. наук. Л., 1954. Вып. 20. С. 370.

²⁴ *Пыпин А.Н.* Шемякин суд // Архив Калачева. СПб., 1859. Кн. 4. Отд. V. С. 1—10; Снегирев. С. 57—59.

²⁵ *Афанасьев А.Н.* Народные русские... С. 327 (Примечания).

²⁶ История русской литературы / Под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. Т. II, ч. II. С. 197.

²⁷ Benfey. С. 402—463.

²⁸ *Сухомлинов М.И.* Указ. соч. С. 1—35.

²⁹ *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 304—305.

Элементы сатиры наслаиваются на повесть постепенно, по мере сближения ее с условиями русской действительности, и предание о мудром и неподкупном судье превращается в конце концов в один из многих рассказов о корыстолюбии и кривосуде отдельных представителей судебной власти. Такие рассказы издавна существовали во всех литературах. Так, например, персидская редакция предания о «Кривосуде» (сложившаяся в XIII веке), изображая объективную справедливость приговоров, дает резко обличительную характеристику судьи.

В рукописных сборниках конца XVII—XVIII века «Повесть о Шемякином суде» читается часто рядом с анекдотами и «смехотворными» повестями, полученными через польское посредство. Это обстоятельство и прямое указание одного из списков — «Шемякин суд — выписано из польских книг» — дало повод Н.С. Тихонравову и Н. Снегиреву относить и повесть о Шемякином суде к переводным произведениям и искать ее оригиналы в польской литературе³⁰. Повесть составляли с польской народной шуткой «О показавшем судье камень», литературно обработанной в середине XVI века Николаем Реем из Нагловиц.

А.С. Орлов и В.П. Адрианова-Перетц считают, что попытки представителей сравнительно-исторического метода установить прямую генетическую связь между русской повестью о Шемяке и иноязычными версиями сказаний о мудром и неподкупном судье, превращающимися со временем в сатиры на корыстных судей, — следует признать глубоко ошибочными³¹. По их мнению, источник русской повести о Шемяке — в самой действительности, а литературное оформление впечатлений от этой действительности произошло под прямым воздействием русских народных сказок о тяжбе бедного с богатым. В качестве подтверждения данной точки зрения можно привести тот факт, что рассказ о судебной процедуре полон в повести реалий, воспроизводящих обстановку городского суда второй половины XVII века («Из города посылка» за ответчиком, «езда приставам платить», «челобитная исковая», «бити челом судии», «судейский указ» и т.д.). Предшествующие суду события происходят в конкретной обстановке русского крестьянского хозяйства (дровни, подворотня, хомут, полати, зыбка, баня и т.д.). В сказке о двух братьях — богатом и бедном (из сборника А.Н. Афанасьева) — судья, к которому направляются все обиженные, назван «праведным»; здесь нет ни слова о камне, который судья принял за посул в повести, поэтому приговор ничем не опорочен. Этот сюжет в народной передаче ассоциировался с русскими сказками о двух братьях, наделенных разной долей (поэтому один из братьев убогий, а другой — богатый), о рождении у богача вымоленного сына, о работе в течение целого лета за одну меру ржи и т.д.

³⁰ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1861. Т. III, кн. V. С. 36 (далее — Тихонравов); Снегирев. С. 59.

³¹ Высказывания А.С. Орлова и В.П. Адриановой-Перетц цитируются по: «История русской литературы...», с. 197.

В числе работ, посвященных «Шемякину суду», можно назвать диссертацию немецкого ученого З. Софера. Он расчленяет сюжет на цепь различных мотивов. Одни комбинации этих мотивов, по его мнению, распространены на Ближнем Востоке, другие — в Западной Европе. Софер придерживается теории восточного происхождения русского сказания³².

В последнее время появились исследования, авторы которых не ставят перед собой цель рассмотреть в полном объеме историю «Повести о Шемякином суде», они касаются лишь некоторых вопросов бытования сюжета о несправедном суде в контексте других проблем. И.П. Лапицкий в числе других повестей XVII века рассматривает и «Повесть о Шемякином суде», связывая ее с русским народным творчеством. Он находит в повести факты, связанные с судебной практикой XVII века, отсутствующие в сказках³³. Другой исследователь — О.В. Васильева — в своей статье предлагает для решения проблемы происхождения повести обратить внимание на ее историко-этнографические истоки³⁴. О.В. Овчинникова утверждает, что «Повесть о Шемякином суде» представляет собой не что иное, как рукописную редакцию мирового сказочного сюжета о несправедном суде, и доказывает это на текстологическом уровне³⁵. А.М. Сулейманов в исследовании башкирских народных сказок касается, в том числе, бытования сюжета о Шемякином суде на башкирской фольклорной почве³⁶.

Шемякин суд послужил сюжетом не только для литературы, но и для народного искусства. Перейдя на лубки, повесть сделалась вполне народным достоянием. Впервые лубочное издание Шемякина суда было осуществлено Н. Снегиревым в 1861 году³⁷. Затем А.Н. Афанасьев перепечатал лубочный текст XVII века³⁸. Его текст является сокращенным изложением повести XVII века, некоторые эпизоды повести опущены. В 1881 году Д.А. Ровинский в 1-й книге «Русских народных картинок» поместил лубочный текст сказки «Шемякин суд» в двенадцати картинках, гравированных на меди, датирующихся первой половиной XVIII века³⁹. Сопоставляя имеющиеся лубочные издания и повесть, можно сделать вывод, что лубки вступают в тесную связь с рукописными сборниками XVII—XVIII веков, в общем представляя одно и то же содержание.

Интересным моментом в судьбе повести является довольно рано (с XVIII века) наметившееся стремление к ее разнообразным литературным обработкам. Наиболее полные данные о публикациях ли-

³² *Sofer Z.* Das Urteil des Schemjaka...

³³ *Лапицкий И.П.* Указ. соч. С. 370.

³⁴ *Васильева О.В.* Указ. соч. С. 91—99.

³⁵ *Овчинникова О.В.* Указ. соч. С. 106—114.

³⁶ *Сулейманов А.М.* Башкирские народные бытовые сказки. М.: Наука, 1994. С. 74.

³⁷ Снегирев. С. 57—59.

³⁸ Афанасьев 1861. № 19.

³⁹ Ровинский. Кн. 1. С. 189—192.

тературных обработок повести находятся в статье В.П. Кузнецовой⁴⁰. К XVIII веку относятся две анонимные стихотворные обработки: одна опубликована в книге «Русская демократическая сатира XVIII века»; другая, очевидно, очень популярная, была издана в 1760, 1794 и 1801 годах. К XIX веку относятся три литературные обработки в форме сказок — это «Сказка о судьбе Шемякине» из собрания Барсова, которая впоследствии была опубликована и подверглась вторичным литературным обработкам. На протяжении всего XIX и начала XX века повесть подвергалась литературным обработкам, принадлежащим как отечественным, так и зарубежным поэтам, журналистам, ученым. Среди них можно отметить две стихотворные — Ореста Миллера «Судья Шемяка» и К.Н. Льдова «Шемякин суд»⁴¹, одну прозаическую — Н. Полевого «Старинные сказки с новыми присказками»⁴² и две драматические — комедии Н.Н. Попова и А. Глаголина⁴³. Среди иностранных литературных обработок выделяются итальянская новелла Джованни Серкамби (1347—1424)⁴⁴; «древнеанглийское стихотворение» Б. Перси, опубликованное им вместе с другими балладами и романсами⁴⁵; а также обработка древнерусской повести немецким поэтом А. Шамиссо⁴⁶.

Рассмотрение всех литературных обработок в сопоставлении с повестью приводит нас к выводу о том, что характерные особенности «Повести о Шемякином суде» ее литературным обработкам, в общем, не удалось сохранить. Главным образом это объясняется тем, что сюжет всегда служит для писателя только точкой отсчета при осуществлении своих замыслов.

* * *

Сказки сюжетного типа АТ 1534 распространены во многих странах мира. Но показательно, что русское название сказки⁴⁷ стало общепринятым международным обозначением этого сюжета. Аарне, а вслед за

⁴⁰ Кузнецова В.П. Повесть о Шемякином суде и ее литературные переложения // Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы. М., 1967. С. 41—42

⁴¹ Миллер О. Судья Шемяка // Отечественные записки. СПб., 1873. Т. 3. С. 458—462; Льдов К.Н. Шемякин суд // Исторический вестник, 1890. № 1. С. 104—114.

⁴² Полевой Н.А. Старинные сказки с новыми присказками // Московский телеграф. М., 1832. № 21, 22, 24. С. 427—496.

⁴³ Попов Н. Шемякин суд. Комедия в 1 действии. М., 1900; Глаголин А. Шемякин суд. Комедия в 8 эпизодах для кукольного театра. М., 1936.

⁴⁴ Перевод этого произведения см.: Буславев Ф.И. Указ соч. Ч. 2. С. 304—305.

⁴⁵ Там же. С. 305—306.

⁴⁶ См.: Пушкарева Н.Л. Обработка А. Шамиссо древнерусской повести «Шемякин суд» // Международные связи России до XVII века. Сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 516—532.

⁴⁷ Некоторые исследователи связывают имя судьи с реально существовавшим князем Дмитрием Шемякой (1420—1453), известного своим кривосудом, но точных данных для таких предположений нет.

ним Томпсон и Л.Г. Бараг в своих указателях сказочных сюжетов сводят сказки типа АТ 1534 к угрозе спрятанным камнем, который судья принимает за взятку. Сказки о судьбе, в которые не входит мотив угрозы камнем, таким образом, исследователями не привлекаются. В таких сказках судья либо честен, либо обманут каким-то другим способом⁴⁸. С другой стороны, под индекс 1534 попадают варианты иного сказочного сюжета, который, однако, органично включает мотив обмана с камнем⁴⁹.

Следовательно, вариантами изучаемого сюжета мы будем считать сказки, включающие цепь мотивов неумышленной порчи, наказание за которую определяет праведный или неправедный судья. Последовательность мотивов неодинакова, мотивы взаимозаменяемы. В их чередовании и взаимозаменяемости нередко проявляется национальный колорит варианта. Интересно отметить, что наибольшей стабильностью в сказках народов мира обладают три мотива: неумышленная, но строго наказуемая порча животного; убийство ребенка (чаще всего во чреве матери), виновный в котором должен прижить нового ребенка с женою истца; убийство человека, требующее отпущения тем же способом, каким было совершено⁵⁰.

В «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» сюжетная схема *восточнославянских вариантов* типа АТ 1534 представлена следующим образом:

- 1) бедный брат одалживает у богатого лошадь и нечаянно отрывает ей хвост;
- 2) по дороге к судье просится на ночлег и невзначай губит ребенка хозяев;
- 3) нечаянно убивает человека, прыгнув сверху;
- 4) за всё это должен ответить перед судьей;
- 5) показывает судье спрятанный за пазухой (в мешке) камень, и тот, принимая этот жест за обещание взятки, выносит выгодный для бедняка приговор.

Восточнославянские и западноевропейские варианты сюжетного типа АТ 1534 имеют много общих особенностей.

Мотив о неумышленной порче животного (в восточнославянских — лошади, быка, вола) является одним из устойчивых мотивов сюжета о неправедном судье как в западноевропейской, так и восточной литературе. Например, в индийской сказке о Каирском купце солдат сталкивается с всадником и нечаянно вышибает у лошади глаз⁵¹. В новелле итальянского писателя Д. Серкамби крестьянин, помогая мужику вытащить завязшую в грязи лошадь, отрывает ей хвост. А в

⁴⁸ См. Смирнов. № 187; СНД. № 81 и др.

⁴⁹ Бирюков. С. 235—237.

⁵⁰ О.В. Васильевой в указанной выше работе проведен подсчет вариантов: из 43 рассмотренных ею сказок мотив порчи животного включается в 37 вариантов, а мотив убийства ребенка и убийства, требующего возмездия, — в 30 вариантов сюжета.

⁵¹ Булаев Ф.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 304—305.

тибетской сказке Шифнера брахман на просьбу прохожего остановить лошадь бросает в нее камнем и убивает⁵². Приговор судьи идентичен приговорам в восточнославянских сказках: держать у себя лошадь до тех пор, пока у ней не отрастет хвост. В тибетской сказке судья велит хозяину лошади отрезать язык, так как он сам велел остановить лошадь, а виновному — отрезать руку, которой он бросил камень. И еще один эпизод встречается как в польской⁵³, так и в русской сказках: неумышленную порчу животного совершает не человек, а хищник. Лошадь, одолженную для работы, съедает волк; хозяин лошади требует возмещения убытка. Приговоры судей отличаются один от другого. В русской сказке Афанасьева судья велит убогому купить другую лошадь взамен съеденной волком, а богатому — отдать ему сына, мотивируя это тем, что «он тебе сына вымолил, а ты его добра не помнил». В польском же варианте дело решается следующим образом: возвратив коня, крестьянин из-за отсутствия хозяина оставляет его на подворье, где коня съедают волки. Хозяин знает об этом, но предпочитает молчать, настаивая на возмещении убытков. Судья каверзным вопросом добивается от истца такого ответа, которым тот выдает себя. Иск отклоняется.

Другой мотив, связанный с непреднамеренным убийством ребенка, тоже разнообразно варьируется как у восточных славян, так и на Западе и Востоке. В индийской сказке несчастный герой бежит от своего кредитора и сбивает с ног беременную женщину, которая вследствие этого преждевременно рождает (см. множество восточнославянских вариантов). В итальянской — крестьянин Ландрея встречает благородную даму. Лошадь под ней пугается Ландреи и сбрасывает беременную даму; последствия тоже весьма печальны. В немецкой «Песне о правде Карла Великого» дорогой на суд купец засыпает и не замечает, как его лошадь давит ребенка⁵⁴. И, наконец, в тибетской сказке Дзанглуна⁵⁵ и тибетском варианте А. Шифнера⁵⁶ встречается эпизод, имеющий место в большинстве восточнославянских вариантов, — присев отдохнуть на покрытое одеждой место, человек давит лежащего там ребенка. Судья, как праведный (Карл Великий), так и неправедный (Шемяка), поступает одинаково: он предлагает виновному взять женщину и жить с ней до ее новой беременности. В тибетской сказке А. Шифнера он повелевает отрезать руку женщине, так как оставила ребенка спать под платьем, а у бедняги-ответчика выколоть глаза, потому что он не увидел под одеждой ребенка. Т. Бенфей делает предположение о восточном происхождении этого материала и приводит в качестве примера

⁵² Schiefner 1906. С. 29—36.

⁵³ Текст сказки на польском языке см.: Летописи русской литературы... С. 37.

⁵⁴ Буслаев Ф.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 302—303.

⁵⁵ Ровинский. С. 168.

⁵⁶ Schiefner 1906. С. 29—36.

буддийскую легенду, в которой жрец, ненамеренно севший на ребенка и умертвивший его, должен добыть матери другого⁵⁷.

Рассмотрим, наконец, мотив об убийстве человека падением сверху. В восточнославянских и западных вариантах бедняк, убегая от ведущих его в суд истцов, решает лучше покончить жизнь самоубийством, чем доводить дело до суда, исход которого видится ему в довольно мрачном свете. В некоторых восточнославянских, а также в английской⁵⁸, еврейской⁵⁹ и итальянской версиях обвиняемый бросается в море (реку) и убивает сидящего в лодке рыбака. В других восточнославянских вариантах он прыгает с моста, горы, церкви, крыши или в колодезь⁶⁰ (см. разнообразные параллели в тибетской сказке А. Шифнера, индийской сказке о Каирском купце, польской сказке и буддийской легенде). Решение суда везде одинаково: истцу предлагается также прыгнуть на обвиняемого и убить его до смерти. В польском варианте судьи нет, сам виновник несчастья говорит сыну убитого: «Друг мой! Если я погрешил, то не требую и покаяния; взойти ты на то место, откуда я упал, и я сяду, где сидел твой отец, и так бросаюсь вниз, убей и меня до смерти». Челобитчикам оказывается выгоднее не доводить решений суда до исполнения. Они предпочитают откупиться и удалиться⁶¹.

Подкуп судей, их корыстолюбие и взяточничество составляют один из любимых сюжетов сатирических произведений западноевропейской литературы. Таким образом, показывание камня на суде не составляет исключительной особенности восточнославянской сказки. Н.С. Тихонравов приводит поразительно сходную по тону и мотиву черту из произведения польского писателя XVI века Рея из Нагловиц: «У подсудимого, — пишет Рей, — лежал за пазухой камень, а судья принял его за мешок с деньгами и решил дело в пользу подсудимого, который объяснил ему, что этот камень полетел бы ему в лоб, если бы он решил дело несправедливо»⁶². По замечанию И.М. Снегирева, появление камня в суде Шемяки напоминает старинную русскую поговорку: «С подьячим водись, а камень за пазухой держи»⁶³. Эта поговорка еще больше сближает восточнославянские варианты с польским народным, переложённым в стихи Реем из Нагловиц. Т. Бенфей считает, что «чисто русское мотивирование приговора — мнимый подкуп, вероятно, вставлено позднее».

Особняком стоят некоторые варианты не о мнимом, а о действительном подкупе судей, которые также примыкают к сюжету АТ 1534.

⁵⁷ Высказывание Т. Бенфея см.: *Сухомлинов М.* Указ. соч. С. 18.

⁵⁸ *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 305—306.

⁵⁹ Повесть о суде Шемяки // Общество любителей древней письменности. Сост. предисл. Ф. Булгаков. СПб., 1879. Т. XXXVIII. С. 3 (далее — Булгаков).

⁶⁰ Афанасьев 1861. № 19. С. 82—84.

⁶¹ Тихонравов. С. 36.

⁶² Там же. С. 38.

⁶³ Снегирев. С. 59.

В двух русских, польском, еврейском и бирманском вариантах⁶⁴ судья-взяточник принимает дары от подсудных ему лиц и выносит оправдательный приговор в пользу того, чей подарок ему больше пришелся по душе. При этом обычно проигравший дело старается напомнить о взятке, выражаясь в разных сказках примерно одинаково: «Вы нас разберите, как топором разрубите» или «Да засветит твой свет (т.е. твоя мудрость), как ярко горящая лампада!». Судья отвечает тоже иносказательно. Один судья говорит кузнецу: «Законы быком прут, никуда не денешься», а другой заявляет: «В том-то и дело, что лампада не светит уже больше. Наскочил ливийский осел и разбил лампаду».

В сказке народов Бирмы действующими лицами являются не люди, а животные. Рассмотрим этот вариант подробнее, так как исследователями он еще не приводился в качестве примера в данном контексте. В большом лесу, которым правила выдра, обезьяна разрушила гнездо певчей птицы. Птица была возмущена разбоем и отправилась с жалобой к выдре. Суд был назначен на следующий день. Птица заранее принесла выдре веточку с маленькими плодами, а обезьяна запаздывала. Наконец, она пришла и обратилась к судье со словами: «Уважаемый суд, разбирая дело, Вы должны смотреть вперед и назад». Выдра посмотрела назад и увидела большую рыбу, которую принесла ей обезьяна. Посмотрела вперед — там были недоеденные плоды. Рыбу выдра любила больше. «Обезьяна невиновна, — сказала она, — зачем ты, птица, построила гнездо там, где гуляет обезьяна? Ты поступила незаконно и должна быть наказана». Этот вариант интересен тем, что, хотя героями сказки являются животные, сюжетный ход повествования мало чем отличается от только что разобранных выше польского и еврейского вариантов. Но думается, что эта сказка — не единственная в своем роде. По мусульманской легенде известно, что Соломон творил суд и расправу не только между людьми, но и между животными. Так, он решает тяжбу лягушки со змеею. В Цюрихе, например, сохранялось предание, что Карл Великий во время своего пребывания в этом городе вынес приговор в пользу змеи, которая судилась у него на суде с жабою⁶⁵. Таким образом, если в бирманской сказке действующие лица — животные, то в сказаниях о суде Соломона и Карла Великого подсудными лицами являются животные, а судьей все равно остается человек.

Итак, можно сделать вывод, что при сравнении восточнославянских сказок со сказками других народов мира подмечено много общих особенностей, но бросается в глаза отсутствие в них двух весьма существенных мотивов, а именно: условия и приговора о вырезании мяса несостоятельного должника (АТ 890) и о найденных деньгах, якобы возвращенных с недостатчей.

⁶⁴ ФН. 1976, С. 190; *Бейлин С.Х.* Указ. соч. С. 135; Там же. С. 134; Там же. С. 132—133; Сказки народов Бирмы. М.: Наука, 1976. № 90. С. 249.

⁶⁵ *Буслаев Ф.И.* Указ соч. Ч. 2. С. 306.

* * *

Русские, белорусские и украинские варианты имеют много общих особенностей.

Так, в большинстве *восточнославянских вариантов* героями сказок о Шемякином суде являются два брата — богатый и бедный; в некоторых случаях один из них — дурак или просто «дураковатый» человек⁶⁶.

Только в восточнославянских вариантах встречается мотив о вымоленном сыне. Обычно у бедного брата бывает много детей, а у богатого — ни одного. По просьбе богатого, а иногда и по своему желанию бедняк с женой молятся богу о том, чтобы у брата появилось дитя. Богатый обещает взять убогого в кумовья, если его мечта исполнится. Но при рождении ребенка он забывает о своем обещании и даже не приглашает бедного брата на крестины.

В нескольких вариантах нечаянная порча лошади является следствием мотива о вымоленном сыне⁶⁷. Бедняк, думая, что брат просто запмятовал пригласить его на крестины, решает напомнить о себе и идет просить совсем не нужного ему коня. А раз брат дал, ему приходится взять и уйти несолоно хлебавши. Но в основной массе вариантов эти мотивы не связаны.

Самой распространенной особенностью в мотиве о неумышленной порче животного в восточнославянских сказках является лишение лошади хвоста. Богатый не дает бедному хомута, и тот вынужден привязать сани к хвосту лошади. Небольшое препятствие (подворотня или маленькая ямка) оказывается непреодолимым, и у лошади отрывается хвост.

Нигде больше, кроме восточнославянских, не встречается мотива о чудесном старце или смерти, которые карают бедного брата за работу в воскресный день, убивая одолженных им у богатого волов. Правда, они ставят его перед выбором: или умрет сын у брата, или сам брат, или его волы. Бедный брат выбирает смерть волов.

Богатый и бедный братья по дороге на суд заходят переночевать к знакомым. Только в восточнославянских сказках встречается следующая трактовка другого мотива (непреднамеренное убийство ребенка): бедняк, засмотревшись на обедавших брата и хозяина, падает с полатей или печи на ребенка и зашибает его до смерти. В некоторых случаях⁶⁸ его просят покараулить ребенка, побережь его от мух (кота). Он, желая прибить муху (кота), попадает в ребенка.

Потерпевших становится двое. Бедняк в русском варианте Куприяниках⁶⁹, как и в других сказках, думает: «Все едут со мной судиться, лучше мне с горы убиться». Он прыгает с моста (горы), падает на боль-

⁶⁶ Бирюков. С. 235—237; БНТ. III. № 164. С. 347—348.

⁶⁷ Афанасьев 1861. № 19; Куприяниха. № 34; Смирнов. № 187; БНТ. III. 163.

⁶⁸ Куприяниха. № 34; Гринченко. I. № 177.

⁶⁹ Избр. мастера. № 30.

ного старика, которого сын вез в баню, и убивает его. Сын убитого присоединяется к истцам.

Исключительно в восточнославянских сказках и одном польском⁷⁰ варианте встречается угроза судьбе камнем, который тот принимает за взятку — мешок с деньгами. Только в восточнославянских вариантах бедняк, желая обратить внимание судьи на себя и на камень за пазухой, говорит с разными вариациями примерно одно и то же: «Судить-то суди, да смотри-то сюды!», «Суди суд по закону, а то будет мне и тебе» или «Суди, суди и сюды гляди!».

Судья в восточнославянских сказках в основном несправедлив, но встречаются варианты⁷¹, в которых он судит по совести. Однако приговоры как праведного, так и несправедливого судьи сходны в своей основе. В восточнославянских вариантах встречаются две разновидности первого приговора судьи: одна — отдать лошадь ответчику, пока не вырастет хвост (см. западноевропейские варианты). Вторая разновидность — отдать бедняку вымоленного сына — встречается только в восточнославянских вариантах. Судья в сказке А.Н. Афанасьева⁷² говорит богатому брату «Он тебе сына вымолил, а ты его добра не помнил».

Второй приговор судьи — отдать жену (попадью) ответчику, пока не родит ребенка — не отличается от подобных же приговоров в западноевропейских сказках.

Третье решение судьи в восточнославянских вариантах сходно с решениями судей в сказках других народов мира: он велит челобитчику самому спрыгнуть сверху на виновного и убить его при падении.

Сказки, как русские, так и украинские и белорусские, заканчиваются тем, что судья просит обещанную взятку у бедняка. Тот в ответ на это показывает ему камень и говорит: «Если бы ты судил не по мне, я бы тебе этим камнем лоб расшиб». И почти во всех восточнославянских сказках судья в конце с облегчением или разочарованием восклицает: «Ну, слава богу, что я по тебе судил-то!» или «Ге, плохая шутка! И душою покривив, и грошей не узяв!»⁷³.

* * *

Русские сказки сюжетного типа АТ 1534 представлены в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» девятнадцатью вариантами. В подавляющем большинстве сказок повествуется о двух братьях — богатом и бедном, герой одной из них⁷⁴ — глухонемой дурак Иван, в двух других⁷⁵ — это чужие люди, которые подали друг на друга в суд, и действующим лицом единственного варианта⁷⁶ яв-

⁷⁰ Ровинский. С. 170.

⁷¹ Афанасьев 1861. № 19; Шейн. № 119. С. 256—257; БНТ. III. № 162 и др.

⁷² Афанасьев 1861. № 19. С. 84.

⁷³ Карнаухова. № 153. С. 323; Чубинский. II. Ч. 2. № 119. С. 657.

⁷⁴ Бирюков. С. 235—237.

⁷⁵ Смирнов. № 187; ФН. 1976. С. 160.

⁷⁶ Новиков. № 23.

ляется ловкий вор Фомка, известный нам по главе первой (АТ 950 + АТ 1534).

Братья противопоставляются друг другу как в нравственном, так и в имущественном отношении. Бедный брат обычно добр и незлобив. Он не только не желает брату зла, но даже в одном из вариантов молится Богу с женой 40 дней и ночей, чтобы у бездетного брата родился ребенок.⁷⁷ В сказке А.Н. Афанасьева, например, говорится про братьев: «Один как черт богат, другой — до того беден, что почти есть нечего»⁷⁸. На просьбу бедного брата в варианте В. Потявина дать ему пудика три муки богатый отвечает: «Пусть твои девки пожнут у меня»⁷⁹. И когда подходит время жатвы, дочери, вместо того, чтобы на своем поле работать, идут на поле своего богатого дяди. В другой сказке бедняк работает на брата всю зиму, а тот дает ему за это только две меры ржи⁸⁰ и т.д.

Бедный обычно бывает многодетным, а богатый — бездетным. И в варианте замечательной сказочницы Куприянихи жизнь их описывается таким образом: «Бедный всегда со своими детьми весело кушал, а богатый всегда грустил. У бедного хоть тюрю накрошат, а с грохотаньем едят, а этот богатый хоть мяса наварит, — всё ему не идет»⁸¹. Помолиться, чтобы бог дал ему дитя, просит бедного сам богатый брат, обещая за это взять его в кумовья. Бедный молится сорок дней и сорок ночей. Господь, услышав его молитвы, дает богатому ребенка. Однако тот не то что взять в кумовья — даже не зовет брата на крестины. Убогий находит предлог, чтобы зайти в дом к брату, где справляются крестины, — он просит лошадь. В большинстве других вариантов мотива о вымоленном сыне нет, и бедняк приходит просить к брату лошадь, потому что она ему действительно нужна для работы. Но брат не дает ему хомут (сбрую) или бедный забывает об этом и не смеет вернуться, чтобы попросить вторично. Однако без хомута лошадь не запряжешь, поэтому ему приходится привязать сани к хвосту лошади. Хватает небольшой преграды, и хвост от тяжести воза отрывается.

В варианте Куприянихи крестьянин рубит дуб, который, свалившись, падает прямо на лошадь и давит ее. Бедняк, желая вытащить лошадь из-под дуба, отрывает ей хвост. В другой сказке лошадь съедает волк, пока бедный рубит дрова⁸².

Также в русских вариантах встречается эпизод, известный нам по сказкам народов мира. У дворянина или обозника лошадь вязнет в грязи или сугробе. Горемыка, помогая ее вытащить, отрывает ей хвост.

В одной из сказок А.Н. Афанасьева⁸³ есть интересная подробность, которая сближает наш сюжет с волшебными. Убогий, засеяв и заборон-

⁷⁷ Куприяниха. № 34. С. 153

⁷⁸ Афанасьев 1861. № 19.

⁷⁹ Потявин. № 27.

⁸⁰ Афанасьев 1861. № 19.

⁸¹ Куприяниха. № 34. С. 153.

⁸² Афанасьев 1861. № 19.

⁸³ Там же (с. 82).

новав поле на быках брата, по дороге домой встречает старца, который наделен способностью карать смертью за грехи, будь то смерть быков или людей. И если в белорусских и украинских вариантах чудесный старик или смерть наказывают за работу в воскресный день, то в русском это только подразумевается. На словах же старец мотивирует свое наказание тем, что «твой брат богат, да немилостив». Он предлагает выбрать одно из двух: или сын у брата помрет, или быки сдохнут. Бедняк выбирает последнее, и брат ведет его на суд, чтобы возместить убытки. В большинстве же сказок богатч идет судиться с убогим из-за того, что тот лишил его лошадь хвоста.

В большей части русских сказок мотив с лишением лошади хвоста (неумышленная порча животного) обычно предваряет все другие сюжетные версии. Однако в сказке из сборника А.М. Смирнова «Сколько я горя перелез»⁸⁴ этот мотив является заключительным, также нехарактерно для сказок типа АТ 1534 ее начало. Мужик, отправившись в извоз, гонится за белкой, лезет на дерево и проваливается в дупло. По истечении трех дней его освобождает другой мужик, приехавший за дровами. Дальше главного героя настигает та же череда несчастий, как и главных действующих лиц остальных вариантов.

После мотива о порче животного чаще всего идет сюжетный ход о нечаянном убийстве младенца. По дороге в суд братья заходят переночевать к богатому мужику. Замерзший бедняк лезет отогреваться на печку, а брат с хозяином садятся есть. Бедного не приглашают, ведь только «богатых везде почитают, везде за стол сажаят», — говорит в своей сказке Куприяниха. Засмотревшись на ужинавших, убогий падает с печи (полатей) на ребенка. В одном варианте⁸⁵ он прыгает с полатей, чтобы самому убиться, страшась того, что его засудят. И еще в одной сказке⁸⁶ обвиняемый в порче лошади не может заснуть, хочет выйти на улицу и невзначай наступает на ребенка, который вместе с матерью лежал на полу. Убийства младенца во чреве матери, случая с беременной женщиной, в русских вариантах не отмечено.

Как в украинских и белорусских сказках, так и в одной русской⁸⁷ попадьи не может разродиться, некого послать за бабкой, отправляют прохожего, который остался у них ночевать. Бабку он везет на тележке, так как она стара, больна или иначе не хочет. Ослабевший с голоду человек упускает тележку с бабкой в воду, она тонет, он возвращается обратно. В его отсутствие у попадьи рождается ребенок, которого прохожего просят покараулить от кота. Мужик, замахнувшись на кота, попадает в новорожденного. Его ведут на суд.

Третий мотив — немотивированное убийство при падении сверху — представлен в русских вариантах следующим образом: обвиняемый, ведомый в суд двумя, тремя истцами, решает лучше покончить жизнь

⁸⁴ Смирнов. № 187.

⁸⁵ Карнаухова. № 153.

⁸⁶ Потявин. № 27.

⁸⁷ Померанцева. № 96.

самоубийством и прыгает с моста, горы или колодца вниз. Однако убиться ему не удастся, так как он падает в одном варианте⁸⁸ на большого отца, которого сын провозит под этим мостом, а в другом⁸⁹ — на человека, который копает колодец. И в третьей сказке⁹⁰ его вина лишь косвенная: разбежавшись, он привел в движение неустойчивый склон, гора сдвинулась и подавила мальчиков, стерегущих внизу лошадей.

Сказка «Иван и судья-взяточник» в сборнике А.В. Бардина⁹¹ интересна подробностями, никак не связанными с перечисленными выше тремя мотивами. Иван приземил в дверях собаку попа, и последний, по приговору судьи, должен идти в дом Ивана, чтобы там собака порвала ему штаны. Здесь соблюдается лишь условие неприемлемого решения, однако мотив теряет внутреннюю логическую законченность.

В русских сказках сатирический эффект в отличие от иностранных вариантов достигается введением мотива угрозы и обмана камнем. В большинстве версий обвиняемый заворачивает камень в платок и в таком виде показывает его из-под полы судье. Тот, принимая камень за взятку, выносит оправдательный приговор. Реакция судьи на мнимые посулы обличает его. И три сказки стоят особняком от прочих, так как их сближает с нашим сюжетом только эпизод с камнем, больше точек соприкосновения нет, хотя составители указателей сюжетов и причисляют эти варианты к типу АТ 1534.

Первый из них — «Как бедняк с богатым судился»⁹². В нем действует кузнец, богач и необычные для данного сюжета эпизодические лица — девочка, работник... Традиционные эпизоды «Шемякина суда» (бедняк отрывает хвост у лошади, давит ребенка, убивает старика, бросившись с моста и т.п.) здесь опущены, но введены новые (богач кузнеца побил, дочка кузнеца относит судье топор, работник богача приводит судье быка). Анекдотичный финал «Шемякина суда» получает творческое переосмысление — богач оправдан, а судья поясняет, почему: «Законы быком прут, никуда не денешься». Аналогичные варианты есть и у других народов нашей страны. В аварской⁹³ и грузинской⁹⁴ сказках — такой же ход повествования. В аварском варианте судья после суда изрекает: «Видел я топор где-то во дворе. Да бычок успел его загадить». Грузинский судья вторит ему: «Что поделаешь, его кабан поддел клыком твой горшок и разбил!».

Второй вариант⁹⁵ тоже отличается нехарактерными для данного сюжетного типа особенностями. Глухонемой дурак Иван нанимается к попу в работники со сразу оговоренным сроком в два года. Но поп, не

⁸⁸ Карнаухова. № 153.

⁸⁹ Афанасьев. № 19.

⁹⁰ Куприяниха. № 34.

⁹¹ Бардин. № 199.

⁹² ФН. С. 190.

⁹³ Аварские народные сказки. М.: Наука, 1972. № 47.

⁹⁴ Грузинский народный юмор. Притчи и сказки / Под ред. М.Я. Чиковани. Тбилиси, 1967. С. 36.

⁹⁵ Бирюков. С. 236—237.

вытерпев до дня окончания контракта, решает избавиться от неугодного работника и подает на него в суд. Однако на суде у дурака хватает ума показать судьям из-за пазухи мешочек с камнями. Его оправдывают и велют попу держать работника до конца установленного срока. После суда дурак говорит, что этими камнями он разбил бы судьям головы, если бы они вынесли невыгодный для него приговор. И далее идут другие нетипичные для нашего сюжетного типа подробности: попадьа с попом бегут от дурака, он обманом топит в реке батюшку.

И третья сказка⁹⁶ помещена в сборнике Новикова под названием «О племяннике Фомке». Она сложна по композиции, включает в себя ряд сюжетов и мотивов из двух циклов: «О разбойниках и ворах», «О хитрых и ловких людях». Вначале идет сюжет АТ 950 о дяде и племяннике, затем сюжет АТ 1534. Проходя по городу, Фомка с умыслом учиняет драку, чтобы доставить дяде способ своровать что-нибудь из карманов у любопытных. Фомку ведут к воеводе (как зачинщика). По дороге он поднимает большой камень и кладет за пазуху, потом показывает его во время слушания дела воеводе. Воевода в надежде на взятку изгоняет доносчиков как пришедших из-за пустяков утруждать воеводу и требует обещанное. После слов Фомки о том, что хотел он проломить ему камнем голову в случае признания его виновным, судья прогоняет вора в шею. Далее идет окончание сказки, как в сюжетах типа АТ 950 — «Сокровища Рампсинита» и АТ 951А, В — «Царь и вор».

Приговоры судей не отличаются разнообразием, за исключением первого мотива (порча животного), куда органично включается эпизод о вымоленном сыне. В основной массе сказок судьей выносятся решение отдать лошадь виновному, пока у нее не отрастет хвост (см. варианты типа АТ 1534 в сказках народов мира), в некоторых вариантах⁹⁷ им рекомендуется в обмен за быков отдать свое дитя брату, так как тот вымолил его у Бога, и в одной сказке⁹⁸ предлагается по той же причине убить наперед сына, прежде чем требовать, чтобы бедняк купил ему быков.

По второму мотиву приговор тот же — отдать жену, пока она не родит ребенка. Действующими лицами многих русских сказок являются поп и попадьа. Само появление попа в числе истцов и приговор об отнятии у него попадьи связаны с тем, что потеря жены особенно чувствительна для русского попа, не имеющего права вступать во второй брак.

И относительно третьего приговора судья избирает наказание, повторяющее преступление: истцу надлежит прыгнуть сверху и убить при падении ответчика. В большинстве вариантов потерпевшие откупаются от исполнения решения судьи, и в единичной версии⁹⁹ старик, прыгнув на виновного в смерти своего сына, разбивается сам. Вариан-

⁹⁶ Новиков. № 23.

⁹⁷ Куприяниха. № 34; Афанасьев 1985. № 320; БНТ. III. № 163.

⁹⁸ Афанасьев 1861. № 19.

⁹⁹ Иваницкий. № 653.

ты обычно заканчиваются обогащением бедного брата за счет того, что проигравшие иск, не желая выполнять приговоров суда, одаривают его скотом, хлебом и деньгами.

Существует еще одна версия сюжетного типа АТ 1534¹⁰⁰. В ней контаминируются сюжеты АТ 1534 и АТ 1735 — «Поп и крестьянин». Мужик и поп направляются к архиерею, чтобы он их рассудил; архиерей назначает суд на следующий день; мужик прячется на ночь в доме архиерея и подслушивает его разговор с женщиной; утром во время суда намекает на это, архиерей выносит выгодный для мужика приговор. Данная замена угрозы камнем угрозой разоблачения несправедного поведения судьи напоминает нам восточные варианты, в которых казий, захваченный врасплох с женщиной на коленях (азербайджанская сказка)¹⁰¹ или за другим непотребным делом, вынужден судить в пользу очевидца его позора.

Среди опубликованных текстов выделяются варианты известной сказочницы Куприянихи (А.К. Барышниковой): один из них находится в сборнике под редакцией И.П. Плотникова, посвященном творчеству Куприянихи, другой — в издании М. Азадовского «Русская сказка. Избранные мастера»¹⁰². Оба варианта близки в своей основе, отличаются лишь рядом деталей. Сказки направлены против несправедливого суда, отрицательными чертами рисуется и богатый брат. Эпизод с просьбой вымолить сына богатому брату у бога совпадает с таким же в восточнославянских вариантах сюжета АТ 950. В варианте издания под редакцией И.П. Плотникова произошло своеобразное наложение мотивов: бедняк рубит дуб, который, падая, давит лошадь; желая вытащить лошадь из-под дерева, бедняк отрывает ей хвост. Однако здесь непонятен и плохо мотивирован приговор по делу с братом (отдача ребенка вместо коня). Очевидно, это нужно понимать как компенсацию за отказ в кумовстве, результатом чего явилась поездка в лес и потеря коня. Конец сказки — идиллический разговор мужа с женой — является несомненно изобретением самой сказочницы и очень характерен для ее настроений. Сказки рассказаны образным языком: «с грохотаньем едят», «с горем одеваемся, с горем обуваемся», «хотел задаром душу положить» и т.д. В вариантах много рифм: «Ты богу молил, а тебя брат не убоготворил», «Упала осина и убила мерина Максима», «Жена-то его ждет, по-коровьи ревет».

Сделаем общие выводы относительно русских сказок сюжетного типа АТ 1534.

Чем русские сказки ближе к современности, тем сильнее в них сатирический эффект. В наиболее ранних сохранившихся вариантах судья поступает справедливо согласно своим представлениям о добре,

¹⁰⁰ См. указатель сюжетов, не зафиксированных в СУС, в кн.: *Соболева Н.В.* Типология и локальная специфика сатирических сказок Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. № 35. С. 163.

¹⁰¹ Азерб. тюркск. ск. С. 490—492.

¹⁰² Куприянихи. № 34; Избр. мастера. № 30.

зле, совести (такие версии сохранились также у украинцев и белорусов). Но в большинстве сказок, которые мы имеем, судья — неправедный, и если он выносит справедливые приговоры, то только в надежде на взятку. Рассказчик одной из сказок¹⁰³ таким образом характеризует судью: «Завидливые судейские глаза разгорелись, страсть ко взяткам принудила его делать все в пользу Фомкину». Такие судьи восклицают при виде обвиняемого: «С этого взять нечего, что привели»¹⁰⁴ (или: «Гляди, у него денег много, всех подарит нас»¹⁰⁵). А в варианте В. Потявина¹⁰⁶ действуют два судейских чиновника — судья Шемяка и писарь Кривяка, которые совещаются между собой перед вынесением приговора. Их «говорящие» имена напоминают нам прозвища четырех Содомских судей из Вавилонского Талмуда¹⁰⁷: Шакрай (Лгун), Шакрурай (Обманщик), Зайфи (Мошенник) и Маули-Дина (Кривосуд). Своим сатирическим настроением сказание из Вавилонского Талмуда сходно с русскими вариантами.

В этих сказках, по словам М.И. Сухомлинова, истинно русское — не их характер, общее содержание и мотив, а многие подробности, взятые из русского быта¹⁰⁸. Горемыка, закабаливший себя за две меры ржи, занесенная снегом дорога с сугробами, из которых вытаскивают приезжих; нежелание отдать дитя в чужую семью ни за какие деньги; рождение вымоленного ребенка, зарок взять в кумовья, раздумье о том, что хоженного дать нечего, что голова давно смечена и не быть живому при тогдашних судейских порядках и т.д., — всё это внесено в сказку русскими сказочниками.

Исследователями давно было замечено стремление сказителей заменять безымянные лица какими-либо именами. Так и судья, поначалу бывший безымянным, получил имя Шемяка, вероятно потому, что реально существовавший князь Дмитрий Шемяка был известен своим несправедливым судом.

Таким образом, отличительной особенностью русских вариантов является то, что они вносят в сюжет сатирическую мысль, своеобразные особенности русского быта и приурочивают сказки к историческому лицу.

Контаминации АТ 1534 с сюжетными типами 1534^{xx} — «Неправый судья» и 1861А — «Бычок успел его загадить» распространены как в фольклоре нашей страны, так и на Западе и Востоке.

Поскольку в восточнославянских сказках есть типы, не включенные в СУС (Сравнительный указатель сюжетов), дадим им буквенное обозначение («Вымоленный сын» — а, «Чудесный старец убивает вол» — б).

¹⁰³ Новиков. № 23. С. 77.

¹⁰⁴ Смирнов. № 187. С. 531.

¹⁰⁵ Избр. мастера. № 30. С. 142.

¹⁰⁶ Потявин. № 27.

¹⁰⁷ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 21.

¹⁰⁸ Там же. С. 29.

Только в восточнославянских (русских и в ряде украинских и белорусских) вариантах встречаются контаминации АТ 1534 с типами АТ 1680 — «Муж (дурень) ищет повитуху», а — «Вымоленный сын» и б — «Чудесный старец убивает волв».

Очень многие контаминации АТ 1534 с другими сюжетными типами характерны только для русского сказочного материала: 1691 — «Дурак домовничает», 1688 — «Слуга должен усугублять заявление хозяина», 1132 — «Бегство от работника (от дурака)», 1120 — «Хозяйка (поп) сброшена в воду вместо работника», 1877^х — «Человек в дупле», 1525Д — «Ловкий вор обманывает прохожих», 1525А — «Ловкий вор», 950 — «Сокровища Рампсинита», 951А,В — «Царь и вор», 1735 — «Поп и крестьянин».

Общая картина контаминаций сюжета «Шемякин суд» с сюжетами или отдельными мотивами сказок других типов может быть представлена схемой (рис. 1).

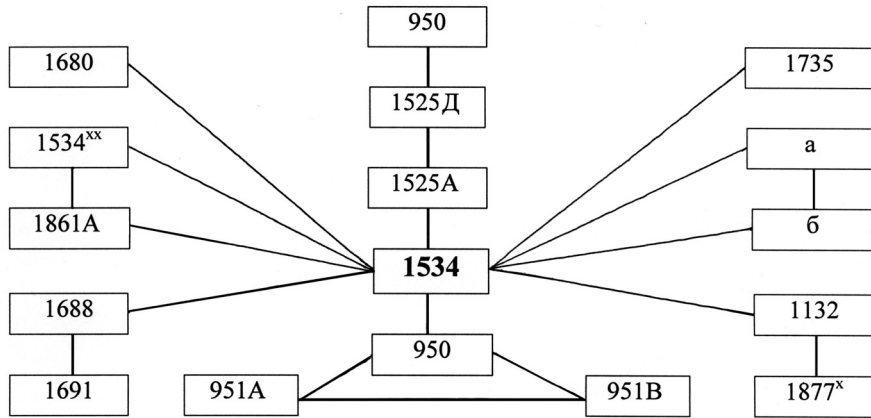

Рис. 1. Схема контаминаций русских вариантов сюжетного типа «Шемякин суд» (АТ 1534) с другими сюжетными типами сказок.

* * *

Белорусские и украинские варианты имеют ряд общих особенностей, характерных для сказочного эпоса данных народов. И в тех, и в других сказках один из братьев бывает умный, а другой дурак. Также только в украинских и белорусских вариантах встречается запрет работать в поле в воскресный день, за нарушение которого налагается кара. Вместо судьи в вариантах этих родственных народов часто выступает пан, к которому герои обращаются с просьбой рассудить их. И наконец, украинские и белорусские сказки отличаются антирелигиозной направленностью, потерпевшими чаще всего оказываются религиозные служители: бедняк давит ребенка у попа, сваливается с церкви на архиерея, прыгает с моста и попадает в монаха, купающегося в реке, и тому подобное.

Сюжетный тип АТ 1534 представлен в *белорусском* сказочном материале пятью вариантами. В трех вариантах¹⁰⁹ главными героями оказываются братья, как и в других восточнославянских сказках, в четвертом — это крепостной холоп¹¹⁰, а в пятом — «дураковатый» человек¹¹¹. Мотив о вымоленном сыне получает на белорусской почве другую трактовку: богатый часто устраивает балы, но бедного брата не зовет никогда. Бедняк думает, что тот на него зол, потому что не имеет детей, и молится, чтобы бог дал брату ребенка. Но, как и в русских сказках, бедный не получает за это даже приглашения на крестины и выискивает предлог, чтобы напомнить о себе, — идет просить лошадь и получает ее.

Далее идет мотив о порче животного, который тоже получает иное истолкование: раз конь ему был не нужен, завел он его за гору, зарезал, продал шкуру и купил детям хлеба. Потом на дороге бедный видит завязшую в болоте лошадь онучника. Вызвавшись помочь, он отрывает у кобылы хвост (см. повторение этого эпизода еще в четырех белорусских сказках). Таким образом, в одном варианте¹¹² один и тот же человек два раза совершает порчу животных: один раз умышленно, чтобы покормить детей, второй раз — случайно, желая помочь вытащить лошадь из грязи. И в другой сказке¹¹³ мы встречаем эпизод, многократно повторяющийся в русском сказочном материале: человек просит у брата коня, а дугу забывает; поэтому, выбросив ненужные уже оглобли, привязывает лошадь хвостом к саням. По дороге сани валяются в канаву, и, не в силах вытащить их оттуда, мерин отрывает себе хвост. И в очередной белорусской версии¹¹⁴ нашего сюжета сыновей бедного брата встречает по дороге в поле чудесный старец, который, никак не объяснив своего появления, предлагает выбрать смерть дядькиного сына или его волов. Они предпочитают смерть волов, которые тут же умирают. Брат ведет бедного к хозяину, так как скотина не его, а пана (он у пана был экономом). Еще одна сюжетная линия совершенно оригинальна. Дурня посылают за повитухой и советуют взять с собой кол, так как в том дворе может быть злая собака. Дурак, увидев лежащего перед хатой теленка, принимает его за собаку, ударяет колом и убивает. За эту провинность его, правда, не привлекают к ответственности¹¹⁵.

Потом обычно повествуется о несчастье с новорожденным. Интересна своими подробностями сказка из сборника П.В. Шейна¹¹⁶. В ней герой вынужден ночевать в двух домах, но только в одном из них происходит несчастье с ребенком, в другом — следует своеоб-

¹⁰⁹ Добровольский. № 17; БНТ. III. № 162, 163.

¹¹⁰ Шейн. № 119.

¹¹¹ БНТ. III. № 164.

¹¹² БНТ. III. № 163.

¹¹³ Добровольский. № 17.

¹¹⁴ БНТ. III. № 162.

¹¹⁵ БНТ. III. № 164.

¹¹⁶ Шейн. № 119.

разный поворот событий. Своего холопа пан посылает по какой-то надобности в город. По дороге тот останавливается на ночлег в одной хате. Но его не приглашают ужинать, говоря: «Хоть ты молись, хоть не молись, а вечерять не будешь». Приходится ему лечь спать голодным. Ночью он встает, досыта ест в темноте, но, когда начинает пить сыту, нечаянно опрокидывает ведро, и все просыпаются. Прохожий притворяется спящим, но хозяин по запаху сыты определяет виновного. Его ведут на суд. Когда они вместе заходят переночевать во второй дом, холоп, не посмотрев, куда садится, нечаянно давит ребенка. Подобное же стечение обстоятельств происходит у двух других героев — из сборников Е.Н. Романова и А. Федеровского¹¹⁷. В еще одной сказке¹¹⁸ бедный брат падает на ребенка с полатей, а в другой, будучи голодным, тянется за хлебом и переворачивает колыбель.

Следующий мотив в белорусских сказках отличается от вариантов других народов своим антицерковным настроением. В одном случае¹¹⁹ несчастный, которого ведут на суд, прыгает с моста и падает на купающегося монаха (или рыболова), он же нечаянно убивает младенца у попа, а в другом¹²⁰ — берется поставить попам крыжи на колокольне, срывается и валится прямо на архиерея. Попы тоже идут на него жаловаться в суд. Только в белорусском (и украинском¹²¹) сказочном материале отмечена следующая подробность: дурень, посланный за повитухой, ведет ее огородами, баба оступается около колодца без сруба, падает туда и тонет. В украинском варианте человек, неся бабу на закорках, останавливается передохнуть, сажает старушку на сруб колодца, поскользывается и упускает ее в колодец.

Кроме указанных мотивов, встречаются еще другие, которые лишь косвенно, по подобию, можно отнести к сюжету АТ 1534. Голодный человек вырывает репу, сбегаются сторожа, хватают его и ведут к пану. Тот предлагает всю репу этого лета отдать ему, он же на следующий год посеет репу и в свою очередь весь урожай отдаст им¹²². И еще один мотив нигде больше не отмечен: человек, у которого украли часть урожая, по приговору должен отдать весь оставшийся урожай судье¹²³.

Эпизод с показыванием камня сохранился лишь в двух вариантах¹²⁴. Это говорит о том, что эпическая версия сюжета (о праведном судье) возобладала над сатирической. Именно поэтому приговоры отличаются чувством сострадания к человеку, которого преследуют несчастья.

Первый приговор касается тяжбы богатого с бедным из-за скотины, погубленной или искаленной им. Так как убогий вымолил брату сына и не был позван на крестины, он забил его коня. Судья за это

¹¹⁷ Романов. III. № 14; БНТ. III. № 164.

¹¹⁸ Добровольский. № 17; БНТ. III. № 163.

¹¹⁹ БНТ. III. № 162; Добровольский. № 17.

¹²⁰ БНТ. III. № 163.

¹²¹ БНТ. III. № 164.

¹²² БНТ. III. № 162.

¹²³ Романов. III. № 14. С. 396—400.

¹²⁴ Добровольский. № 17; БНТ. III. № 162.

велит отдать бедному дитя. За волов, умерщвленных волшебным старцем, пан предлагает отдать сына (так как у тебя один сын, а волов много — эта мотивировка не совсем ясна). За оторванный хвост у лошади судья выносит следующее решение: вручить тот хвост бедняку¹²⁵ или отдать кобылу виновному, пока у ней не отрастет хвост, или заплатить вредителю десять рублей за то, что «он тебе добро хотел сделать, а ты его на суд тянешь»¹²⁶.

Другое решение судьи касается случайного убийства новорожденного. Судья и здесь оригинален, он присуждает заплатить пятнадцать рублей за то, что истец «дитя кладет там, где люди ходят»¹²⁷, отдать жену, чтобы вернул ее с ребенком. И в последнем варианте¹²⁸, в котором голодный человек, потянувшись за хлебом, опрокидывает колыбель, — приговаривает истца к штрафу за то, что не покормил постояльца.

Относительно очередного приговора можно сказать, что он почти ничего нового не добавляет к уже известным нам вариантам. Наказание также повторяет преступление: ответчикам рекомендуется прыгнуть на виновного в убийстве их родственника (знакового) и зашибить его при падении до смерти. В сказке¹²⁹, в которой говорилось об упавшей в колодец повитухе, судья приговаривает сына этой женщины заплатить пять рублей за то, что он держит колодец без сруба.

В целом белорусские сказки более гуманны, чем прочие. Это касается прежде всего приговоров судьи. Судья в белорусском материале скорее праведный, чем неправедный. В сказках «Бедный и богатый братья на суде», «Дурень на суде»¹³⁰ нет эпизода с показыванием камня. Судьи здесь выносят справедливые приговоры без надежды на взятку. В третьем варианте¹³¹ в роли судьи выступает пан, которому тоже ни к чему обижать своего холопа. Но судья в другой сказке¹³², хоть и называется «праведным», оставляет виновного после суда и спрашивает, что он ему показывал. А в ответ на не вполне учтивый ответ, что получил бы камнем в лоб в случае несправедливого приговора, говорит: «Хвалі ць жа бога, што я по прайдзе судзіу! Иди домой, да не будь такой разбойник». И в единственной сказке¹³³, которая озаглавлена «О Шемякином суде», судья — неправедный. Обвиняемый показывает ему камень, и тот судит в его пользу в надежде на вознаграждение.

Сказка «Суддзя праведная»¹³⁴ записана Е.Р. Романовым от белорусского сказочника Дениса Семенова во второй половине XIX века в

¹²⁵ Шейн. № 119.

¹²⁶ БНТ. № 164. С. 348.

¹²⁷ Там же. № 164.

¹²⁸ БНТ. III. № 163.

¹²⁹ БНТ. III. № 164.

¹³⁰ БНТ. III. № 163, 164.

¹³¹ Шейн. № 119.

¹³² БНТ. III. № 162.

¹³³ Добровольский. № 17.

¹³⁴ БНТ. III. № 162.

селе Насимковичи. Сведений об этом рассказчике немного: известно, что ему во время записи было сорок три года и был он неграмотным. Его сказка — один из наиболее полно изложенных восточнославянских вариантов этого сюжета; в нем восемь страниц. Отличие этой сказки от других — в начальных эпизодах, которые не встречаются или редко попадают в других вариантах: богатый брат становится экономом у пана; волов богатого пана губит чудесный старец; бедняк крадет на огороде репу. Примечательно, что в этой и некоторых других белорусских сказках типа «Шемякин суд» в роли несправедливого корыстного судьи выступает помещик (пан). Сказка имеет антипомещичью направленность. В речи рассказчика встречаются пословицы и поговорки, например: «Будам глядзець так тваіх валоу, як свае вока у лысіне!» и т.д.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что часто основная мотивировка действий главного героя белорусских сказок — его желание утолить голод: кобылицу он вытягивает из грязи в надежде получить за это хоть кусочек хлеба; ворует репу; давит ребенка, потому что три дня не евшему дали выпить, а дать поесть забыли; переворачивает колыбель, потянувшись за хлебом и т.д. Таким образом, создается картина крайне бедственного положения белорусского крестьянина, который милости ради вынужден просить у брата волов, чтобы вспахать свою полосочку; который не останавливается перед тем, чтобы зарезать коня, взятого на время, лишь бы купить голодным детям хлеба.

В белорусском сказочном материале встречаются следующие сюжетные контаминации типа АТ 1534 с типами, контаминируемыми с данным сюжетом в русских и украинских сказках: 1680 — «Муж (дурак) ищет повитуху», 1691 — «Дурак домовничает», а — «Вымоленный сын», б — «Чудесный старец убивает волов» (рис. 2).

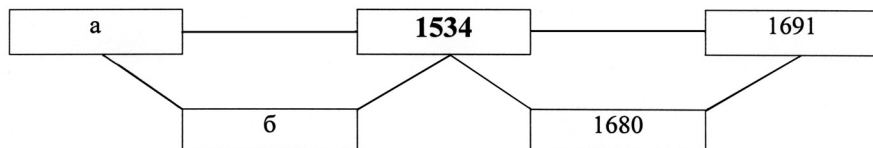

Рис. 2. Общая схема контаминаций белорусских вариантов сюжетного типа АТ 1534 с другими сюжетными типами сказок.

* * *

Сюжет «Шемякин суд» представлен в украинском фольклоре десятью вариантами. Украинские сказки отличаются большим разнообразием действующих лиц. Кроме одного из двух братьев, в роли главного героя еще выступают «великий» бандит; разбойники, нанявшиеся один — овец пасти, другой — пищу готовить; солдат; рассказывающий о том, что случилось, когда он был еще дома и т.д.

Если русские и белорусские сказки иногда начинаются с мотива о вымоленном сыне, то здесь остается только эпизод с неприглашением бедного брата на крестины.

Детальнее разрабатывается мотив **а** — «Чудесный старец убивает волов» (см. русские и белорусские варианты). Часто бедный ходит к богатому брату работать, и тот дает ему за это зерно или муку. Подходит время пахоты, и бедняк идет просить волов у брата: тот предлагает работать шесть дней у него, а седьмой — на себя. Но хитрость такого ответа состоит в том, что на седьмой день, воскресенье, вообще не дозволяется работать, — это грех. Седьмой день иначе еще называют в сказках «велик день», его «посвящают Богу». Именно поэтому бедняк так боится нарушить запрет, переступить границы дозволенного. В одной сказке¹³⁵ он сначала отказывается от такого варианта, а в другой¹³⁶, так как он отработал шесть дней и не явился за волами на седьмой день, ему приходится работать на брата еще шесть дней. В конце концов у него не остается выбора, и он идет пахать в воскресенье. И вот появляется старец или смерть, наделенные способностью карать смертью за нарушение запретов. Обычно они не говорят, за что наказывают. Но в одном варианте¹³⁷ старец спрашивает мужика, знает ли он, что сегодня воскресенье, и что в этот день нельзя работать? А так как человек не по своей воле нарушил запрет, ему предлагается выбрать наказание для брата: сам брат умрет или ослепнет, или умрет его сын, или волы сдохнут. И бедняга выбирает смерть волов, хотя за это ему придется отвечать самому. Но лучше самому пострадать, чем навлечь беду на брата или его сына.

В других сказках совершенно иначе происходит завязка событий. Начало одного варианта¹³⁸ — это стечение самых разнообразных неудачных обстоятельств. Мужик нанимается пасти овец, не может выгнать их из ячменя, поджигает его, овцы сгорают. Он убегает, по дороге пытается стащить сумку с хлебом, его догоняют и привязывают к кобыле. Лошадь съедают волки, — он освобождается. Крадет спирт с телеги, проснувшись, видит вокруг себя пьяных журавлей, идет их продавать, журавли поднимают его в воздух. Человек валится в болото, на его голове чайка сносит яйца, волк те яйца съедает. Схватившись за хвост волка, он выбирается из болота. Дальше — как в основном сюжете. Здесь произошло слияние сюжетных типов АТ 1881 «Журавль на веревке» и АТ 1900 — «Волк (медведь) вытаскивает человека из болота», другие типы в СУС не отмечены. В другой сказке¹³⁹ работника, оставленного приготовить жаркое из гуся, вынуждают продать его паны, заблудившиеся в лесу. Работник привязывает себя к дереву, пытаясь имитировать ограбление, но хозяева все равно собираются его избить.

¹³⁵ Етногр. зб. III, 1. № 36.

¹³⁶ Там же. № 235.

¹³⁷ Там же. № 36.

¹³⁸ Гринченко. 1. № 177.

¹³⁹ Етногр. зб. XXX. № 103.

Работник лишает одного из них глаза и убегает. Этот вариант напоминает нам арабскую сказку «Вали и повар»¹⁴⁰, в которой правитель Вали вынуждает повара отправить к нему гуся, зажаренного для другого человека. Он советует сказать, что гусь ожил и улетел, а в случае осложнений велит вести всех сомневающихся в этом к нему — он рассудит. И в третьей сказке¹⁴¹ человек, посланный отнести в другую деревню к сотнику записку, застаёт дома одну молодницу, только что родившую ребенка. Потом действие разворачивается, как в нашем сюжете (мотив второй по сюжетной схеме восточнославянских вариантов).

Только в одном варианте¹⁴² сохраняется в чистом виде мотив порчи животного: человек везет дрова, его кобыла проваливается под лед, а воз остается наверху; прохожий, желая помочь вытащить лошадь, отрывает ей хвост. В другой сказке¹⁴³ этот мотив является продолжением сюжетного хода об отказе в кумовстве. Бедный брат приходит к богатому с тем, чтобы последний пригласил его на крестины. В качестве предложения он просит лошадей, а затем не берет их за ненадобностью. Кони так и остаются на пашне, ночью волк отгрызает одному из них хвост.

Мотив второй (см. сюжетную схему восточнославянских вариантов) представлен в украинском материале следующим образом: прохожий случайно заходит в дом только что родившей молодницы, которая просит сходить его за повитухой; неся старую бабу на спине, он нечаянно выпускает или намеренно кидает ее в колодезь. Вернувшись обратно, говорит, что она не хочет идти. Женщина бежит за бабкой сама, оставив этого человека присмотреть за ребенком. Он, желая прогнать муху (кота), ненароком забивает младенца. В других сказках бедняк, предварительно не посмотрев, случайно садится на коляску, в которой лежит дитя, или падает на ребенка, когда мать купает того в корыте, с печки. И в одном случае дурак¹⁴⁴ валится на сына своего брата, когда его семья проходит под мостом. В сказке, опубликованной в III томе «Этнографического сборника»¹⁴⁵, беременная женщина с постоянного двора преждевременно рождает двойню, потому что бедняк не дает ей калача, испеченного в дорогу женой из остатков овсяной муки. Подобное стечение обстоятельств встречается и в вариантах других народов. По народному поверью курдов, если беременной женщине откажут в пище, которую ей захотелось, у нее могут наступить преждевременные роды или ребенок родится косоглазым. Например, в курдской сказке «Балули-Зана-судья»¹⁴⁶ женщина разрешается мертвым ребенком из-за того, что человек не дал ей попробовать жареной рыбы.

¹⁴⁰ Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун-ар-Рашиде, остророслове Абу Нувасе и хитроумном Джухе / Пер. с арабск. Р. Алиев и Д. Юсупов; отв. ред. и автор предисл. Б.Я. Шидфар. М.: Наука, 1976. С. 268—272.

¹⁴¹ Гринченко. II. № 241.

¹⁴² Там же. № 241.

¹⁴³ Гирик. С. 3—6.

¹⁴⁴ Чубинский. II. Ч. 2. № 119.

¹⁴⁵ Етногр. зб. III. № 35. С. 226—229.

¹⁴⁶ Курд. ск. № 64. С. 321—324.

Мотив третий почти ничего нового к уже рассмотренным вариантам не добавляет. Обвиняемый, страшась предстоящего суда, прыгает с моста, крыши, церкви и своим падением убивает рыбака, портного, прохожего или калечит цыганских детей, играющих под мостом. В одной сказке¹⁴⁷ дурак падает с печи и давит мать, лежащую на припечке.

Показ камня на суде сохранился в четырех из десяти опубликованных вариантов. Таким образом, в украинских сказках, как и в белорусских, произошло перемещение в сторону эпической версии о праведном суде. Герой из версии сатирической привлекает внимание судьи к камню за паузой или жестом (будто сердце болит) или словами: «Суди, суди и сюды гляди!». Эпизод с камнем в сказке «Судья и камень»¹⁴⁸ сближает ее с сюжетом АТ 1534. Обвиняемый, великий бандит, кладет за пазуху большой камень и во время слушания дела все время трогает его. Судья знает, что у бандита водятся гроши, и оправдывает его. При требовании после суда «того, что показывал», бандит говорит судье: «Да это я каменюку припас. Если бы ты меня не освободил, то я бы тебя им хорошенько стукнул».

Относительно приговоров о неумышленной порче животного можно сказать, что они большей частью гуманны, как и в белорусских сказках. По поводу волов, загубленных чудесным старцем, судья заявляет: «А кто велел в воскресенье пахать? Это не твои волы были, а брата» или «Что ты хочешь, чтобы тебя ослепили или денег дашь за волов?» (в этом варианте смерть предлагала ослепить брата или умертвить волов). В ответ же на предъявленный иск богатого за оторванный хвост судья ему говорит, что стыдоба ходить с таким конем без хвоста и предлагает отдать его лучше брату, а себе купить другого.

Следующее решение судьи по поводу убийства младенца такое же, как и в сказках других народов: отдать жену виновному, пока не родит другого ребенка. И только в двух вариантах приговор судьи оригинален. В одном¹⁴⁹ он велит истцу отдать обвиняемому корову за то, что он голову о корыто разбил, когда падал (в этом корыте купали дитя). В другом¹⁵⁰ — оправдывая дурака, говорит, что он не виноват, что Бог дал ему такой разум, и успокаивает брата с женой тем, что они молодые, и у них еще будут дети.

За причиненное увечье или убийство падением сверху судья приговаривает к тому же: цыгана — прыгнуть на бедняка вместе с детьми и покалечить его¹⁵¹, за убийство — упасть сверху и забить ответчика до смерти. Дурака за нечаянное убийство матери он оправдывает, говоря, что мать была уже стара и сама бы скоро умерла¹⁵².

¹⁴⁷ Чубинский. II. Ч. 2. № 119.

¹⁴⁸ Україна сміється. С. 17.

¹⁴⁹ Етногр. зб. III. № 35.

¹⁵⁰ Чубинский. II. Ч. 2. № 119.

¹⁵¹ Гиряк. С. 3—6.

¹⁵² Чубинский. II. Ч. 2. № 119.

В некоторых вариантах к сюжету АТ 1534 в конце добавляются еще сюжетные типы АТ 1575 — «На хвосте у волка» и АТ 1355 — «Солдат на стогу сена вместо бога». Одна сказка¹⁵³ заканчивается тем, что после угрозы камнем по приказанию судьи бедняка забивают в бочку и вывозят в лес. Он шилом делает в бочке дыру, хватая подошедшего волка за хвост и, волочая за волком, разбивает бочку. В одной деревне ложится спать на крыше, слышит разговор молодых о том, кто будет их детей смотреть, когда они появятся, и пускается в бегство при словах мужа «Смотреть будет тот, кто над нами» (Бог).

Среди опубликованных текстов выделяется сказка¹⁵⁴, записанная Гнатюком в марте 1896 года от Ивана Русина из деревни Дусино Берегской станицы. В сказке, которую рассказчик называет «Як бідний правотився з богачом», контаминируются три сюжета: АТ 1534, АТ 813А^{xx} — «К чертовой матери», АТ 613 — «Правда и Кривда». Сюжетный тип АТ 1534 в таком соединении встречается редко. Обычно последние два сюжета встречаются самостоятельно в волшебных сказках. Сказка имеет антипомещичью направленность: бедняк вынужден работать на брата шесть дней, а на себя — один день. Жене нечего дать в дорогу мужу, и она печет из последней горсти овсяной муки калач и т.д. Однако судья в данном варианте праведный. Здесь нет эпизода с камнем, судья выносит справедливый приговор по воле своего сердца. Язык сказки яркий и образный.

Украинские сказки отличаются от других восточнославянских вкраплением элементов чудесного в бытовой сюжет. Это и чудесный старец или смерть, запрещающие работать в воскресенье¹⁵⁵, и волшебный источник, умывшись в котором, слепой обретает зрение, это и вера простодушных поселян в то, что причина болезни дочери царя может находиться в жабе, и в то, что за любое злодеяние наступает расплата (богача, лишившего брата глаз, черти разрывают на части)¹⁵⁶. Мотив о чудесном старце имеет бесспорно украинское происхождение, так как только здесь мы находим наиболее полное его толкование.

Украинские сказки тяготеют к эпической версии сюжета «Шемякин суд», судья в них большей частью праведный.

Сказки отличаются интересными подробностями, национальным колоритом и метким, образным языком.

Контаминации сюжетного типа АТ 1534 с другими сюжетными типами в украинском материале, как и в белорусском, менее разнообразны, чем в русском. Только в украинском, белорусском и русском материале имеются контаминации АТ 1534 с типами: 1680 — «Муж

¹⁵³ Гринченко. II. № 241.

¹⁵⁴ Етногр. зб. III. № 35.

¹⁵⁵ В восточнославянском фольклоре имеются другие сюжеты о наказании за нарушение запрета работать в неурочный день. Это тип АТ 846^{xxxx} — «Святая Пятница и Никола»: благодарный за поставленную ему свечу Никола учит молодлицу, как спрясть в один день пряжу (облегчая наказание, наложенное Пятницей за работу в ее праздник).

¹⁵⁶ Етногр. зб. III. № 35.

(дурень) ищет повитуху», **б** — «Чудесный старец убивает волов». Исключительно в украинских сказках встречаются контаминации типа АТ 1534 с сюжетными типами: 1900 — «Волк (медведь) вытаскивает человека из болота», 1881 — «Журавли на веревке», 1875 — «На хвосте у волка», 1355С — «Солдат на стогу сена вместо бога», 813^{xx} — «К чертовой матери» и 613 — «Правда и Кривда». Общая картина украинских контаминаций вариантов может быть представлена схемой (рис. 3).

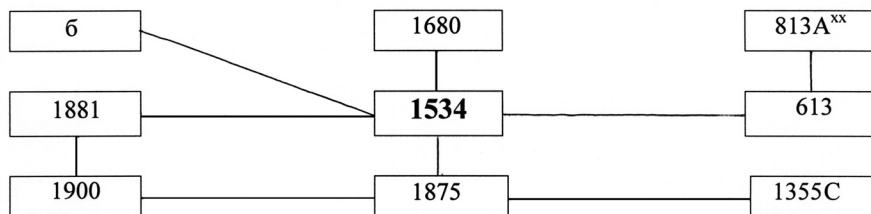

Рис. 3. Схема контаминаций украинских вариантов сюжетного типа АТ 1534 с другими сюжетными типами сказок.

* * *

Подведем некоторые итоги на основании проведенного сравнительного анализа русского, белорусского и украинского материала, относящегося к сюжетному типу АТ 1534.

Проведенный анализ *восточнославянских* вариантов показывает их сходство со сказками других народов по трем основным мотивам: неумышленная, но строго наказуемая порча животного; убийство ребенка, виновный в котором должен прижить нового ребенка с женою истца; убийство человека падением сверху, требующее отмщения тем же способом, каким было совершено.

Повторяемость мотивов скорее всего объясняется их историко-этнографической основой. В этих мотивах отражаются общие законы, общие представления о нормах права у самых различных народностей мира. Сказки воспринимают эти законы и нормы, порицают или оправдывают их. Заимствование и перемещение такого сюжета происходит быстро.

Русские, украинские и белорусские варианты сюжета АТ 1534 сложились под влиянием одинаковых условий быта и сходного мировоззрения, характерного для восточных славян, но основной их сюжет принадлежит в такой же мере западноевропейской и восточной литературе.

Восточнославянские сказки о «Шемякином суде» отличаются от вариантов других народов мира своим сатирическим настроением, национальным бытовым колоритом, связанным с судебными порядками Древней Руси.

Сказки о богатом и бедном брате и о неправедном судье-взяточнике послужили основой для создания древнерусской «Повести о Шемякином суде». В свою очередь повесть тоже повлияла на сказку. В повести сатира на кривосуд построена в образном и композиционном отношении в русле бытовой сказки. Поэтому сказка, преобразованная в сатиру, уже в новом качестве легко возвращается в устное народное творчество, забывая исторические приурочения, освобождаясь от всего, что не нужно сказке.

Интересно отметить тот факт, что от того, праведный или неправедный судья вершит суд, сущность приговоров не меняется: они одни и те же.

Сказочные варианты типа АТ 1534 можно разделить на две большие группы или версии. Одна из них — эпическая, повествующая о мудрых, праведных судьях, таких, как Карл Великий и Соломон. При вынесении приговора они руководствуются не надеждой на взятку, а своими представлениями о гуманности, справедливости.

Возможность вынесения как обвинительного, так и оправдательного приговора, зависимость решений от нравственного облика судьи создают основу для двух различных версий. Как только в сказках праведного судью заменяет судья-взяточник, то приговоры сразу теряют моральное оправдание, эпическая версия переходит в сатирическую. В сатирическую версию обычно вводятся мотивы, порочащие судью, сказке дается заглавие оценочного характера.

Когда выявление и обличение порочащих общество норм судопроизводства становится злободневным, на основе сказочной эпической версии создается сатирическая. Но едва актуальность обвинения ослабеваает, историческая основа исчезает, сатира преобразуется в занимательный рассказ, анекдот.

Из существующих двух версий сказок о Шемякином суде русские сказки ближе к сатирической, а украинские и белорусские — к эпической версии. Русские варианты эпической версии этого сюжета не получили распространения, они представлены сказкой типа «Шемякин суд» из сборника А.Н. Афанасьева¹⁵⁷ и вариантом «Как бедный судился» в издании Т.М. Акимовой¹⁵⁸. Чем ближе русские сказки к современности, тем сильнее в них сатирический эффект. Русские варианты вносят в сюжет сатирическую мысль, своеобразные особенности русского быта и приурочивают сказки к определенному историческому лицу. Сатирическое начало в белорусских и украинских вариантах тоже присутствует, однако не в таком объеме, как в русских.

Белорусские варианты (так же, как и русские и украинские) отмечают крайне бедственное положение крестьянства. И можно привести слова Н.С. Тихонравова¹⁵⁹, применяя их ко всем восточнославянским вариантам, что «истинным героем таких сказок остается убогий, из-

¹⁵⁷ Афанасьев 1861. № 19.

¹⁵⁸ Акимова. № 402.

¹⁵⁹ Тихонравов. С. 38.

воротливый ум которого торжествует над материальной силой богача, истцов и самого Шемяки-судьи».

Украинские сказки вносят в сюжет элементы чудесного. Несомненно украинское происхождение имеет мотив о волшебном старце, который за нарушение запрета работать в воскресенье убивает волов. Мотив выбора между смертью брата или волов присутствует во всех восточнославянских вариантах, но причина гнева старца указывается только в украинских вариантах — работа в «велик день», посвященный Богу.

Истоки этого запрета, вероятно, в языческих верованиях славян. В XII—XIV веках в позднейших копиях древних поручений упоминается Макошь — восточнославянская богиня, чье имя можно расшифровать как «мать хорошего урожая», «мать счастья». В XIV—XVI веках в копиях древних поучений Макошь продолжает упоминаться, но культ ее уже сильно снижен. Этнографические данные, собранные на русском Севере, рисуют нам Макошь невидимой пряхой, вмешивающейся в женские работы, тайком стригущей овец, запрещающей прядение в праздничные дни¹⁶⁰.

Рассматривая крестьянские верования русского Севера в целом, мы видим, что пряха-Макошь является двойником (или, может быть, тенью) другой полухристианской, полуязыческой богини — Параскевы Пятницы. Пятница — тоже пряха, тоже следит за всеми работами. Она требует неукоснительного повиновения и запрещает бабам работать в день, посвященный ей, — в пятницу. За нарушение запрета она может истыкать виновную кудельной спицей или даже превратить в лягушку. В народных верованиях Пятница предстает перед нами не только как богиня-пряха, но и как подательница благ, покровительница плодородия¹⁶¹.

В русских сказках Севера сохранились среди сюжетов о чертях варианты типа 815/925 «Не пряди ночью»¹⁶². Баба прядет ночью; к ней является черт, приносит напясть за ночь сто веретешек, баба спасается тем, что заставляет черта собирать рассыпанный мак.

На русском Севере пережиточно сохранялась огромная устная традиция (былинный эпос и т.д.), стершаяся или вытесненная в центре страны; это и есть общая древнерусская (восточнославянская) традиция. Крестьяне верили в существование некой таинственной силы, запрещающей работать в определенный день недели или в определенное время суток и эти свои представления отразили в сказках. Этот мотив, как и мотив чудесного старца, архаичнее фиксированного состава сюжета и восходит к дохристианскому фольклору восточных славян.

¹⁶⁰ Язычество древних славян. Л.: Наука, 1993. С. 232.

¹⁶¹ Там же. С. 234.

¹⁶² См.: *Соболева Н.В.* Указ. соч. С. 132 (Приложение).

Сравнительное изучение тюркоязычных вариантов сюжетного типа «Шемякин суд»

В тюркоязычных опубликованных сказках типа «Шемякин суд» АТ 1534 действие получает такое развитие:

1) бедняк занимает у богатого человека деньги с условием заплатить куском мяса от собственного тела, если не возвратит долга в срок;

2) по дороге к казнию помогает прохожему вытащить из грязи осла и отрывает ему хвост;

3) нечаянно толкает беременную женщину, отчего она падает и разрешается преждевременно ребенком;

4) бросается вниз с возвышенного места и убивает своим падением человека;

5) за всё это должен держать ответ перед судом;

6) застаёт за непотребным делом казния, который (опасаясь разоблачения или в надежде на взятку) судит в пользу виновного.

Тюркоязычные варианты сюжета АТ 1534 имеют много общих особенностей с европейскими вариантами и вместе с тем тяготеют к восточному сказочному материалу.

Так, например, мотив Шейлока (АТ 890), получивший распространение в большинстве вариантов Востока и известный на Западе (немецкая редакция¹), также находит отражение в тюркоязычном материале.

В фольклоре народов мира широко распространена знаменитая история о ростовщике, захотевшем вырезать у должника фунт мяса (см. дагестанскую сказку «Ростовщик и бедняк»²); в научной литературе этот мотив известен как «мотив Шейлока» — по имени героя драмы Шекспира «Венецианский купец»³. Ростовщик Шейлок даёт займы крупную сумму денег купцу Антонио и берет с него расписку, что в случае неуплаты долга в срок он, Шейлок, имеет право вырезать фунт мяса из тела должника. Разорившийся Антонио не может уплатить

¹ См.: Тихонравов. С. 36.

² СНД, № 81.

³ См.: Тихонравов. № 35.

долг, взятый им для своего друга Басанио, в назначенный срок, и Шейлок неумолимо требует выполнения договоренности. Невеста Басанио, переодетая адвокатом, доказывает на суде, что Шейлок имеет право только на фунт мяса из тела Антонио, но ни на одну каплю крови; если он прольет хоть каплю крови, то ответит за убийство. Шейлок проигрывает иск.

Так называемый мотив Шейлока (вырезать фунт мяса) засвидетельствован уже в 1300 году. С тех пор сюжет бытует в юго-западноевропейской литературе. Специально исследовал этот вопрос Синшеймер (H. Sinsheimer) в книге «Shylock: The History of a Character, or the Myth of the Jew», изданной в Лондоне в 1947 году⁴.

Названный мотив, хотя и весьма бегло, рассматривается и З. Софером в его диссертации «Das Urteil des Schemjaka», опубликованной в 1965 году⁵. Софер присоединяется к мнению Т. Бенфея⁶, подтвержденному и Л. Юнгманом⁷, согласно которому мотив этот — восточного происхождения. А. Вессельский (Wesselski) эту гипотезу отрицал, ссылаясь на преимущественное распространение рассказа в западноевропейской средневековой литературе, поскольку индийские убедительные варианты отсутствуют до сих пор⁸.

Оба типа, АТ 890 и АТ 1534, встречаются в устойчивой контаминации в персидско-турецких вариантах, что может послужить доводом против гипотезы А. Вессельского. Именно такая комбинация сюжетов (АТ 890 + АТ 1534) распространена в основном на Ближнем Востоке, например в Турции, Ираке, Иране. Слияние этих сюжетных типов произошло также в дагестанской и таджикской сказках. В азербайджанском и абазинском вариантах⁹ есть мотив о взятых в долг деньгах, но ничего не говорится о страшном условии в случае неуплаты долга вырезать мясо из тела должника. И в казахской сказке¹⁰ происходит некоторая трансформация сюжета АТ 890: герой вместо денег обещает лодочнику один черак¹¹ мяса за то, чтобы тот переправил его на другой берег. Так как мяса у него не оказывается, лодочник требует собственного мяса виновного из его икр.

Следующий мотив о порче животного, встречающийся в тюркоязычных — туркменском, азербайджанском вариантах¹², имеет свои соответствия как в западноевропейских, так и в восточных сказках. По

⁴ Sinsheimer H. Shylock: The History of a Character, or the Myth of the Jew. London, 1947.

⁵ Sofer Z. Das Urteil des Schemjaka... S. 107—108.

⁶ Benfey. S. 402—403.

⁷ Liungman P. Die Schurdischen Volksmärchen. Berlin, 1906. № 890

⁸ Wesselski A. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925. № 61.

⁹ Азерб. тюрк. ск. С. 49; Абаз. ск. № 109.

¹⁰ КНС. II. С. 280.

¹¹ Около 5 фунтов — существенно больше, чем в «классическом» варианте. На наш взгляд, этот эпизод можно сопоставить с мотивом кормления чудесной птицы, уносящей героя из «инога царства». — *Прим. ред.*

¹² Туркм. ск. № 42; Азерб. тюрк. ск. С. 490.

дороге в суд человек помогает путнику вытащить из грязи осла (лошадь), но, чересчур усердствуя, отрывает ему (ей) хвост (вспомним параллели в итальянском, двух филиппинских¹³, а также большинстве восточных вариантов). Бывает и другой поворот событий. В казахской сказке прохожий не может остановить верблюда, просит помочь; бедняк, бросив палку, лишает глаза животное (ср. дагестанский, таджикский, сирийский, курдский, персидский, индийский и др. восточные варианты)¹⁴. Чаще всего эти мотивы не встречаются в одной сказке, но бывают и исключения: обвиняемый в туркменском, а также в дагестанском, таджикском, индийском и персидском вариантах¹⁵ совершает и ту, и другую порчу животных — отрывает хвост у осла и ослепляет на один глаз лошадь.

Мотив о невольном убийстве ребенка во чреве матери достаточно полно представлен как в тюркоязычных, так и в восточных повествованиях. В туркменской и таджикской сказках¹⁶ человек просит напиться у беременной женщины и брезгливо отталкивает грязный кувшин или кружку, отчего женщина падает и разрешается мертвым ребенком. В большей части иных вариантов причина другая: обвиняемый, желая скрыться от истцов, сбивает с ног будущую мать, как в азербайджанском¹⁷ и других восточных вариантах, или случайно пугает ее (см. абхазскую, амхарскую, филиппинскую сказки и итальянскую новеллу¹⁸). А в «древнеанглийском стихотворении» Б. Перси¹⁹ произошло смягчение мотива из-за запрета говорить о подобном состоянии. В этом стихотворении лошадь, на которой верхом едет дама, пугается бедняка и сбрасывает даму, которая при падении повреждает себе глаз.

Сюжетный ход об убийстве падением сверху в тюркоязычных и восточных сказках не добавляет почти ничего нового к уже рассмотренным восточнославянским и западноевропейским вариантам. Несчастный, думая, что казий осудит его на казнь, предпочитает самоубийство смерти от руки палача. Он прыгает с обрыва, стены, минарета или мечети вниз, но не разбивается, а падает на оказавшегося внизу человека, который тут же умирает. И только в абазинской сказке²⁰ он поступает так не по своей воле: истцы, сговорившись между собой, решают лучше бросить нищего старика со скалы, чем идти с ним дальше в суд, ведь им с него все равно нечего взять.

¹³ См.: *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 303—304; Филиппинск. ск. № 5 (в) и 5 (а).

¹⁴ СНД. № 81; Тадж. ск. С. 534—536; Сирийск. ск. С. 226—230; Курдск. ск. № 64. С. 581—583; Жуковский. С. 2—21; *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 301—302 и др.

¹⁵ Туркм. ск. № 42; СНД. № 81; Тадж. ск. С. 534—536; Schiefner 1906. С. 29—36, Жуковский. С. 2—21.

¹⁶ Туркм. ск. № 42; Тадж. ск. С. 534—536.

¹⁷ Азерб. тюрк. ск. С. 490.

¹⁸ Абх. ск. № 56; Амх. ск. С. 300—301; Филиппинск. ск. № 5 (а) и 5 (в); *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 303—304.

¹⁹ *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 305—306.

²⁰ Абаз. ск. № 109.

В тюркоязычных и восточных вариантах суд вершат обычно казий, реже ишан или халиф — представители мусульманской религии. В сказках народ изобличает религиозное правосудие в лице алчного и несправедливого казия, притворщика, ведущего развратный образ жизни.

Большинство тюркоязычных и восточных вариантов относится к сатирической версии сюжета АТ 1534. Эпическая версия представлена казахской, тибетской, абхазской, еврейской и курдскими сказками²¹.

В восточных вариантах (таджикском, персидском и др.) сатирической версии по дороге в суд ответчик с истцами становятся очевидцами разнообразных беззаконий, творящихся с ведома или по приказу казия. Видят они, как ведут на казнь ни в чем не повинного человека и несут хоронить живого мужчину. Встречают пьяного мухтасиба (духовное лицо у мусульман), несмотря на то, что по законам ислама пить вино — грех. Мусульманин на минарете, читающий азан, оказывается евреем. А в мечети, куда заходят отдохнуть, они застают людей, играющих в кости и пьющих вино. Все увиденное заставляет их задуматься о том, что же из себя представляет казий, к которому они направляются.

Восточные варианты не включают эпизода угрозы камнем. Этот эпизод сохраняется в первоначальной форме лишь в таджикской, а также в татарской и одной башкирской сказках (в двух последних случаях, вероятно, под влиянием восточнославянского сказочного эпоса)²². Это ни в коей мере не подвергает сомнению наш вывод о преимущественной близости татарских вариантов прежде всего к восточному материалу. Мы не отрицали некоторого опосредованного восточнославянского влияния на татарские сказки, это относится и к данному эпизоду об угрозе камнем. В абазинском варианте²³ угрозы камнем нет, но обвиняемый все время прикладывает руку к нагрудному карману, моргая судье, так что казий все равно оказывается в заблуждении. В большинстве тюркоязычных и восточных вариантов действие разворачивается следующим образом: ответчик случайно застаёт казия за непотребным делом, скрывает это и говорит остальным, что судья занят молитвами о благоденствии народа. Казию его находчивость приходится по душе, и он выносит решение в пользу виновного.

В сказках эпической версии судья выносит решение согласно своим представлениям о справедливости. Так поступает судья из ингушской, абхазской, еврейской и тибетской сказок²⁴. В тибетской сказке Шифнера²⁵ к королю Адарзамуке обращаются за советом не только люди,

²¹ КНС. П. С. 280; Шифнер. С. 29—36; Абх. ск. № 56; Булгаков. С. 2—3; Курдск. ск. С. 321—324, 581—583 (№ 64).

²² БХИ. V. № 53; ТХИ. III. С. 218—222; ТХИ. IV. № 18; Татарск. ск. № 129.

²³ Абаз. ск. № 109.

²⁴ Ингушск. ск. № 3; Абх. ск. № 56; Булгаков Ф. Указ. соч. С. 2—3; Schiefner 1906. С. 29—36.

²⁵ Schiefner 1906. С. 29—36.

но и животные. По дороге во дворец человек встречает животных, терпящих различные мучения, и соглашается узнать у короля, когда эти мучения кончатся (см. сюжетный тип АТ 460В — «Путешествие к солнцу»). В некоторых сказках происходит замена судьи. В казахском варианте²⁶ в роли судьи выступает прохожий — почтенный и сметливый старик. В курдской сказке²⁷ к халифу приходит его брат — Балули-Зана и просит уступить на время свой трон. Балули-Зана, герой многих фольклорных произведений народов Ближнего Востока, сочувственно относящийся к бедным, оправдывает обвиняемого. В сирийском и курдском вариантах²⁸ дочь просит разрешения у отца — кадия или халифа — судить вместо него. В сирийской сказке она переодевается в мужскую одежду, а в курдской — остается в обычном виде, идет в здание суда и выносит справедливый приговор. В дагестанском варианте²⁹ склоняет судью к гуманному решению его жена, которую попросил о помощи подсудимый.

Приговоры судей в эпической и сатирической версиях одинаковы, что еще больше сближает эти две версии.

По иску ростовщика о куске мяса, который он должен вырезать у должника, казий обычно выносит такое решение: вырезать ровно фунт — не больше и не меньше. Иногда он еще добавляет, что в случае ошибки излишек или недостаток будет вырезан у истца; или ростовщика казнят, если он прольет при этом хоть каплю крови. В абазинском варианте³⁰ судья предлагает дать ответчику еще денег для того, чтобы он отработал старый и новый долг. В азербайджанской сказке³¹ казий говорит, что отдавать деньги под проценты по шариату не разрешается, большой грех, и приговаривает самого обвинителя к штрафу.

Второй приговор казия касается порчи животного. Если в восточнославянских сказках за ту же самую провинность истцу велют отдать животное виновному, чтобы тот держал его у себя, пока у скотины не отрастет хвост, то в восточных — этот приговор сохраняется только в татарском и ингушском вариантах³².

Данный приговор, исполнение которого никогда не осуществится, так как хвост у осла никогда не отрастет, можно сравнить со сказанием из Вавилонского Талмуда³³. В нем говорится, что если кто отсечет ухо у чужого осла, судьи должны отдать осла во владение обидчику, пока не вырастет новое ухо. В восточнославянских сказках тоже есть сюжетные типы, своим характером отдаленно сходные с данным решением судей. Это сказки типа АТ 1184⁴ «Последний лист», в которых

²⁶ КНС. II. С. 280.

²⁷ Курдск. ск. № 64.

²⁸ Сирийск. ск. С. 226—230; Курдск. ск. № 64.

²⁹ СНД. № 81.

³⁰ Абаз. ск. № 109.

³¹ Азерб. тюрк. ск. С. 490.

³² ТХИ. III. С. 218—222; Ингушск. ск. № 3.

³³ *Бейлин С.Х.* Указ. соч. С. 135.

человек должен заплатить чёрту, когда у дуба упадет последний лист; он никогда не падает. И варианты типа АТ 1185* «Когда свиньи (воробы) пойдут шагом» — тогда долг черту будет возвращен; свиньи всегда бегут домой. В таджикской и туркменской сказках³⁴ типа АТ 1534 истцу предлагается самому попытаться оторвать хвост у осла судьбы; когда ему это не удастся, казий приговаривает самого обвинителя к штрафу. Но в большинстве восточных вариантов хозяин бесхвостого осла, увидев, как судит казий, предпочитает не предъявлять иска. Он восклицает, что «у его осла с детства не было хвоста» (вошло в поговорку и получило широкое распространение на Востоке). И еще в двух вариантах решения судей оригинальны. В таджикской сказке³⁵ казий велит отдать ответчику осла с повозкой с тем, чтобы он, когда заработает на нового осла, вернул долг. И в персидском варианте³⁶ судья отказывает истцу в возмещении убытков, так как тот сам просил бедняка помочь ему вытащить осла из грязи.

В сказках, повествующих о нечаянном ослеплении животного, приговор несколько иной. Казий в таджикском, дагестанском, сирийском, курдском и персидском вариантах³⁷ предлагает хозяину лошади рассечь ее на две половины, слепую отдать виновному и получить ее стоимость. В казахской и во второй курдской сказках³⁸ истцу предлагается самому попытаться бросить в верблюда или ответчика палку и ослепить на один глаз. В тибетской сказке Шифнера судья за то, что человек попросил остановить кобылу, приговаривает его к отрезанию языка, а за то, что обвиняемый бросил в лошадь камень — к лишению его руки³⁹.

По поводу нечаянного убийства ребенка во чреве матери приговор казия такой же, как в восточнославянских и западных вариантах: отдать жену ответчику, пока она не родит другого младенца или пока не забеременеет. Если же ребенка в этом случае не будет, то с обвиняемого казий предлагает взять диат — выкуп за младенца (см. дагестанскую сказку⁴⁰). Оговаривается судьей и пол будущего ребенка. В одном персидском варианте он говорит, что если жена родит сына — это будет за сына, а если дочь — то нужно взять деньгами разницу сына и дочери⁴¹. А потерпевшему в другой персидской сказке судья объясняет, что если сначала родится дочь, нужно подождать еще немного, а если опять появится младенец женского пола, то надо утешиться, так

³⁴ Тадж. ск. С. 534—536; Туркм. ск. № 42.

³⁵ Тадж. ск. С. 534—536.

³⁶ Жуковский. С. 2—21.

³⁷ Тадж. ск. С. 534—536; СНД. № 81; Сирийск. ск. С. 226—230; Курдск. ск. № 64; Жуковский. С. 2—21.

³⁸ КНС. II. С. 280; Курдск. ск. № 64.

³⁹ Schiefner 1906. С. 29—36.

⁴⁰ СНД. № 81.

⁴¹ Жуковский. С. 2—21.

как две дочери равны одному сыну⁴². И в азербайджанском варианте истцу дается совет поступить так же неосторожно с женой ответчика, когда она будет на этом же месяце беременности⁴³.

Относительно убийства человека падением сверху большинство восточных и тюркоязычных вариантов повторяют тот же приговор, что и в сказках других народов мира: спрыгнуть на виновного с возвышенного места и убить его своим падением. Иногда еще добавляется, что в том случае, если обвиняемый останется жив, казни подвергнется сам истец. В арабской сказке⁴⁴ судья рассуждает иначе. Он утверждает, что умерший дважды виновен: первая его вина — избрал для себя путь мимо минарета, вторая вина — спас человека, достойного смерти; однако казий не считает возможным наказать его, так как тот ушел из этого мира. В тибетской сказке Шифнера блюститель правопорядка предлагает вдове взять виновника смерти ее супруга в мужа⁴⁵.

Восточные и тюркоязычные варианты заканчиваются тем, что все истцы отказываются от своих исков и вынуждены заплатить за это штраф. Иногда казий делится полученными деньгами, и бедняк превращается в состоятельного человека. Но чаще всего он наживается на том, что от него откупаются истцы, не желающие выполнять решений суда.

В некоторых сказках после суда счастливый оправданный ответчик еще спрашивает у судьи о тех странных и нелепых событиях, которые наблюдал по дороге к нему⁴⁶. Судья отвечает на все вопросы; ответы не менее парадоксальны, чем приговоры. Живого мужчину хоронили по приказанию судьи, так как, когда этот человек уехал в путешествие, пронесся слух, будто он умер. Судья выдал его жену за своего брата, а дочь — за племянника, а добро разделил между ними. Когда же тот путешественник возвратился, было гораздо легче предать его земле, чем восстанавливать в правах. По поводу казни невинного человека судья пояснил, что кузнец убил богача, родственники которого требовали отмщения кровью. Но в городе был только один кузнец и много чесальщиков; поэтому для города выгоднее было казнить одного из чесальщиков, чем единственного кузнеца. Пьяный человек в чалме — местный мухтасиб (духовное лицо у мусульман). В его обязанности входит проверка винных погребов неверных, он пробовал вино и давал разрешение на его продажу. Мухтасиб ехал после исполнения своих обязанностей. Что касается муллы, то в городе, оказывается, нет ни одного мусульманина с хорошим голосом; поэтому казий пригласил читать азан — призывы к молитве — с минарета своего друга-еврея. Мечеть содержит человек бедный, обремененный большой семьей; поэтому, чтобы повысить свои доходы, он разрешает в здании мечети играть в азартные игры и пить вино за деньги. После

⁴² Перс. ск. С. 197—244.

⁴³ Азерб. тюрк. ск. С. 490.

⁴⁴ Араб. ск. С. 268—272.

⁴⁵ Schiefner 1906. С. 29—36.

⁴⁶ См.: Жуковский. С. 2—21; Перс. ск. С. 197—244; Тадж. ск. С. 534—536.

этих откровений казия ответчик становится его приятелем или бежит от него с проклятиями.

Ингушская сказка завершается риторическим вопросом: «Кто остался судом доволен?»⁴⁷. Другие варианты имеют иные окончания.

* * *

Корни историко-культурных и фольклорных связей *тюркоязычных* народов уходит в глубь веков. Генетические и типологические связи сказочных традиций тюркоязычных народов, основанные на многовековом историческом развитии, способствовали проникновению сюжетов, мотивов и образов из фольклора других народов, но в то же время сохраняли национальную специфику. Сказочный сюжет АТ 1534 нашел отражение в фольклоре таких тюркоязычных народов, как татары, башкиры, туркмены, казахи, азербайджанцы. В сказках этих тюркоязычных народностей сюжетного типа «Шемякин суд» имеются общие особенности. Героем туркменского, азербайджанского и татарского вариантов⁴⁸ является бедняк, доведенный до крайности бедственным положением. Так же, как в татарской сказке, совершают неумышленную порчу животного герои туркменской и азербайджанской сказок — нечаянно отрывая хвост у лошади (осла). В большинстве тюркоязычных вариантов бедняга, сопровождаемый истцами в суд, вырывается от них и прыгает с обрыва, стены или моста и убивает своим падением человека, случайно оказавшегося внизу. Одним истцом становится больше. Высшей судебной инстанцией в сказках является суд казия. Все варианты, за исключением казахского, примыкают к сатирической версии сюжета. В казахской сказке вместо казия судит почтенный и сметливый старик, встретившийся тяжущимся на дороге⁴⁹. Что касается приговоров, то совпадение встречается только в одном из них. За убийство падением сверху в казахском, туркменском, азербайджанском и татарском вариантах⁵⁰ судья приговаривает к такому же наказанию: прыгнуть на виновного сверху и убить его. В туркменской, татарской и казахской сказках⁵¹ истцы откупаются от ответчика, после чего он становится состоятельным человеком.

* * *

Взаимодействию и взаимообогащению фольклора *татарского и башкирского* народов способствовало переплетение исторических судеб, сходство материальной культуры и бытовая общность. Немалую роль сыграли и процессы языкового сближения, отмеченные лингвистами. В фольклоре зафиксированы три татарские и одна башкирская

⁴⁷ Ингушск. ск. № 3.

⁴⁸ Туркм. ск. № 42; Азерб. тюрк. ск. С. 490; ТХИ. III. С. 218—222.

⁴⁹ КНС. II. С. 280.

⁵⁰ Азерб. тюрк. ск. С. 490; ТХИ. III. С. 218—222.

⁵¹ Туркм. ск. № 42; ТХИ. III. С. 218—222; КНС. II. С. 280.

сказка типа «Шемякин суд»⁵². Эти сказки разнообразны по характеру действующих лиц, по развитию конфликта, однако некоторые общие моменты между башкирским и татарскими вариантами легко обнаруживаются. Например, в башкирском и одном татарском вариантах⁵³ действует специфический герой — он не бедняк, а скорее ближе к обманщику/плуту. Придя в суд, он старается во что бы ни стало склонить судью на свою сторону. Во всех татарских и башкирской сказках сохранился мотив угрозы камнем, отсутствующий в восточных вариантах. В этом конкретном случае (мотив угрозы камнем) можно говорить о влиянии восточнославянского фольклора. Как и в мировом фольклорном материале, восточные сказки заканчиваются посрамлением корыстного судьи.

Обращаясь к сюжету АТ 1534 в *татарских* сказках, необходимо иметь в виду, что история татарского народа сложна. Этот народ сложился из многих этнических компонентов. Происхождение татар восточное, а проживают они в Среднем Поволжье. Вероятно, поэтому в татарских сказках чувствуется влияние и восточного, и европейского фольклора. Опубликованных татарских сказок о неправедном судье всего три. Однако эти три варианта очень отличаются один от другого. Две сказки вошли в III и IV том антологии на татарском языке «Татарское народное творчество», вышедших в 1979 и 1981 годах. Один вариант⁵⁴ был опубликован в книге «Мирер, Ахмет-Ахай озенбашский» в 1940 году. Самый полный из них — первый вариант. Он был записан в 1961 году в деревне Линейная Приволжского района Астраханской области от Мустафы Садретдинова пятидесяти шести лет.

По построению сюжета сказка⁵⁵ почти полностью повторяет сатирическую версию восточнославянских вариантов о богатом и бедном брате. Добавляются лишь некоторые особенности национального быта: суровая уральская зима; аркан, которым бедняк привязывает сани к хвосту лошади; ишан, выступающий в роли судьи. Так же, как и в восточнославянском материале, действующими лицами сказки являются братья (в данной сказке их зовут Хайбуш и Гали). Наследство, оставшееся после смерти отца, забирает себе Хайбуш. А так как Хайбуш был очень скупым, он ничего не дает брату. Отделившись, Гали с трудом ставит себе дом, батрача на баев; потом женится на такой же бедной девушке, как сам. Начинаются суровые морозы, и в середине зимы у бедного брата кончаются дрова. Он рубит в лесу дрова, однако привезти их не на чем. Приходится ему обратиться за помощью к Хайбушу. Однако богатый брат, кроме лошади, ничего не дает, — ни хомута, ни саней. Гали просит у жены аркан, идет в лес, делает из двух лесин сани и привязывает их арканом к хвосту лошади. Всё бы закон-

⁵² ТХИ. III. С. 218—222; ТХИ. IV. № 18; Татарск. ск. № 129; БХИ. V. № 53.

⁵³ БХИ. V. № 53; ТХИ. IV. № 18.

⁵⁴ Татарск. ск. № 129.

⁵⁵ ТХИ. III. С. 218—222.

чилось хорошо, но при въезде во двор упираются сани в подворотню, лошадь дергает и отрывает себе хвост. Хайбуш ведет брата в суд. Гали в своей рваной фуфайке очень мерзнет и всю дорогу стучит зубами от холода. Поэтому на постоялом дворе он прежде всего лезет на печь, но, заглядевшись на обедающих, падает с нее прямо на колыбель и убивает лежащего в ней младенца. Отец ребенка тоже идет вместе с ними в суд. При переезде через мост Гали прыгает с него вниз и падает на большого старика, задавив его насмерть.

Несчастный Гали, чтобы хоть как-то защитить себя, кладет за пазуху камень. Во время судебного разбирательства он то и дело показывает ишану на камень. Ишан, надеясь на взятку, оправдывает виновного. Приговоры те же, что и в восточных вариантах: отдать лошадь, пока не отрастет хвост, передать жену виновному, пока та не родит ребенка, прыгнуть на обвиняемого с моста и убить его. После вынесения приговора судья требует обещанное. Гали показывает камень и говорит, что в случае несправедливого приговора он угодил бы этим камнем ишану в лоб. Ишан остается сидеть с почерневшим лицом. Чтобы не выполнять решений суда, все трое истцов откупаются от Гали скотом. Таким образом, нищий Гали из самого несчастного превращается в богатого человека и становится в деревне баем, даже богаче брата Хайбуша. В отличие от восточнославянских вариантов, в татарском детальнее и психологически полнее разработан образ Гали. Прибавляются новые подробности о наследстве, строительстве дома, женитьбе на бедной девушке Амине и т.д. Для создания правдивого образа бедного брата используется большое количество определений: *юмарт*, *фекыйрь*, *мескен*, *ач*, *гаепле Гали* (добрый, бедный, несчастный, виноватый Гали).

Вторая татарская сказка⁵⁶ находится в четвертом томе антологии на татарском языке «Татар халык ижаты». Так же, как и польская сказка Рея из Нагловиц, она связана с вариантами сюжетного типа АТ 1534 только мотивом угрозы камнем. Действие разворачивается очень схематично: два человека обращаются в суд, один из них показывает казию на свой карман во время слушания дела; судья оправдывает того, от кого думает получить взятку. Конец сказки сходен с восточнославянскими вариантами — судья требует обещанное; человек говорит, что это был камень, которым он хотел ударить судью в лоб в случае вынесения обвинительного приговора. Другие мотивы, характерные для сказок типа АТ 1534, — порча животного, убийство младенца и убийство падением сверху — в татарской сказке отсутствуют.

Третий вариант был обнаружен нами в сборнике «Мирер, Ахмет-Ахай озенбашский». Ахмет-Ахай — любимый персонаж народов Востока. Герой — плут и обманщик, защитник бедных и обиженных. В книге (включающей в себя исследуемый сюжет) описываются его различные проделки, посрамляющие богачей и религиозных служителей. Эта сказка повествует об одной из уловок Ахмет-Ахая, с помощью которой он раскрывает двуличность и криводушие кадия.

⁵⁶ ТХИ. IV. № 18.

Ахмет-Ахай случайно встречает на дороге человека с женой верхом на ослице, притворяется слепым и просит взять и его с собою. Хозяин жалеет слепого, слезает с ослицы и сажает его впереди своей жены. По приезде в город хозяин-муж говорит слепому, что они приехали, и предлагает сойти на землю. Однако Ахмет-Ахай начинает кричать, что ослица и женщина принадлежат ему, а этот человек хочет отнять их у бедного слепого. Спорящих направляют в шариат к казию. В суде Ахмет-Ахай хлопает себя по груди, где у него был спрятан камень, и дает казию понять, что приготовил для него хороший подарок.

Казий разрешает спор оригинальным способом: он предлагает тянущимся ответить — осел или ослица то животное, на котором ехал слепец. А так как ответы были противоположными, то он выбрал самое верное, по его мнению, решение: отдать женщину слепому, а осла — поставить к себе в ослятник и держать там до тех пор, пока тот не разродится осленком. Если это случится, тогда тот, кто называет себя хозяином ослицы, пусть заберет ее. Если пройдет положенный срок и осленка не будет, может придти другой, называющий себя хозяином осла.

Данный поворот событий сходен с *башкирской* сказкой, в которой судья задает тот же вопрос: мериными или кобылицами были украденные лошади. Окончательно запутав потерпевшего, он провозглашает невиновным конокрада, так как у того якобы были все кобылицы и все свои.

Человек в татарской сказке, проигравший все, что имел, хватается за волосы в полном расстройстве и начинает рыдать. Ахмет-Ахай успокаивает его и говорит, что тот может всё получить обратно; он не «слепой с большой дороги», а зрячий. Но ведь и слепой может разглядеть, как бессовестно судит наш многоуважаемый казий. Подобное посрамление судьи также встречается в еврейской сказке, в которой брат и сестра решают выставить судью на всеобщее осмеяние. Каждый из них дает ему взятку. Судья выгораживает того, чей подарок ему пришелся больше по душе. Причем сначала он выносит оправдательный приговор сестре, а потом совершенно противоположный — в пользу брата.

Уловку Ахмет-Ахая — притвориться слепым — и его заключительные слова можно сравнить с китайской сказкой «Глазная болезнь», в которой судья присуждает и правой, и виновной стороне по двадцать палочных ударов. Приказные просят отпустить их домой, жалуюсь на то, что слепнут. Когда же судья не верит этому заявлению своих подчиненных, они говорят: «Конечно, вы видите нас ясно, а мы как посмотрим на вас, так словно глупость глаза застилает»⁵⁷.

И еще один башкирский вариант⁵⁸ помещен в пятой книге антологии на башкирском языке «Башкирское народное творчество». Баш-

⁵⁷ Китайские легенды. Сказки, басни, пословицы и поговорки. Пермь, 1958.

⁵⁸ БХИ. V. № 53.

кирская сказка «Судья и конокрад» не имеет близких вариантов ни в башкирском, ни в другом национальном материале. Ни в одной из известных нам сказок типа «Шемякин суд» нет героя-конокрада, отрицающего предъявленное ему обвинение. Эпизоды, предшествующие сцене суда, отсутствуют в башкирской сказке, оставаясь за рамками сюжета. В центре действия — изворотливый вор, отрицающий на суде свою вину. В других же сказках этого типа бедняк-ответчик, нечаянно оказавшийся преступником, не выгораживает себя на суде.

* * *

Проведенный анализ *тюркоязычных* вариантов типа АТ 1534 показал особую близость татарских сказок к восточному материалу, а башкирских — к восточнославянскому. Однако не отрицается влияние западноевропейского фольклора на татарский сказочный эпос и восточного — на башкирский.

Тюркоязычные сказки сохранили в первоизданном виде мотивы, из-за своей драстичности (нескромности содержания) давно подвергшиеся смягчению в западноевропейском фольклоре. Это мотив с помещением дочери царя в дом блуда (АТ 950), повествование о казие, которого застают за непотребным делом (АТ 1534), мотив о вырезании мяса из тела должника (АТ 1534) и др.

Сохранению и передаче таких мотивов способствовало то, что в XVI—XVII веках в странах Востока было принято долгие зимние ночи проводить в общественной комнате в деревне или в кофейнях города. Там собирались обычно только мужчины — бедняки и ремесленники, чтобы слушать различные истории⁵⁹. В соответствии с их запросами сказители пересказывали услышанные и вычитанные чужеземные сюжеты, не заботясь об их сходстве с оригиналом. Так возникали новые произведения на старые сюжеты. Особенно большим успехом пользовались сатирические рассказы, высмеивающие наиболее важные устои в укладе жизни мусульманского общества. В тюркоязычной сказке пьяница — цензор нравов; вымогатель, бесчестный человек — судья; игорный и непотребный дом — мечеть...

Следует отметить, что только в тюркоязычных и восточных вариантах сказок в роли судьи выступает женщина. В таких сказках она исполнена чувства собственного достоинства и представляется уже совсем не таким забитым существом, как принято было думать о женщине Востока, — она нравственная опора, советчица и помощница мужчины. Да и, вероятно, в самой жизни Востока и Запада за внешней покорностью, смирением женщины скрывались и сообразительность, и умение обойти самое сложное препятствие. К тому же на трактовку женских образов оказывала влияние и сама рассказчица. Например, в Турции и в некоторых других странах Востока сказки рассказывались

⁵⁹ *Короглы Х.* Трансформация заимствованного сюжета (по материалам эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии). М., 1977. С. 15.

исключительно женщинами. По этой причине этот жанр долго не принимался во внимание знатоками турецкого фольклора, их называли пренебрежительно «бабушкиными сказками». Вероятно, в силу этих причин в восточных сказках так много места отводится приключениям женских персонажей, а герои-мужчины — это часто переодетые девушки (как, например, в сирийской сказке типа АТ 1534).

* * *

Сделаем некоторые наблюдения относительно **происхождения** сюжета АТ 1534. В мотивах народной бытовой сказки обнаруживаются элементы мифологических представлений. Обычно в «бытовой» эпизод входят события, в поэтически переработанной форме воспроизводящие какой-то момент древнейшей обрядовой практики. Сказочный сюжет типа «Шемякин суд» берет истоки, возможно, в древнейшей обрядовой практике инициации и древнерусской мифологии, связанной с Судом⁶⁰, распоряжающимся человеческой судьбой. Мифические представления славян о судьбе человека развивались, видоизменялись, воплощались в различных персонажах. Широко представлена в сербском фольклоре Среча — красивая девушка-пряха, прядущая нить человеческой судьбы. Антитезой срече является «несрећа» — седая старуха с мутным взглядом. Несреча — тоже пряха, но прядет она слишком тонкую, легко обрывающуюся нить⁶¹.

Особенно часто фигурирует Суд (или Судинушка) в плачах и пословицах. Например, в «Плаче о потопших», записанном от Федосовой, мы встречаем такие слова:

*«Знать, судинушка по бережку ходила
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась!»⁶².*

В «Плаче об опьянливой головушке» судьба также описывается, как живое существо:

*«Знать, судинушка его да повзыскала,
Во царев кабака судьба да зазывала!»⁶³.*

Мифологические представления находят отражение и в пословицах: «Судьба придет — ноги сведет, а руки свяжет» или «Кого судьба минует, того и обнесет»⁶⁴.

⁶⁰ Шуклин В.В. Мифы русского народа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 182.

⁶¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд. М.: Наука, 1994. С. 383.

⁶² Причитания / Вступ. ст. и прим. К.В. Чистова. Подготов. текста Б.Е. Чистовой и К.В. Чистова. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 68.

⁶³ Там же. С. 91.

⁶⁴ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 40.

Б.А. Рыбаков рассматривает в этимологическом плане слова, выражающие в той или иной мере понятие судьбы⁶⁵. К нашему сюжету ближе слова «судьба», «среча», «рок», так как они связаны с решением, постановлением, определением. Выносящим решение может быть вождь, совет старейшин, коллектив равноправных. Слово «судьба» (сѣдба) в древних памятниках иногда означает «суд», «приговор», «решение». Таково же значение слова «рок» («постановление», «правило», «судьба», «срок», «мера») ⁶⁶. Близок к этому и смысл слова «среча» (сѣраца, среѣа). Оно легко объясняется такими производными, как «нареченная» (суженная невеста), «обреченный» (приговоренный) и т.п. Во всех словах этой группы ощутимо «решение», «речь», «суд» кого-то высшего по отношению к данному человеку, того (или тех), кто может судить, рядить, изрекать, приговаривать. Слова этой группы, по мнению Б.А. Рыбакова, могут относиться и к первобытному разделу добытка или урожая, но лишь как частный случай. В целом же они выражают в своем первичном значении широкий круг случаев социальной подчиненности человека (или семьи) воле коллектива или вышестоящей инстанции — старейшине рода, вѣчу, князю и т.д. — и могут относиться к самым различным видам социальной необходимости: выполнение определенной работы, сторожевая служба, выделение пахотного надела, очередность в выполнении повинностей и многое другое⁶⁷.

Другое предположение о происхождении сказок о судах из обряда инициации базируется на том представлении, что перед тем, как попасть в царство мертвых (а до этого быть проглоченным и извергнутым змеем-пожирателем мертвых), человек должен предварительно пройти через суд или судилище.

Обряды посвящения тесно связаны с представлением о пребывании в царстве мертвых. В.Я. Пропп утверждает, что мотив змеборства возник из мотива поглощения и наслои́лся на него. Обряд проглатывания и извергания человека входил в систему инициации. Одна из ее форм состояла в том, что посвящаемый пролезал через сооружение, имевшее форму чудовищного животного. Посвящаемый как бы переваривался и извергался новым человеком, таким образом, он переживал смерть и, наоборот, смерть была своего рода посвящением. Быть проглоченным было первым условием приобщения к иному царству. Сказочный же змей попал в сказку именно как страж царства мертвых, как «едок мертвых». Это — последняя ступень странствия, после чего умерший достигает вечного блаженства. «Пожирание, — пишет В.Я. Пропп, — здесь превратилось в наказание, то есть всему мотиву придан моральный оттенок. Пожиранию (если оно происходило, но обычно оно избегалось) предшествовал суд, и эта деталь сохра-

⁶⁵ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 384—385.

⁶⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1858. Т. II. Стлб. 112.

⁶⁷ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 385.

нена волшебной сказкой»⁶⁸. «Те, кто были осуждены на судилище, непосредственно отдавались на растерзание Пожирателю Мертвых и переставали существовать», — утверждает Бёдж⁶⁹. Казалось бы, что между боем с чудовищем и судом, предшествовавшим пожиранию, есть противоречие. Но такие противоречия мало останавливают мышление египтянина. Суд и судилище есть новое явление: по Морэ оно встречается, начиная с VI династии⁷⁰, бой — более древнее, и эти два представления мирно существуют. «Пожиратель мертвых» иногда описывается как гибридное существо, которое спереди есть крокодил, сзади — гиппопотам, в середине — лев. Часто он также изображается собакой. Суд состоял в том, что на весах взвешивали сердце новопреставленного. На одной чаше лежало сердце усопшего, т.е. его совесть, легкая или обремененная грехами. На другую ставили правду в виде статуэтки богини Маит или пера, иероглифа богини. Опускание чаши сердца означало смерть, подымание чаши или равновесие означало оправдание⁷¹.

Таким образом, можно предположить, что истоки сказок о Шемякином суде лежат в древнерусских мифологических персонификациях Суда и Судьбушки и, возможно, в древнейшей практике инициации, отголоски которой сохранились в мифах. На мотив поглощения и извержения человека наложилась мотив змеборства. А судилище, которое устраивалось для умершего перед проглатыванием его змеем, было прообразом судебной процедуры наших сказок.

При исследовании стиля сказок нужно учитывать одну из важнейших его особенностей — способность образными средствами народного языка выразить в нескольких словах всеобъемлющее.

Такие части в сказках можно назвать «местами смыслового сгущения» (М.М. Бахтин). Они имеют так называемые степени напряженности, то есть различаются места интенсивного смыслового сгущения и менее напряженного смыслового сгущения. Места смыслового интенсивного сгущения — это всё то, что связано с различными видами переживаний персонажей сказок и рассказчика (выражение сочувствия к героям сказки). Менее напряженные — это места смыслового сгущения, лишённые психологической мотивированности. Но и они должны быть объектом исследования, потому что в сказках не может быть ничего случайного, ненужного, произвольного. Они подлинны и максимально конкретны.

Различаются два типа мест напряженного смыслового сгущения: 1) тяготеющие по структуре к пословицам и поговоркам (с горем — одевались, с горем — обувались); 2) описывающие героев сказок и их действия (по-коровьи ревет).

⁶⁸ *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. С. 225.

⁶⁹ *Burge E.A.W.* The book of the dead. London, 1922. V. 1. P. 21.

⁷⁰ *Морэ А.* Цари и боги Египта. М., 1914. С. 140.

⁷¹ *Пронн В.Я.* Указ. соч. С. 273—374.

В татарской и русской сказках местом смыслового сгущения является эпизод, повествующий о женах, ждущих возвращения мужей из суда. В татарском варианте жена дает обет пожертвовать нищим единственную курицу, если муж из суда вернется живым: «...ирем судтан аман кайтса, куанычымнан актык тавыгымны узебезден де ярлы фекыйрьге бирер идем». А в варианте Куприянихи на вопрос соседа, где муж, жена начинает «по-коровьи реветь» (второй тип смыслового сгущения). На вопрос, почему она плачет, ведь нелегкая у них с мужем была жизнь, она отвечает, «где уж, с горем-одевались, с горем-обува-лись» (первый тип смыслового сгущения).

Первый тип мест смыслового сгущения, тяготеющий к пословицам и поговоркам, в основном встречается в восточнославянских сказках и берет истоки в фольклоре. Второй тип больше присущ тюркоязычным и восточным сказкам и несет на себе влияние книжной традиции.

К местам менее напряженного смыслового сгущения относятся следующие явления. В вариантах типа АТ 1534 есть эпизод, повторяющийся в сказках многих народов. Ответчик, желая напомнить судьбе о взятке, говорит так: «Вы нас разберите, как топором разрубите», или «Да засветит твой свет (т.е. твоя мудрость) как ярко горящая лампада». Судья отвечает следующим образом: «Законы быком прут, никуда не денешься», «Слова как мед, а дело быком прет» и т.д. Данные примеры характеризуются тем, что в них метафорическое высказывание имеет прямое вещественное значение, происходит накладка эзотерического смысла на содержательную предикацию, данную в метафоре.

В настоящее время возникла настоятельная необходимость создания своеобразного свода смысловых сгущений в сказочных сюжетах. Вначале он может охватывать ограниченное количество сюжетов у небольшого круга народов.

Вероятно, очень много смысловых сгущений может быть в сюжетах, связанных с напряженными, лирико-драматическими и печальными переживаниями. Таковыми являются сюжеты типа АТ 1525В* «Нужда» (по СУС), № 21а «Беда» и 21в «Горе» (по указателю сюжетов русских сказок Сибири Н.В. Соболевой).

Язык, который используется нами, — невыразителен, изобилует штампами. А народный язык — этот кладезь народной мудрости — неисчерпаем. Свод смысловых сгущений в сказочных сюжетах явится бесценным материалом для лингвистических разысканий.

Литературные переложения сюжета «Шемякин суд»

Литературным обработкам подвергалась, в основном, древнерусская повесть «О Шемякином суде» и ее лубочные издания. По сказкам типа АТ 1534 было создано не одно литературное переложение. Нам известны одна анонимная обработка XVII века¹, три стихотворные — А. Шамиссо², О. Миллера³, К.Н. Льдова⁴, две прозаические — Н.А. Полевого⁵, П. Свинына⁶ и две драматические — Н. Попова⁷, А. Глаголина⁸.

К XVII веку относится *анонимная обработка*, опубликованная в «Русской демократической сатире XVII века». Это стихотворное переложение древнерусской повести XVII века. Заимствования из повести почти дословны. Проследим это на примерах:

Древнерусская повесть XVII века «Суд Шемякин»

*В неких местах живяше два брата
земледельца: един богат, други убог...⁹*

Анонимная литературная обработка XVII века

*В неких местах два брата живяще,
един богат, а другой — убогий бяше¹⁰.*

¹ Суд Шемякин // Рус. демокр. сатира. С. 23—29.

² Chamisso, A. von. Chamisso's Werke. Bd. 2. Berlin: Grote, 1894. S. 127—132.

³ См.: Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1880. С. 444—446.

⁴ Льдов К.Н. Повесть о суде Шемяки // Исторический вестник. Т. XXXIX. СПб., 1890. № 1. С. 104—114.

⁵ Полевой Н.А. Старинная сказка о судьбе Шемяке с новыми присказками // Н.А. Полевой. Мечты и жизнь. М.: Сов. Россия, 1988. С. 226—260.

⁶ Свинын П. Шемякин суд или последнее междоусобие удельных князей русских. Исторический роман XV столетия. В 4-х частях. М., 1832. Ч. III. С. 71—74.

⁷ Попов Н. Шемякин суд. Комедия о несправедном суде Шемяке, мужике богатом, мужике горбатым и о мужике убогом. В одном действии. Из старинного сказания передал Н. Попов. М., 1900. С. 1—71.

⁸ Глаголин А. Шемякин суд. Комедия в 8 эпизодах для кукольного театра. По старинным лубочным картинам, позднейшим литературным вариантам, материалам фольклора и комедии Попова. М., 1936. С. 1—41.

⁹ Текст древнерусской повести XVII века «Суд Шемякин» см. в кн.: Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н.К. Гудзий. М., 1973. С. 441.

¹⁰ Рус. демокр. сатира. С. 23.

*И приидоша оба до некого села¹¹.
Судья же начаяся, что ему от дела
убоги посулил¹³.*

*И приидоша они до некоего села¹².
Судья, на убогова взираючи, то чаёт:
знатно-де за дело он столко денег
обещает...¹⁴*

Содержание повести также остается здесь неизменным. И если в древнерусской повести есть пропуск мотива о неумышленном убийстве младенца в доме у попа, то автор анонимной обработки не включает этот мотив тоже, хотя он ожидается всем ходом повествования.

Незатейлив язык рассказчика, повествование ведется в сентиментальном духе. Так, автор обработки, желая вызвать у читателей сочувствие к животному, подчеркивает, что убогий, осердясь на богатого, «сена с собой не взял», что он «немилостиво» лошадь ко двору погнал.

Образ судьи в литературном переложении несколько приукрашивается. Например, после вынесения приговора он говорит истцам: «Не погнавайся на меня, судью» или «Ну, господа, теперь на меня гневу не держите, как вам можно, против сего суда отомстите...».

В отличие от древнерусской повести большая роль отводится в произведении диалогу.

Данная авторская трактовка — пересказ повести XVII века почти без изменений в сюжете и идейной оценке образов.

Стихотворное переложение «Шемякина суда» *К.Н. Льдова*¹⁵ датируется 1890 годом. Попытка поэта оказалась более удачной, чем литературные обработки О.Б. Миллера и его предшественников.

К.Н. Льдов соединил литературность переложения с точной передачей подлинника. Подлинником послужила древнерусская повесть XVII века «О Шемякином суде». Кое-какие отступления не нарушают общей гармонии и красоты передачи, так как они сделаны в народном духе. Образ богатого брата получает психологическую мотивированность. Его речь — смесь разговорного и народно-поэтического стиля. Он употребляет такие слова, как «шаромыжник», «голь» и т.д., использует в разговоре пословицы и поговорки: «Помогать тебе, что воду лить в дырявое ведро!». Его гнев описывается путем сравнения с явлениями природы: «как сумерки, нахмурьась», «стал темнее грозной тучи». Совершенно новое явление в обработке — пейзаж, которого совсем не знали ни устная, ни рукописная сказки. Пейзаж очень эмоционален, дан в духе романтизма. Например, вот как описывается путь братьев по дороге в суд:

*«Час идет, другой и третий...
Стало на небе смеркаться,
Кое-где блеснули звезды*

¹¹ Рус. демокр. сатира. С. 23.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Там же. С. 443.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ *Льдов К.* Указ. соч.

*И тайком перемигнулись»¹⁶;
«По долинам и лужайкам
Тихо реет ангел ночи.
И в лазурное лукошко
Сеет ласковые грезы...»¹⁷;
«Чуть на небо голубое
Зорька ранняя прокрасась...»¹⁸ и т.д.*

Язык обработки более поэтичен, чем другие литературные переложения, размер стиха — хорей. В целом вся обработка — это переложенная на стихи древнерусская повесть XVII века. Только конец ее приближен к народной сказке: многословные перечисления всего того, чем откупались от бедняка истцы, больше присущи сказочному повествованию.

Стихотворение А. Шамиссо «Приговор Шемяки»¹⁹ появилось в 1833 году в «Немецком альманахе» с подзаголовком «Русская народная сказка». Поводом для его создания послужил выход в свет сборника сказок А. Дитриха²⁰. Одна из семнадцати сказок этой книги — перевод лубочного издания древнерусской повести о Шемякином суде. Материалы для этой публикации передал А. Дитриху известный исследователь лубка и народного быта И.М. Снегирев.

Название стихотворения — «Приговор Шемяки» — наталкивает нас на мысль, что поэт привлекла парадоксальность самого приговора судьи Шемяки. Шамиссо исключает из своей баллады экспозицию сказки и начинает стихотворение непосредственно с диалога бедного с богатым, в котором первый просит у брата лошадь. Все три мотива с необычайной точностью воспроизведены поэтом. Единственное, что он вносит нового, это изменившийся образ бедного брата. Вначале убогий рисуется униженным просителем, а в конце стихотворения превращается в бунтаря, грозящего камнем судьбе.

Легкости и живости повествования Шамиссо достигает введением в текст звучных и выразительных пословиц. Ритмико-строфическая организация стиха — четырехстопный ямб.

Литературная обработка А. Шамиссо — это самостоятельное произведение с авторской трактовкой образов; поэт оживил русский лубочный вариант сказки и переработал с тонким юмором.

Стихотворение А. Шамиссо в свою очередь было вновь переведено на русский язык О.Б. Миллером в 1873 году²¹. В передаче О.Б. Миллера исчезла лирическая взволнованность баллады Шамиссо, лукавая ирония, сатирическое обличение несправедливости. Исчезли

¹⁶ *Льдов К.* Указ. соч. С. 108.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 110.

¹⁹ *Chamisso A.* Op. cit.

²⁰ *Dietrich A.* Russische Volksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt. Mit einem Vorwort von J. Grimm. Leipzig, 1831. S. 187—191.

²¹ См.: *Гербель Н.* Указ. соч.

присущие балладе анафора, пословичные выражения, тавтологические обороты. Бедняк, все беды которого проистекают из-за нищеты, превратился в «брата убогого», в униженно просящего «о милости», «беднягу». Кажется совершенно чуждым тексту сказки такой оборот О.Б. Миллера, как обращение богатого брата к бедному — «любезный братец»²² и т.д.

В области языка О.Б. Миллера выступает последователем А.С. Шишкова, он использует русские эквиваленты слов иностранного происхождения: вместо слова «хомут» пишет «оголовок», «кабак» или «трактир» превращается в «сельское кружало» и т.д. Он насыщает произведения религиозной лексикой: «беспутный Каин», «буди Божья воля», «с нами крестна сила...».

Окончание литературной обработки окрашено в сентиментальные тона:

*«Уж не будет зваться он с нуждой тяжелой:
Станет жить как люди, голод позабудет
И в миру считаться хуже всех не будет...»²³.*

Драматических литературных обработок две. Одна из них — написанная в 1909 году Н. Поповым комедия о несправедном суде Шемяке, мужике богатом, мужике горбатым и о мужике убогом. В комедии только одно действие, которое происходит в судной избе у боярина Шемяки. Начинается пьеса с того, что дьяк читает Шемяке челобитные Ивашки Богатого и Васьки Горбатого. Ивашка Богатый жалуется на порчу убогим лошади, Васька Горбатый — на то, что убогий, прыгнув с моста, его отца придавил. Следовательно, автором используются два мотива из трех.

В литературном варианте Н. Попова остросатирически изображаются судебные порядки. Так, боярин Шемяка, перед тем как пустить просителей, спрашивает у дьяка: «А толсты ли мошны с ними?». Тут же он добавляет, что «не тот прав, кто прав, а тот у меня прав, кто хочет быть прав». Увидев же в руках убогого завернутый в тряпицу камень, дьяк говорит Шемяке: «Убогий-то как бы прав не был; вишь, в руках деньги ворочает»²⁴ и т.д. Литературная обработка полностью построена на диалоге представителей судебной власти с истцами и ответчиком.

Литературное переложение Н. Попова отличается прежде всего краткостью, оно свидетельствует о начитанности автора, владеющего языком и мастерством рассказчика.

Другая драматическая обработка принадлежит Алексею Глаголину²⁵. Это комедия в восьми эпизодах для кукольного театра. По словам автора, он использовал при создании пьесы старинные лубочные кар-

²² Пушкарева Н.Л. Указ. соч.

²³ См.: Гербель Н. Указ. соч. С. 446.

²⁴ Попов Н. Указ. соч.

²⁵ Глаголин А. Указ. соч.

тинки, позднейшие литературные варианты, материалы фольклора и комедию Н. Попова.

Нужно отметить вольное обращение автора с текстом и сюжетом сказки — он непринужденно меняет сюжет, ограничиваясь передачей лишь общей линии событий. Из трех мотивов здесь сохраняются два: порча лошади и убийство падением сверху, причем последний мотив трансформируется — Ерема падает не на больного старика, а на жену богатого мужика Федора Елену и не убивает ее, а лишь слегка ушибает. Сюжет осложняется мотивом любви Еремы и Елены.

Пьеса статична, это вереница моментов, каждый из которых по-разному раскрывается в монологе, диалоге или песне. Это серия неподвижных сцен, серия внешних и внутренних ситуаций, каждая из которых развернута, а переходы между которыми мгновенны. Вот это раскрытие момента является наиболее важным в поэтике пьесы.

Отличительный признак этой пьесы — рефрен. В тексте обработки постоянно повторяются строки одной и той же песни, которую поют то бедняк Ерема, то Елена, причем один герой начинает, а другой — продолжает. Интересен выбор песни — это песенный вариант древнерусской «Повести о Горе Злочастии»: «Полетел молодец ясным соколом, а Горе за ним белым кречетом» и т.д. В этой песне присутствует мотив невозможности уйти от своей судьбы. Точно так же на героя пьесы падает одно несчастье за другим. Эта повторяющаяся формула рефрена — образ Горя, преследующего человека — становится центральным образом пьесы, а предшествующие рефренам строфы подводят к нему каждый раз с новой стороны и тем самым всё больше осмысливают и углубляют его.

Пьеса насыщена формулами сказочной поэтики: «сахарные уста», «черного соболя брови, ясного сокола очи», «на каждой ресничке по жемчужинке, на косе светел месяц», «конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит»; есть элементы фантастики — скоморох прыгает в прорубь и выныривает из нее сухим. Автор с успехом включает в произведение отдельные отрывки из сказок, преданий, пословицы и поговорки. Например, он использует в пьесе отдельные мотивы сказки «Два Мороза», сюжетных типов АТ 1365 «Упрямая жена», 1889Р — «Человек сшивает две половинки лошади» и 804А — «Человек взлезает на небо по дереву и спускается на ремнях» (сравн. Э. Распэ «Приключения барона Мюнхгаузена»). Органично вплетен в сюжетную канву пьесы эпизод из предания о Степане Разине. На просьбу Еремы развязать ему руки Федор Горбатый отвечает отказом и объясняет причину: «Я чую, он “оборачиваться” хочет. Попросит водицы ковшик испить, а сам угольком на воде лодочку начертит, воду выльет, в тую лодочку вскочит и поминай как звали. С реки на реку, за Персидское море...»²⁶. Очень много в пьесе пословиц и поговорок, касающихся судебных тяжб: «Закон, что дышло, куда вывернул, туда и вышло», «Богатому идти в суд — трын-трава,

²⁶ *Глаголин А.* Указ. соч. С. 28.

бедному — долой голова», «Кобыла с волком судилась, да домой не воротилась», «Деньга камень долбит» и т.д.

В целом эта драматическая обработка — вольный пересказ сюжета сказки типа АТ 1534, а описание судебной процедуры почти дословно совпадает с текстом пьесы Н. Попова.

Прозаическая литературная обработка сюжета включена в канву исторического романа «Шемякин суд или последнее междоусобие удельных князей русских»²⁷ в четырех частях, принадлежащего перу известного в свое время писателя *Павла Свиньина* (1832 г.). Роман повествует о времени правления Дмитрия Шемяки (XV век). Автор поддерживает точку зрения, согласно которой происхождение имени судьи Шемяки из древнерусской повести XVII века и русских народных сказок ведется от реально существовавшего князя Дмитрия Шемяки (1420—1453). К особенностям княжения Шемяки он относит то обстоятельство, что тот, как и его «тиуны», умел придавать вид законности самым кривым, вопиющим решениям. Злопамятное же предание сохранило некоторые примеры таких пристрастных решений Шемяки, которые удивляют утонченностью крючкотворства и вместе с тем жестокостью. «Всякая несправедливость, — пишет Свиньин, — оттоль стала называться Шемякиным судом»²⁸.

В сюжетную линию роман органично вплетается бывальщина, которую рассказывает дурак Уродко князю Шемяке и ханскому послу Бигичу. Начинается она со сказочного зачина: «Не широкое море Хвалынское разливается, бурно озеро Нерон поднимается, о высокий брег разбивается, в высокие горы ударяется; моя сказка начинается: в некотором царстве жил был...»²⁹. Сразу же дается характеристика тиуну Рядиле (так называет рассказчик судью): Рядило «криво на лавке сидел, да о правде очень радел, виноватого прощал, а правого без рубахи пушал. Сердечно готов был за нищего заступиться, когда было чем в его кошеле поживиться». Обличительная характеристика судьи, предваряющая рассказ, — прием, известный нам уже по талмудическим характеристикам и по лубочному изданию персидского варианта сказки (Тегеран, 1228):

«Расскажу я один случай, чтобы набрались вы, братцы, уму-разуму.

Послушайте вы о коварстве и вере попоранной, рассказ про “судью пятерых”.

*Мерзости такой и свет еще не видел: от них (судей) бегством спасается сам сатана»*³⁰.

В сказках этот прием используется редко.

Дурак Уродко, рассказывая бывальщину, ограничивается изложением только одного мотива сюжета — порчи животного, два других им

²⁷ Свиньин П. Указ. соч.

²⁸ Там же. С. 58.

²⁹ Там же. С. 71—72.

³⁰ Вариант см.: Жуковский. С. 2—21.

не упоминаются. Повествование начинается прямо с описания сцены в суде, куда приходят богатый и бедный братья. Из речи богатого мужика на суде мы узнаем, что «бедный пожалел хомута, а лукавый и взгоразди ему указать, дровни къ лошадиному хвосту привязать»³¹; значит, это не богатый не дал хомута, а бедный пожалел его использовать.

Все сюжетные линии сказки полностью соблюдены: необрунная подворотня, как следствие этого — оторванный хвост, показывание камня на суде, тот же приговор и выяснение судьей причины того, почему ответчик показал ему камень.

Сказка заканчивается словами: «Еще бы я сказал сказочку удалее про этого мужичка забияку; да не прогневать бы батюшку Дмитрия Юрьевича Шемяку»³². И действительно, дальше мы видим, что Шемяка едва сдерживается, чувствуя, что «озлобленный дурак бывальщиною своей метил ему не в бровь, а прямо в глаз, намекая на подобное его решение в тяжбе богатого с бедным...». Таким образом, автор всем ходом повествования, а также названием сказки «бывальщиною» наводит читателя на мысль, что всё это было в действительности. Для правдоподобия он говорит, что за подобные шутки «простоять бы дураку целую ночь без рубахи на комарах» или «пришлось бы ему просидеть несколько часов с медведем на колесе, если бы другие дела не отвлекли князя Шемяку от этого случая». Подобные наказания были привычной потехой для Шемякиных придворных. Запрет на употребление выражения «Шемякин суд» в оценочном значении содержится в документах, датированных 1643 годом, много позже времени жизни Шемяки: «Ноября в 27 день 1643 года (т.е. до опубликования Уложения 1649 года) перед съезжею избою бит батогом тобольского сына боярсково Ивана Астраханца половник Гришка Березников за ево, Гришкино, невежество, за то, что он в съезжей избе воеводам князю Петру Ивановичу Пронскому с товарищи говорил: “ваш де Шемякинской суд”»³³.

Бывальщина выдерживается в русле сказки, написана в стихотворной форме.

Литературная обработка *Н.А. Полевого* «Старинная сказка о судье Шемяке с новыми присказками»³⁴ была впервые опубликована в 1843 году в книге под названием «Повести Ивана Гудошника». Выводя Гудошника в роли рассказчика, писатель как бы подчеркивал свою верность принципу самобытности русской литературы. Его сказка — оригинальная обработка древнерусской «Повести о Шемякином суде». Но сюжет повести *Н.А. Полевой* делает лишь вставной «новеллой», которую рассказывает один из мужиков, сидящих на завалинке. Основной

³¹ *Свиньин П.* Указ. соч.. С. 72.

³² Там же. С. 74.

³³ См.: *Лапицкий И.П.* Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // Труды ОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 79—99.

³⁴ *Полевой Н.* Указ. соч.

же интерес повествователя вызывают всевозможные присказки на все случаи жизни, которыми постоянно прерывается повесть о Шемяке. Неповторимый колорит придает «Сказке» речевая манера повествователя: нарочито многословная, витиеватая. Автор как бы поддразнивает читателя, которому не терпится поскорее добраться до сути рассказа: «Вот куда занесла меня моя неосторожная привычка заговариваться — право, какая неосторожная привычка! Если бы начал я сказочку напрямик, с самого начала, так уж давным-давно сказка моя была рассказана. Кто же знал, что пройдет много времени, пока я успею разговориться с вами, господа»³⁵. Из разбросанных по всему повествованию подробностей деревенского быта, из отдельных реплик героев постепенно складывается облик русского крестьянина: мудрого, рассудительного, с хитринкой и чувством юмора, пожалуй, слегка идеализированного³⁶.

В литературном варианте Н. Полевого судебная процедура утрируется, доводится до гротеска. С тяжущихся изымается плата за вход, за прочтение объявления, за то, что шапки не сняли и т.д. А когда просители наконец доходят до Шемяки, они видят перед судьей целый ряд подъячих, собирающих деньги на отопление судейской, на бумагу для жалобы, за печать и тому подобное.

Таким образом, автор использует сказку только как вставную «новеллу». Сказка — веселая и задорная, блещет юмором, хотя и не лишена серьезности. Это — произведение в подлинно народном духе.

Сделаем некоторые выводы по литературным обработкам сказочных сюжетов типа АТ 950 и АТ 1534.

Народную сказку отличают от авторского творчества портретные и бытовые зарисовки, внутренние монологи героев, размышления рассказчика, психологические, реалистические мотивировки действий персонажей, а также сюжетные трансформации. В литературных обработках чаще всего присутствует инвертированный мир.

³⁵ Полевой Н. Указ. соч. С. 233.

³⁶ Там же. С. 13—14.

Своеобразие языка русских сказок о Шемякином суде

Особое значение для исследования стиля сказки приобрела в настоящее время работа с разновременными (повторными) записями от одного и того же сказителя, открывающая новые перспективы решения проблемы усвоения, воспроизведения и конструирования сказочного текста каждым конкретным исполнителем.

Рассмотрим два варианта сказочного сюжета «Шемякин суд», записанных от Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи) в 1925 (1-й вариант)¹ и 1935 (2-й вариант)² годах. Определим устойчивые и варьирующие сюжетные слагаемые и постараемся усмотреть динамику сюжетных единиц во времени. Кроме того, проведем комплексное стилевое изучение материала сказок *в диахронном аспекте*.

В основе сказок лежит известная повесть XVII века о Шемякином суде, получившая бытование в фольклоре: бедный брат совершает нечаянно несколько убийств, на суде ему присуждают деньги с потерпевших. Бродячие сюжеты о мудром судье приобрели на русской почве сатирическую заостренность. В устных редакциях элемент сатиры обычно утрачивается и заменяется посрамлением богатого брата и своеобразным апофеозом бедности.

А.К. Барышникова передает содержание сказок с соблюдением всей «обрядности» и понимает рассказывание как художественную передачу известного ей сюжета. У сказочницы можно найти все особенности традиционной сказки. Прежде всего при анализе композиции данных сказок бросается в глаза традиционность. Здесь мы найдем зачин, концовку и традиционное развертывание сюжета. Наибольшей стабильностью в сказках данного типа обладают три мотива: неумышленная, но строго наказуемая порча животного; убийство ребенка, виновный в котором должен прижить нового ребенка с женою истца; убийство человека, требующее отпущения тем же способом, каким было совершено.

Оба варианта А.К. Барышниковой близки в своей основе, отличаются лишь рядом деталей. Героями сказок являются два брата — бо-

¹ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

² Куприяниха. С. 153—156.

гатый и бедный. У бедного брата — много детей, а у богатого — ни одного. По просьбе богатого³ или по своему желанию⁴ бедняк с женой молятся Богу о том, чтобы у брата появилось дитя. Богатый обещает взять убогого в кумовья, если его мечта исполнится. Но после рождения ребенка он забывает о своем обещании и даже не приглашает бедного брата на крестины.

Нечаянная порча лошади является следствием мотива о вымоленном сыне. Бедняк, думая, что брат просто запомнил приглашение его на крестины, решает напомнить о себе и идет просить совсем не нужного ему коня. А раз брат дал, ему приходится взять коня и уйти несолоно хлебавши. Срубленное дерево падает на лошадь и давит ее. Только во втором варианте к гибели животного добавляется и его порча: бедняк, желая вытащить коня из-под дерева, отрывает ему хвост. Богатый брат подает на убогого в суд, требуя возместить убытки.

По дороге в суд братья заходят переночевать к попу, убогий падает с печи на младенца и нечаянно убивает его. Обвиняемый, ведомый в суд братом и попом, решает лучше покончить жизнь самоубийством и прыгает с горы вниз. Убиться ему не удается, однако косвенно он становится виновником гибели детей. Разбежавшись, он привел в движение неустойчивый склон, гора сдвинулась и подавила мальчиков, стерегущих внизу коров⁵ или лошадей⁶.

Обвиняемый набирает за пазуху камней. Желая обратить внимание судьбы на себя и на камни за пазухой, говорит примерно одно и то же: «Судить-то суди, да смотри-то суды!». Судья принимает камни за пазухой за взятку и выносит оправдательный приговор. По первому эпизоду богатому брату рекомендуется отдать свое дитя убогому, так как тот вымолил его у Бога. По второму эпизоду судья выносит попу следующий приговор — отдать жену, пока она не родит ребенка. И относительно третьего эпизода судья избирает наказание, повторяющее преступление: отцам мальчиков надлежит спрыгнуть с горы и убить своим падением ответчика. Сказки заканчиваются обогащением бедного брата за счет того, что проигравшие иск, не желая выполнять приговор суда, откупаются от него деньгами.

Конец первого варианта — идиллический разговор мужа с женой — несомненно является изобретением самой сказочницы и очень характерен для ее настроений.

Ни один жанр фольклора не представляет собой чего-то застывшего как в отношении системы художественных образов, так и в отношении языка. Повествование ведется на разных стиливых уровнях. Соотношение разных элементов общенародного языка в этих сказках не одинаково. Именно это различие в подборе выразительных средств языка и создает индивидуализированный облик отдельного произведения.

³ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

⁴ Куприяниха. С. 153—156.

⁵ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

⁶ Куприяниха. С. 153—156.

Первый вариант (1925 г.) — больше по объему. Наряду с разговорной речью, представленной в гораздо большем объеме, выявляется и говор исполнителя, не испытавшего влияния регламентирующих норм литературного языка. Например, в тексте сказки появляются такие слова, как «заритавала», «в тяпцы», «зыграл», «титором». Вместе с традиционными сказочными аксессуарами в стиле и словаре сказок А.К. Барышниковой можно отметить кое-что, попавшее за последние годы: стаканчик, суд, повестка, мильоны, присудили⁷; прошенье, присутствие, опрос⁸.

Большое внимание Анна Куприяновна уделяет определению душевных состояний героев: весело, невесело, проплакала, привез радость, горе⁹; весело кушают, грустил, приуныл, скучно, радуется¹⁰. В позднем варианте Куприяниха образует от имени различные варианты субъективно-оценочного значения: сивенькую лошаденку, стаканчики, одежоночка, ребеночек, мужичонку. В варианте 1925 года мы нашли единичный подобный случай — старичок. Употребление большого количества суффиксов субъективной оценки делает вторую сказку более яркой в эмоциональном отношении.

В анализируемых вариантах имеются обычно несвойственные сказке авторские ремарки, с помощью которых придается психологическая насыщенность тексту. Часто герои характеризуются одной, двумя чертами. Эта характеристика имеет вид попутного замечания или уточнения рассказчика о герое: богатый брат, этот богач, бедного брата¹¹; богатого человека, бедный брат¹². Куприяниха с помощью авторских ремарок вносит в сказку личный элемент, зачастую поясняя отдельные эпизоды или давая им оценку: «как он духовный», «как у нас вишь, едут отколе на суд», «а ведь в старину судьи были дураки»¹³; «как у него одежоночка была плохая»¹⁴. Иногда эти высказывания по объему выходят за рамки авторских ремарок: «Ну да, ведь богатых везде почитают, везде за стол сажают»; «Что делать мужику — бедняку?»¹⁵; «А ведь богатый что с лавочниками, с попами, с разными богатыми людьми знается, а бедный — ни с кем»¹⁶.

Сказочница иногда прибегает к «внутренней речи» и прямо передает чувства, мысли и переживания героев, причем использует ее при описании одних и тех же ситуаций в обеих сказках. Чаще всего произнесение героем внутреннего монолога предвдваряет какой-то поступок, персонаж как бы «планирует» свои действия:

⁷ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

⁸ Куприяниха. С. 153—156.

⁹ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

¹⁰ Куприяниха. С. 153—156.

¹¹ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

¹² Куприяниха. С. 153—156.

¹³ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

¹⁴ Куприяниха. С. 153—156.

¹⁵ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

¹⁶ Куприяниха. С. 153—156.

1) «Она ему лошадь и не нужна. Он думал, што он ему стаканчик назовется, — он за столик двинется. Так и думал: выпью я — попаду в пир. На стороны-то скажут, и я кумом был»¹⁷; «Дай хоть к брату пойду, в лес лошадь попрошу, может, рюмочку поднесет»¹⁸.

2) «Ох, дей, я прыгну в этот лог, расшибусь!»¹⁹; «Все едут со мной судиться, лучше мне с горы убиться!»²⁰.

В данных вариантах встречается и совершенно особый случай, когда сказочницей показывается внутренний мир собирательного образа, коллектива персонажей, размышления которых также передаются речью про себя — внутренним монологом. Ярko представлен коллективный внутренний монолог судей: «Гляди, у него денег много, всех подорит нас!»²¹; «Те судьи обрадовались: они думали, что у него за пазухой деньги, что он их подарит»²². Появление в сказках внутреннего монолога героев свидетельствует о проявлении тенденции усиления психологического начала.

Одной из характернейших черт стиля сказок Куприянихи является наличие размеренной и рифмованной речи. Этой особенностью проникнуты обе сказки. Балагурно-шутливый стиль описаний и повествования проявляется в ритмической организации фраз, в многочисленных рифмах и созвучиях.

Ритмическое членение не является произвольным. Сравнительный анализ двух разновременных записей от одного исполнителя свидетельствует о том, что в основе рифмы Анны Куприяновны лежит не только субъективный фактор. Об этом свидетельствует полная или относительно полная сохраняемость ритмического членения во времени. Рифма свойственна обоим сказочным текстам, т.е. рифмованные части, отрезки есть в каждой записи. При их анализе прослеживается интересная закономерность: в сказках мало рифм повторяется, однако склонность к рифмованной речи заставляет сказочницу изобретать всё новые и новые виды рифм в обоих вариантах, причем подход к их созданию у Куприянихи один и тот же. В рассказывании сказок проскальзывает ее лобование красотами слова и напева.

Первый вид рифм А.К. Барышниковой — это те, в которых рифмуются близко стоящие слова. Такую рифму еще называют смежной. Она представлена в нескольких разновидностях:

1) рифмуется один, два или три последних слога: *не делал — не дал, взял — рассказал, сыграл — не дал, ждет — реветь, говорит — не велит — просит*²³; *упал — попал, поживает — знает, пируют — гуля-*

¹⁷ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

¹⁸ Куприяниха. С. 153—156.

¹⁹ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

²⁰ Куприяниха. С. 153—156.

²¹ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

²² Куприяниха. С. 153—156.

²³ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

ют — наливают²⁴; почитают — сажают, назовется — двинется²⁵; не удавится — явится; одеваемся — обуваемся²⁶;

2) рифмуются один или два слога, к которым добавляется приставка: *положил — покати*; *не заплатил, пойду — попрошу*²⁷; *покажу — рас- скажу, не попало — пропало*²⁸;

3) одновременно с конечной рифмой сказочница использует звуковой повтор или переключку гласных и согласных звуков: *поставил — не сообразил*; *лошадь нужна — чарку вина*; *и на стаканчик не позвал — и пообедать ему не дал*; *едут со мной судиться — лучше мне с горы убится*²⁹.

Второй вид — это рифмы, включенные в сказку ради балагурства: *упала осина — убила Максима, рубил осинку — убил Максимку, Тишке — книжки, Таньке — раздуванку*³⁰. Такую рифму принято называть пословичной, так как здесь представлена игра рифмами и созвучиями к собственным именам (сравни с паремией: «Наш Гришка не берет лишка»). Пословичной считается также левая рифма, которая изредка встречается в анализируемых вариантах: *кумовьев — кума, осина — Максима, хитро — титором*³¹; *дети — нету*³². Для украшения речи вводятся А.К. Барышниковой и рифмованные поговорки: «Судить-то суди, а глядите сюды!»³³; «Суди-то суди, да смотри-то сюды!»³⁴. Для придания сказке большей звучности сказочница заменила во втором варианте глагол «глядите» на «смотри-то», благодаря чему все слова здесь начинаются на согласный «с».

Таким образом, Куприяниха добивается того, что при помощи одних и тех же опорных точек мотивы сюжета выдерживаются в общей тональности.

Сравнивая две записи одной и той же сказки, мы на основании этих наблюдений можем сделать вывод, что Анна Куприяновна не является механическим передатчиком текста, она сохраняет один и тот же подход к использованию художественно-изобразительных средств сказки. Исполняя два раза один и тот же текст, сказочница выбирает особую манеру повествования, достигнув художественных вершин исполнительского мастерства. Она не перечеркивает опыт предыдущего исполнения.

Изучение двух разновременных текстов показало, что передача традиционного сюжета вовсе не есть что-то механическое, а, наоборот,

²⁴ Куприяниха. С. 153—156.

²⁵ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Куприяниха. С. 153—156.

²⁹ Там же.

³⁰ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

³¹ Там же.

³² Куприяниха. С. 153—156.

³³ Избр. мастера. Т. 2. С. 138—145.

³⁴ Куприяниха. С. 153—156.

является всякий раз живым художественно-творческим актом. Элемент импровизации способствует у слушателей возникновению интереса к процессу исполнения сказки.

* * *

Абрам Кузьмич Новопольцев — один из самых талантливых мастеров русской сказки. Он занимает бесспорно первое место и по количеству и разнообразию записанных от него текстов, и по богатству своего репертуара.

В репертуаре Абрама Новопольцева из 72 сказок всего 7 текстов составляют бытовые сказки и 12 — легенды, преподносимые им прежде всего как интересные по своей фабуле, занимательные бытовые рассказы.

Разные сюжеты и варианты сказок обладают разной степенью *психологической насыщенности*, но принципы изображения внутреннего мира героев сказок являются общими.

Наибольшей психологической и поэтической насыщенностью обладает сказка А.К. Новопольцева «Богатый и бедный брат»³⁵, относящаяся к сюжетному типу «Шемякин суд». Эта сказка принадлежит к сюжетам бытовых сказок с элементами волшебства, с религиозно-легендарными, а также моралистическими элементами. Она представляет собой переходный тип между бытовыми и волшебными, новеллистическими сказками и легендами. В этом варианте отмечаются изменения в самом жанре сказки, в частности в сказке бытовой (в ней появляется реалистическая, психологическая мотивированность эпизодов и ситуаций).

«Богатый и бедный брат» — один из 19 известных русских вариантов, относящихся к сказочному сюжету «Шемякин суд». Вспомним краткую схему этого сюжета: бедный брат одалживает у богатого лошадь и нечаянно отрывает ей хвост; затем по дороге к судье невзначай губит ребенка у старика; показывает судье спрятанный за пазухой (в мешке) камень, и тот, принимая жест за обещание взятки, выносит выгодный для бедняка приговор.

Новопольцев, виртуозно владея традицией, как бы переводит свою сказку в другой план, сознательно и последовательно разрушая ее этический канон. Из всего сюжета он сохраняет лишь первый мотив о причинении вреда лошади, но и здесь вносит свои изменения. Бедный брат не отрывает лошади хвост, как в других сказках, а губит ее. Она умирает сама, без видимой на то причины, причем погибает и другая лошадь.

Эта подробность сближает нашу сказку с вариантом из сборника А.Н. Афанасьева³⁶. В нем говорится о том, что убогий, засеяв и заборонав поле на быках брата, по дороге домой встречает старца, который наделен способностью карать смертью за грехи, будь то смерть быков

³⁵ Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. Самара, 1993. Вып. II. С. 30—33.

³⁶ Афанасьев 1953. III. № 19.

или людей. И если в белорусских или украинских вариантах чудесный старик или смерть наказывают за работу в воскресный день, то в русской сказке это только подразумевается. Старец мотивирует свое наказание тем, что «твой брат богат, да немилостив». Он предлагает выбрать одно из двух: или сын у брата помрет, или быки сдохнут. Бедняк выбирает последнее, и брат ведет его на суд, чтобы возместить убытки.

В варианте Новопольцева нет никакого волшебного старца и судьи Шемяки, а есть Господь, который появляется в сказке в образе мальчика. Герои предстают перед Божьим судом, и каждый получает по заслугам. Видимо, это Господь губит обеих лошадей, проверяя реакцию старшего брата на эти события. Уверившись в его правильной оценке происходящего — всё происходит по воле Божьей («Бог мне дал, Бог и взял!»), он не только не трогает третью по счету лошадь, но сам помогает его бедному брату собрать подаяния для голодающих детей.

Новопольцев в одном повествовании соединяет чрезвычайно разнородные на первый взгляд темы: сказочный сюжет «Шемякин суд» и сюжет о наказании злых людей и поощрении тех, кто отзывчив, трудолюбив и кроток из легенд апокрифического содержания. Однако сказка сложена настолько умело и талантливо, что эта контаминация кажется нам органичной и убедительной. Объединение двух сюжетов воедино внутренне оправданно, подчинено задаче более полного раскрытия образа положительного героя. Торжество добра, правды и справедливости в конце сказки особенно эффектно и вызывает чувство удовлетворения у аудитории. Эта контаминация является, очевидно, результатом индивидуального творчества Новопольцева, так как подобное сочетание сюжетов у других сказочников не встречается. Он неожиданно, по-своему убедительно трактует сказочные образы бедного и богатого брата.

Индивидуальность сказочника чаще всего обнаруживается в стилистике подбором таких оборотов и художественных формул, какие более всего соответствуют его личной склонности и вкусу. Эпический стиль Новопольцева — скупой, но энергичный из-за обилия глаголов. Например, у него есть предложения, состоящие из одних глаголов («Приходит, говорит, плачет»). Такой стиль предоставляет широкие возможности для выражения психологического содержания, словесный текст при этом начинает наполняться особым психологическим смыслом.

Обычно герой бытовой сказки типизируется в основных чертах характера без углубления психологической трактовки, чего не скажешь об образах, созданных Новопольцевым. Он показывает героя — бедного брата — во всей сложности и противоречивости человеческого характера. Действующие лица раскрываются почти исключительно в поступках и столкновениях (через диалог), наиболее типичных для изображаемого лица, позволяющих наиболее полно выявить его качества.

Основными средствами создания образов являются заострение и гиперболизация качества, проявляющегося в поступке, и языковая характеристика. В сказке типизируются при помощи заострения раз-

личные проявления социальной униженности героя. Заострение проявляется здесь и в подчеркнутой повседневности унижений, которым подвергается бедный брат из-за своей бедности.

Дополнительным приемом создания образов является психологическая, портретная характеристика героя; в сказке создается «социальный портрет», необходимый для дальнейшего развития действия. В экспозиции сказки, например, дается социальный портрет бедного брата через описание его семьи: «У богатого детей не было, а у бедного множество и мал мала меньше, и пить-есть нечего...». Здесь с помощью литоты «множество и мал мала меньше» и перифразы «пить-есть нечего» создается удивительно зримый образ бедности и нищеты бедного брата. Далее происходит углубление социального портрета с помощью детали: «Ребятишки плачут неутешно: трое суток не емши сидят...».

Помимо различных средств типизации характеров большую роль играет и языковая характеристика персонажей. Для сказки характерны две наиболее общие особенности языка: разговорная лаконичность и большая эмоциональная окрашенность. Эти ее особенности приобретают важное значение, так как с ними связано изображение психологического состояния героя.

Искусство изображения внутреннего мира (состояния человека, эмоций) находится в тесной связи этого изображения с основной ситуацией, основным конфликтом сказки. Специфика конфликта в сказке состоит в том, что будучи взятым из реальной действительности, он раскрывается в сказке в необычной, фантастической ситуации — бедный брат встречает в пути самого Бога.

Каждый конфликт имеет свою завязку, кульминационный момент и исход, разрешение конфликта. В данной сказке находим: экспозицию, в которой дается краткая описательная характеристика персонажа или социальный портрет, показывающий положение персонажа — его бедность; кульминационный момент, когда дом богатого мужа провалился сквозь землю; исход — заключительную и единственную в своем роде авторскую ремарку «С ним это сам Господь был», в которой сказалась прежде всего ограниченность мировоззрения крестьянства, утопичность социальных мечтаний.

Композиция сказки, оформляющая развитие действия в ней, отличается своими особенностями, проистекающими из условности, фантастичности ее сюжета. Группировку образов сказки можно назвать контрастной (богатый и бедный брат). Второстепенные действующие лица (эпизодические) выступают или на стороне бедного брата (мальчик), или являются его социальными антагонистами (богатый мужик).

В сказке встречаются различные типы расположения эпизодов. Среди них выделяются следующие. Во-первых, повторы эпизодов, связанных обычной системой троичности, характерной для всего фольклора. Например, три раза бедный брат берет у богатого лошадь, три раза просит богатого мужа пустить их переночевать и трижды спрашивает у него кусок хлеба. Во-вторых, для сказки характерна последовательность эпизодов, раскрывающих какую-либо определенную

черту в характере героя. Например, отличительные черты бедного брата — это его незлобивость, кротость и религиозность.

Стиль сказки, стиль разговорной речи, становится одним из средств раскрытия образов. Художественная отточенность языка особенно проявляется в диалогах. Судя по преобладанию в сказках Новополяцева диалогических форм, можно предположить, что Абрам Новополяцев разыгрывал, драматизировал свои сказки. Именно в диалогах дистанция между героем и сказочником исчезает, так как в них он отождествляет себя со своим персонажем. Диалогическое слово в сказке передает всю полноту художественного смысла, включая сюда и психологическое переживание персонажа. Речь героев в сказке сопровождается передачей их душевных устремлений. Это выражается в отборе слов, их порядке.

Речь персонажей обрисовывает не только их характеры, взаимоотношения, но и сословную принадлежность, усиливает социальные характеристики. В речи бедного брата постоянно звучит забитость, униженность перед другими, стыд за свое попрошайничество:

Ох, хозяйюшка, не смею, у него гости.

Ох, брат, куда мне садиться! У меня дети трое суток не емши...

Хозяинушка, пусть Христа ради, ночевать!

Речевая характеристика богатого брата имеет свои особенности. Его речь характеризуется елейностью, слащавостью:

Ох, прости Христа ради! Я про тебя и забыл. Гости любящие, раздвиньтесь вы из переду: я брата вперед посажу, он пообедает.

Речь богатого брата экспликационна, излишне детализирована. Ласковое обращение — лишь маска, которая не мешает ему фактически не замечать нищеты и голода семьи своего брата. Поведение «любящего» брата противопоставляется его действительному отношению. Богатый брат пирует, а бедный — едет собирать милостыню для голодающей семьи.

В немногих эмоционально окрашенных репликах богатого мужика заключается большое содержание: в них выступает его полное, безусловное и бесконтрольное владение ситуацией, его самомнение и тупое чванство. Он не умеет по-человечески разговаривать с людьми, речь его самоуверенна, груба. Особенно характеризуют его оценочные эпитеты, которыми он награждает бедного брата и мальчика: проклятые, окаянные. Он говорит подчеркнуто резко и грубо. В целях усиления выразительности сказочник вкладывает в его уста бранную лексику и стилистически сниженные слова:

Гиньте вы, проклятые нищие!

Взъедьте, окаянные!

Эк вы, проголодались? Поспеете, налопаетесь!

Отрежьте им, псам!

На-те, чтоб вам подавиться, проклятые!

Яркое средство эмоциональной выразительности — многочисленные восклицания, обильно представленные в тексте: это и местоиме-

ния (*весь, всех, все*), и местоименные наречия (*чуть*), и различные междометия (*ох, эх, ах*).

Рифма, обильно уснащающая все тексты Новополяева независимо от их жанра, украшает текст и этой сказки, придавая ей какую-то особую узорность и затейливость:

Да вот по миру пособирать, малых детей покормить...

Перед Богом я согрешил и тебя разорил...

Брат его увидал, слезно его принимал...

Хозяева поужинали и спать легли; ворота замком заперли...

Чаще всего изображение внутреннего состояния героя сводится к определению его эмоциональной реакции на события в тот или иной момент повествования. Так, наиболее часто упоминаются печальные и негативные переживания: унижение, испытываемое героем в разных ситуациях, страх бедняка при виде гибели лошадей, злоба и гнев богатого мужика.

Положительному герою сказки присуще чувство печали и горя в момент затруднений, и в этом случае и сказочник, и слушатели сочувствуют своему герою, сопереживают с ним. Переживания отрицательного персонажа, богатого мужика, в частности его злоба и гнев, вызывают у слушателей негодование. Таким образом, в данной бытовой сказке наблюдается некоторое однообразие в выражении эмоций: горе (плачут неутешно, слезно его принимал, горько плачет и т.д.), страх (боится; я боюсь).

Интересы положительного и отрицательного персонажей прямо противоположны, поэтому также контрастны и их чувства в репликах: у богатого мужика — гнев, злоба, скупость; у бедного брата — смирение, кротость, всепрощение.

Чувства и душевное состояние в большинстве случаев выражены прямым действием, глаголом. Изображение душевного состояния героя, его чувств посредством действия, поступка — это как бы реалистическая струя в сказке, пронизанной фантастикой.

Сказочник использует в своем повествовании такой прием сказочного стиля, как прием эпической ретардации — повторяет один и тот же мотив, с незначительными вариациями, трижды. Причем раз от разу он всё больше усиливает степень воздействия.

Преобладающим числом нашей сказки является три, что может быть объяснено использованием приема утроенной ретардации или его влиянием. Поэтому здесь налицо второй прием сказочного стиля — прием наращивания эффекта: сказочные мотивы располагаются таким образом, что ряд аналогичных мотивов располагаются один за другим, причем последующий мотив — с более усиленным эффектом, по сравнению с предыдущим.

Значение усиления побуждения выступает в предложениях с формой повелительного наклонения:

Возьми меня с собой!

Дедушка, попросись вот тут ночевать.

Поди-ка еще раз сходи!

*А поди-ка в третий раз!
Проси, дедушка, кусочек на полати-то?
Дедушка, проси-ка: я больно есть-то хочу!
Дедушка, впрягай-ка, да айда-ка!
Пойдем!
Бери, печь-то стоит!*

Все эти реплики принадлежат мальчику, и они звучали бы в его устах странно, если бы мы не догадывались, что это не просто ребенок. Ведь он может предугадывать события.

Повторы являются одним из основных средств изобразительности Новополецова. Во-первых, он использует смежный лексический повтор (ехали-ехали), который указывает на постепенное развертывание действия. Встречаются примеры с приставочным глаголом («...то место проехал и поехал дальше»; «...поехали и приехали в другое село»), который продолжается приставочным же глаголом движения совершенного вида со значением результативности действия. Вторая группа глаголов — это слова разнокорневые, но близкие по значению: путем-дорогой; пить-есть. Это двучленные синонимичные формулы, или перифразы, в которых повторение служит исключительно средством усиления.

Усилить впечатление значительности излагаемого можно с помощью усилительного слова «больно» («Я больно есть-то хочу»). Слово «больно» использовано в тексте сказки в значении «очень, весьма, сильно».

Одним из средств, своеобразно изображающих внутренние переживания героев сказки, является повторение. Повторение раскрывает душевные движения действующих лиц. Например, герои сказки при сильных переживаниях часто плачут. Так, в сказке Новополецова сначала ребяташки бедного брата плачут неутешно, так как «трое сутки не емши сидят». Потом богатый брат, увидев бедного после того, как забыл его пригласить на именины, «слезно его принимал». Затем таким же образом описываются переживания бедного брата. В первый раз он, загубив лошадь, возвращается к жене и «горько плачет». Та советует пойти и сказать об этом богатому брату, он идет к нему со слезами. Приходит, говорит, плачет. Берет другую лошадь, уходит. Когда и та умирает, он «горячее того заплакал». Придя к брату он «пал на колени, еще того слезней плачет!». Таким образом, у нас образуются следующие группы словосочетаний, в которых налицо усиление переживаний героя: горько плачет — горячее того заплакал; идет со слезами, плачет — еще того слезней плачет. Частый плач героя не следует относить к его плаксивости. Это гиперболическая передача сильных переживаний. Гиперболизация действий сказочных персонажей, в частности, частого плача героев, показывает степень их горя.

Также в тексте имеются и другие виды повторов, в которых раз от разу показано всё большее усиление переживаний и волнения героя. Это можно проследить на примере двух эпизодов. В первый раз, когда бедный брат с мальчиком просят на постой, его реплики с повторяющейся просьбой раз от разу становятся всё длиннее и эмоциональнее:

- *Хозяюшка, пустите нищих ночевать!*
- *Хозяинушка,пусти Христа ради, ночевать!*
- *Христа ради, призри от темной ночи!*

В последней реплике имя Христа переносится в начало предложения, и появляется совершенно новый, более сильный для воздействия образ темной, а значит страшной ночи. Точно в такой же последовательности даны и ответы хозяина:

- *Гинь от окна!*
- *Гинь от окна![!!]*
- *Гиньте вы, проклятые нищие!*

Здесь показано возрастание раздражения богатого мужика от реплики к реплике.

В следующем эпизоде Новопольцев также использует повторение с усилением в диалоге хозяина богатого дома с бедным братом, когда тот просит у него поесть:

- *Хозяин, подай милостыню, Христа ради, нам на полати!*
- *Хозяин, подай кусок, Христа ради!*

Если первое высказывание более пространно и называет еду в расширенном понимании «милостыней», то вторая просьба изложена короче и заменяет понятие «милостыня» конкретным словом «кусок». Может быть, бедняк надеялся на что-то большее, но, когда его надежды не осуществились, он был рад и куску хлеба.

Ответы хозяина на эти просьбы тоже подаются в прогрессии:

- *Эк, вы проголодались? Поспеете, налопаетесь!*
- *Отрежьте им, псам!*
- Отрезал хозяин кусок хлеба и кинул на полати кидком.*
- *На-те, чтоб вам подавиться, проклятые!*

В этом отрывке Новопольцев убедительным образом показывает, как богатый мужик попирает все догмы христианства. Ибо говорится в священных текстах: «Сын мой! Не отказывай в пропитании нищим и не утомляй ожиданием очей нуждающихся, приклоняй ухо твое к нищему и отвечай ему ласково, с кротостью; не отвращай очей от просящего и не давай человеку повода проклинать тебя; ибо, когда в горести души своей будет проклинать тебя, Сотворивший его услышит моление его»³⁷, «кто ругается над нищим, тот хулит творца его». Тот же смысл заложен и в народной поговорке «Бог видит, кто кого обидит».

Богатый мужик нарушает не только эти заповеди, он показывает неуважение к хлебу (кусок хлеба кинул на полати кидком), в свою очередь дедушка взял этот кусочек и мальчику подал. То есть хлеб подают, ему оказывают уважение. Еще один интересный момент связан с эпизодом, в котором ворота, запертые замком, сами отворяются.

- *Да ворота-ти, сыночек, заперты.*

³⁷ Поэтические гностические апокрифические тексты христианства. Новосибирск, 1994.

— *А небось, дедушка, ворота-ти отпрутятся...*
Вот отперлись они, со двора съехали.

По народным представлениям, в ворота, двери, запертые с молитвой, никто не сможет войти. А если без молитвы, то хоть сто замков навесь, ничего не помешает лихому человеку внутрь забраться. Поэтому, можно предположить, что нечестивый богатый мужик запирает дом на ночь, не помолившись.

Переживание может выявляться и через его внешнее проявление (бедный брат свою речь часто начинает с междометий: *ох* (5 раз), *эх* (2 раза), *ах*); в некоторых репликах сказывается униженность, забитость героя:

Ох, хозяйюшка, не смею...

Одним из распространенных художественных средств характеристики главного персонажа в сказке является обильное использование им уменьшительно-ласкательных суффиксов: *братец, хозяйюшка, хозяйинушка, сыночек* и т.д. Новопольцев скупно пользуется эпитетами, ограничиваясь лишь общими оценочными характеристиками в виде определений — *богатый, бедные, проклятые, окаянные*. Эти средства выполняют чисто художественную функцию, несут эмоциональную нагрузку и отмечают определенную исполнительскую манеру.

Таким образом, следует различать следующие приемы раскрытия внутреннего мира главного героя в сказке:

1) определение переживаний и душевных состояний героя сказки (нищета, голод, страх, испытанный при виде гибели лошадей);

2) передачу их при изображении действий персонажа (частый плач, «пал на колени перед братом»);

3) выражение их в речи персонажей (использование приема ретардации (повтора), в основном троичной; градации — усиления переживаний с каждым последующим повтором и т.д.).

Некоторые исследователи считают, что изображение внутреннего мира человека и интенсивное развитие «психологизма» в сказке разрушают жанр. Однако в социально-бытовой сказке изображение состояния, эмоций персонажей является наряду с другими приемами (заострением, ретардацией, усилением, гиперболой) средством типизации.

С точки зрения изменения бытовой сказки в современности очень важно рассмотреть исходы конфликтов, которые в дореволюционных записях отражали слабость, незрелость и ограниченность крестьянского мировоззрения. Сказка совершенно по-легендарному содержит описание чудес, основанных на чувстве глубокой религиозности человека из народа: печь стоит над провалищем, так как ее удерживают vareжки праведного нищего; таинственное исчезновение мальчика, чудесное появление воза с хлебом в награду за высокие душевные качества. Такой концовкой конфликт сглаживается, она обрамляет сказочное действие.

Последствия произнесенного в сказке слова часто оказываются прямо противоположными тем, какие ожидались бы. Слово «сгинь»

(«гинь») было три раза произнесено богатым мужиком в адрес нищих и три раза было повторено стариком, когда мальчик переспрашивал его о том, что ему ответили. Следовательно, чтобы привлечь внимание слушателей к этому важному по его мнению слову, Новопольцев использует повтор в качестве метода закрепления информации, таким образом слово «гинь» закрепляется в сознании слушателей. Оно (слово) выступает как бы представителем будущего события — не нищие сгнули, а его собственный дом с домочадцами, скотом и строениями провалился сквозь землю или сгинул. Здесь разыгрываются два значения: первое — уйти быстро, второе — сгинуть, провалиться сквозь землю.

Сказочник лишь восстанавливает ту меру справедливости, о которой думает народ, мечтая о справедливом перераспределении богатств и сословных привилегий по уму, личным достоинствам и душевным качествам. Бедный брат получил от Господа целый воз хлеба для своих голодающих детей. Сказка построена по принципу стечения обстоятельств, получивших фантастическую трактовку. Сказочник в конце сказки говорит о божьем суде, такая развязка не характерна для данного сюжета. В сказке сочетаются две разновидности развязок: первая — описание наказания злых персонажей сказки, как возмездие за их деяния (дом богатого мужика проваливается сквозь землю), и вторая — описание благополучия героя (приехал домой и хлеб привез, и детей накормил, а лошадку брату отдал).

Связанная с различными ступенями развития действительности, сказка сохранила определенную этическую типологию: смысл жизни, счастье, благополучие человека, торжество справедливости. Генерализующим началом в сказке являются взгляды Новопольцева как представителя народа на богатство и бедность, добро и зло. В образы своих героев сказочник привносит черты, связанные с собственными жизненными идеалами. Персонажи его сказки (бедный и богатый братья, мальчик) — люди религиозные. Есть все основания говорить об эстетике нравственности в сказке, обусловленной психологией рассказчика и его микросреды. Эстетика нравственности преломляется в сказке определенными структуральными сдвигами. Однако традиция при этом не нарушается. В сказках подобного типа все симпатии сказочника бывают на стороне бедного, а богатый брат, наоборот, рисуется обычно отрицательными чертами. Однако Новопольцев совершенно иначе трактует этот образ. Богатый у него полон сочувствия к своему бедному брату, а когда у того умирают две лошади подряд, дает ему и третью, ни в чем не обвиняя брата. Но образ при этом теряет свою достоверность. К трактовке образа положительного героя Новопольцев подходит также с несколько иных позиций: бедняк у него добывается благополучия не потому, что имеет на него право как представитель определенного класса, а благодаря своим личным положительным качествам и при помощи сверхъестественной силы (Господа).

Все эти особенности сказки свидетельствуют о высоком мастерстве ее создателей, достигающих при минимуме изобразительных приемов большого художественного эффекта в создании образов героев сказки.

Глава 2

РУССКИЕ СКАЗКИ ТИПА «ЕРШ ЕРШОВИЧ» И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Русские сказки о Ерше Ершовиче в сравнении с западноевропейскими вариантами

В 40—60-е годы XIX века стремление к познанию старины было уже в духе эпохи. Это прежде всего относится к представителям так называемой «официальной народности». В 1832 году в «Московском телеграфе» Ф. Ляликов опубликовал русскую старинную сказку, сопроводив ее следующим примечанием: «Эта сказка по содержанию своему в роде Шемякина суда... Сказки и песни, изображая прямо, без всякой прикрасы, народный быт, дают вместе и понятие об его чувствах и уме. Сия сказка, судя по рукописи, должна быть отнесена к XVII-му столетию. Она неполная, но кажется, по уцелевшей части оной можно объяснить для себя содержание всей сказки»¹. В.П. Адрианова-Перетц, однако, убедительно доказывает ошибочность точки зрения издателя относительно времени происхождения сказки: «Форма текста в ней ясно указывает на время не раньше 5 ноября 1723 года, когда указом Петра I было предписано составлять челобитные и донесения по пунктам»². Таким образом, по ее мнению, этот список можно отнести ко второй редакции второй четверти XVIII века.

В 1841 году другой представитель этого направления И.П. Сахаров поместил в своем сборнике «Русские народные сказки» сказку «О Ерше Ершовиче сыне Щетинникове»³. Как мы уже знаем, собрание Сахарова состоит не из подлинных сказок, а из пересказов различных текстов XVIII века, которые он излагает собственным сусальным и подслащенным языком. Текст сказки также подвергся правке со стороны издателя, в частности, его терминология явно была выправлена по Судебнику Грозного. Это дало основание некоторым исследователям отнести повесть о Ерше к XVI веку. В частности, А. Пыпин⁴ ос-

¹ Моск. телеграф. С. 291.

² Очерки. С. 127.

³ Сахаров. С. 154—173.

⁴ Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Сочинение А. Пыпина. СПб.: тип. Импер. Академии наук, 1857. С. 300.

торожно датирует ее XVI—XVII веками, а И.А. Шляпкин⁵ считает, что повесть возникла после Уложения Алексея Михайловича.

В 60-е годы XIX века (1855—1864) А.Н. Афанасьев опубликовал в своем труде «Русские народные сказки» три варианта сказки о Ерше⁶. Два из них были перепечатаны из неизвестных нам рукописей⁷, а третий — из рукописи из собрания Забелина⁸ XVIII века, каждую сказку он снабдил комментариями в духе мифологической школы. Выдающийся русский лингвист А.А. Потебня преимущественное внимание уделял области языкознания, но в ранние годы своей научной деятельности он отдал дань признательности общему увлечению своих современников народными сказками. В 1865 году он опубликовал работу «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий», в которой выдвигает предположение о мифическом происхождении нашей сказки⁹.

Появление афанасьевского сборника вызвало небывалый интерес к сказке и отразилось на научном ее изучении. В 1857 году А.Н. Пыпин опубликовал замечательную книгу «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», в которой утверждал, что «Повесть о Ерше» — «явная сатира на старинное делопроизводство, подобие которого удачно сохраняется в самой сказке и в ее внешней форме... Она вовсе не принадлежит к сказочному эпосу... Это чисто литературная сатира XVI—XVII века, в данной форме возможная только в тогдашнем Русском быте»¹⁰.

В конце века впервые к проблеме международных соответствий обращается А.Н. Веселовский. В главе о повестях в «Истории русской словесности» А.Д. Галахова он замечает: «Повесть о Ерше ближе по замыслу к животным поэмам Западной Европы, чем к доморощенной звериной сказке: последняя не дала ей ни одного мотива, с первыми у нее общая сатирическая цель, внушенная там и здесь определенным отношением к явлениям общественной жизни»¹¹. Кроме того, А.Н. Веселовский указывает на типологическое сходство «Повести о Ерше Ершовиче» с византийской повестью о суде над виноградной лозой¹². Однако вряд ли верно его утверждение, что животная сказка не дала повести ни одного мотива. Осетр в повести жалуется на то, что Ерш заманил его в сеть, а сам выскользнул из нее. Этот сюжет — «Рыбы в верше» (АТ 253) — известен восточным славянам, хотя только в ук-

⁵ Шляпкин И. Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове // Журнал министерства народного просвещения (СПб.). 1904, август. С. 394.

⁶ Афанасьев 1957. № 77—81.

⁷ Афанасьев 1957. С. 111—112; 115—119.

⁸ Там же. С. 120—123.

⁹ О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Сочинения А.А. Потебни. М., 1865. С. 214 (см. Афанасьев 1957. № 81).

¹⁰ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 300.

¹¹ См.: Галахов А.Д. История русской словесности. М., 1894. Т. 1. С. 508—511.

¹² Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М.: Наука, 1969. С. 410.

раинском материале¹³, а Аарне в своем указателе сказочных сюжетов ссылается на финскую сказку этого типа¹⁴.

«Индианизм» к изучению сказок о животных был применен Л.З. Колмачевским в его капитальном труде «Животный эпос на Западе и у славян» (1882 г.). В качестве одного из выводов своего обзора он формулирует тезис: «Животный эпос вообще своим происхождением обязан Востоку, именно Индии»¹⁵. Однако по поводу «Повести о Ерше» он придерживается точки зрения А.Н. Веселовского о большей ее «близости по замыслу к животным поэмам Западной Европы, чем к доморощенной звериной сказке».

Еще одно издание «Повести о Ерше» предпринял в 1903 году В.И. Срезневский¹⁶ — романтик и энтузиаст народной литературы, первый понявший народность песни и сказки. Текст был позаимствован им из Автономного сборника XVIII века.

И.А. Шляпкин первый посвятил «Повести о Ерше» специальную статью¹⁷. Он приходит к следующим выводам:

1. Византийская притча о рыбьем суде (XVI века) имеет лишь общее формальное сходство с русскими сказаниями о Ерше Ершовиче и ближайшей зависимости их друг от друга не существует.

2. Все тексты повести можно разбить на две группы (редакции) — «судное дело» и «сказание о тяжбе». (В.П. Адрианова-Перетц считает ошибочным второй пункт, так как так называемое «судное дело» дает три совершенно различных стилистических и композиционно редакций, причем к одной из них примыкает «сказание о тяжбе»).

3. Сюжет повести связан с теми тяжбами, которые возникли после смуты, когда права на владение являлись наиболее спорными ввиду потери старых памятей и когда процветали разбои.

4. В основе повести лежат наблюдения над жизнью рыб, произведенные где-то на северо-востоке России, в области Кубенского и Ростовского озер.

Мнение Ф.И. Буслаева, что автор повести помнил «о тяжбе за Ростовское озеро князей Ростовских с потомками Петра Ордынского», разделялось и некоторыми позднейшими исследователями. Другую параллель к этой повести приводит Ф. Сушицкий, опубликовавший в 1913 году в «Филологических записках» статью «Повесть о Ерше и челобитная царю Петру Алексеевичу»¹⁸. В челобитной — послании некоего чернеца царю — он видит довольно реальные бытовые черты московской волокиты XVII века, отразившиеся в повести о Ерше.

¹³ Гнатюк. № 365.

¹⁴ Аарне. С. 42, № 253.

¹⁵ Колмачевский Л.З. Животный эпос на Западе и у славян. Казань, 1882. С. 54.

¹⁶ Срезневский. С. 103—106.

¹⁷ Шляпкин И. Указ. соч. С. 380—399.

¹⁸ Сушицкий Ф. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и Челобитная царю Петру Алексеевичу // Филологические записки. Воронеж: изд. наследн. А.А. Хованского, 1913. Вып. IV. С. 534—545.

Также в XIX веке были предприняты лубочные издания повести о Ерше в сборниках И.М. Снегирева (1861)¹⁹ и Д.А. Ровинского (1881)²⁰. Как собрание материалов их труды имеют большое значение. Признавая сатирический характер повести, Снегирев считал ее «образом древнего судопроизводства на Руси и соблюдения обычаев и формул». Ровинский же, называя повесть «забавной пародией на древнее производство», уже подчеркивает направленность ее против взяточничества судей. Снегирев поставил вопрос об отражении в повести определенных исторических фактов. В частности, он утверждал, что она берет начало «в политических отношениях Ростова к Москве, которая некогда скупала его по частям».

Эти любопытные замечания не давали, конечно, объяснений по вопросу о генезисе сказки-повести о Ерше, как самобытном русском произведении. Этот пробел был восполнен лишь в XX веке.

В 1929 году Н.П. Андреев²¹ в «Указателе сказочных сюжетов» по системе финского ученого Аарне впервые привел перечень сказок о ерше. Он указывает на 10 вариантов: 5 — в «Народных русских сказках» А.Н. Афанасьева²², 1 — в «Северных сказках» Н.Е. Ончукова²³ и 4 — в «Сборнике великорусских сказок архива Русского географического общества», изданном А.М. Смирновым²⁴. Составление такого указателя русского сказочного эпоса имело для отечественной науки о сказке огромное значение.

Большое значение для выяснения вопросов, касающихся происхождения повести о Ерше и ее истории в читательской среде, имеют работы В.П. Адриановой-Перетц²⁵. Конкретность и точность ее исследований проявилась в том, что она распределила списки «Повести о Ерше» по четырем редакциям, дала к ним историко-литературный, реальный и текстологический комментарий. Также В.П. Адрианова-Перетц установила полный репертуар судебных формул, использованных в «Повести о Ерше». Относительно происхождения повести она считает, что «судебные порядки Русского государства, земельные тяжбы XVII века подсказали содержание “Повести о Ерше”, которая из рукописи перешла в лубочные издания и, наконец, в фольклорную среду»²⁶. И.П. Лапицкий в своем предисловии к «Русским повестям XVII века» тоже обращает внимание прежде всего на идейную направленность повести: «Это смелая и остроумная, социально насыщенная и политически острая народная сатира на захватчиков-крепостников

¹⁹ Снегирев. С. 59—56.

²⁰ Ровинский. С. 402—405.

²¹ Андреев. № 254.

²² Афанасьев 1861. № 41 а—d.

²³ Ончуков. № 1.

²⁴ Смирнов. № 29, 107, 223, 291.

²⁵ Очерки. С. 124—147; Рус. демокр. сатира. С. 143—147, 168—174; История русской литературы / Под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. Т. 2, ч. 2. С. 187—196.

²⁶ История русской литературы... С. 193.

XVII века. Неизвестный русский писатель правдиво описал, как помещики из боярских детей “насильством” захватывали у крестьян уголья, разоряли и обманом кабелили самих крестьян. В повести отразилось стихийное возмущение закрепощаемого крестьянства в то трудное для него время, когда Уложение 1649 года утвердило право помещика на труд и личность крестьянина»²⁷.

На связь повести с народными сказками обращали внимание Л.Т. Романова²⁸ и В.В. Митрофанова. В.В. Митрофанова, исследовавшая народные сказки о Ерше, пришла к выводу, что все они находятся в зависимости от литературной повести, хотя и восходят к разным редакциям: «Несомненно одно — сказка о Ерше утвердилась в устной традиции не путем однократного знакомства какого-то исполнителя с рукописной “Повестью” и дальнейшего устного распространения этого пересказа, не благодаря обращению разных сказителей к одному рукописному или печатному источнику, а путем многократных встреч сказителей с рукописными текстами разных редакций»²⁹. Она же проводит сравнительный анализ сказки и повести о Ерше, пытается усмотреть в них сходные мотивы и приходит к выводу, что таковых практически не существует. Однако это не так, у сказки и повести можно усмотреть не менее 9 общих мотивов (об этом см. дальше).

На язык и стиль повести и сказок о Ерше исследователи обращали мало внимания. Например, в работах В.П. Адриановой-Перетц есть упоминание о сочетании в повести формул официального языка, с одной стороны, и резко реалистических приемов, наполняющих изложение материалом просторечия посада — с другой³⁰. О.И. Федотов в своей работе «Фольклорные и литературные корни русского стиха» в качестве примера приводит отрывок из «Повести о Ерше», усматривая в нем язык пословичного типа³¹.

В XX веке фольклористы значительное внимание уделяли и художественной специфике русского народного поэтического творчества. В своих работах они ставили вопрос о своеобразии жанров, композиции, выразительных средств языка и стиха фольклора. Из работ, посвященных поэтике сказки, можно назвать исследование И.И. Крука «Восточнославянские сказки о животных: образы, композиция»³², в которой он впервые дает полный анализ поэтики сказок о животных восточных славян, обращая внимание прежде всего на их образную

²⁷ Рус. повести. С. 428. (Предисловие).

²⁸ Романова Л.Т. Сюжет о Ерше Ершовиче в устном народном творчестве // Славянский филологический сборник. Уфа: БГУ, 1962. С. 409—420.

²⁹ Митрофанова В.В. Народные сказки о Ерше и рукописная повесть о Ерше Ершовиче // Русский фольклор. Т. XIII. Русская народная проза. М., Л.: Изд. АН СССР, 1972. С. 175.

³⁰ Очерки. С. 147.

³¹ Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. Владимир, 1981. С. 98—99.

³² Крук И. Восточнославянские сказки о животных. Образы композиция. Минск: Наука и техника, 1989.

систему и композиционное построение. В.П. Аникин в монографическом исследовании «Русская народная сказка»³³ также касается вопросов поэтики и стиля сказок. Кроме того, в своей статье «Искусство психологического изображения в сказках о животных»³⁴ он детально анализирует художественно-образительные средства, используемые сказочниками при создании психологической характеристики образов животных. Имеется достаточное количество вузовских учебников по устному народному творчеству, авторы которых в какой-то степени затрагивают и вопросы как сказочной поэтики вообще, так и поэтики сказок о животных. Это учебники Н.И. Кравцова, С.Г. Лазутина; Т.В. Зуевой, Б.П. Кирдана и др.³⁵ Ю.М. Соколов в работе «Русский фольклор» уделяет внимание творчеству отдельных сказочников и роли личного мастерства сказителей в создании сказки³⁶. Э.В. Померанцева в исследовании «Русская народная сказка» освещает и образную систему сказок о животных, и их композицию³⁷. К сожалению, в последние годы на поэтику сказок о животных не обращалось должного внимания, а многие из работ, в которых рассматривается художественная сторона фольклора, в основном были посвящены решению других научных задач.

Актуальность исследования поэтики сказок состоит в том, что до сих пор нет работ, в которых был бы дан всесторонний анализ определенного фольклорного сюжета как художественного целого, была бы глубоко раскрыта его идейно-эстетическая ценность. Эти работы подготовили бы возможность постановки вопроса о том, как, при помощи каких средств создается художественное единство сказки и какую идейно-эстетическую ценность оно имеет; в создании же единства и цельности сказки, в умении достичь их проявляется высокое поэтическое искусство народных мастеров устного слова — сказочников.

История изучения этой сказки берет начало еще в XIX веке. Такие признанные исследователи и знатоки фольклора, как И.П. Сахаров, А.Н. Афанасьев, А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, Л.З. Колмачевский, В.И. Срезневский в своих трудах рассматривали разные аспекты истории этого сюжета. Одним из главных вопросов, интересовавших их, был вопрос о происхождении сказки о Ерше Ершовиче. Некоторые относили ее появление к XVII столетию, а другие — к XVIII (последних было большинство). Также исследователи поставили вопрос о связи сказок о Ерше с повестью XVIII века «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове». Ряд ученых относит эту сказку к русским сказ-

³³ Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1977.

³⁴ Аникин В.П. Искусство психологического изображения в сказках о животных // Фольклор как искусство слова / Под ред. Н.И. Кравцова. М., 1969. С. 36—56.

³⁵ Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. М., 1983. С. 105—111.

³⁶ Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1938.

³⁷ Померанцева Э.В. Русская народная сказка. М., 1963. С. 73—86.

кам литературного происхождения XVII века³⁸. И сказки, и «Повесть о Ерше Ершовиче» представляют собой острою сатиру на тогдашнее московское судопроизводство. Сказочный стиль в повести уловлен и передан настолько хорошо и ярко, что произведение это вошло в фольклорный обиход, фольклоризировалось и превратилось в сказки³⁹. Здесь совершается как бы круговорот: выросшее на фольклорной базе произведение вновь вернулось в фольклор.

Большая часть трудов, посвященных истории этого сказочного сюжета, рассматривает его в связи с древнерусской повестью XVII века о Ерше Ершовиче. Поэтому и работы исследователей касаются прежде всего стиля и языка повести. На поэтику сказок о Ерше не обращалось должного внимания. Рассмотрение поэтики сказок о Ерше в работах ученых часто подчинено решению других вопросов. Существуют разрозненные реплики, примеры, высказывания разных исследователей о языке и стиле сказок и повести о Ерше Ершовиче.

Наиболее полно к изучению языка повести сказки о Ерше подошел О.И. Федотов. В работе «Фольклорные и литературные корни русского стиха» он подвергает разбору и «Повесть о Ерше Ершовиче»⁴⁰. Он находит в ней рифмы пословичного типа, или рифмованный раешник, анализирует ряд рифмованных формул и повторов, найденных им в тексте повести. На связь с пословицами указывает и В.П. Адрианова-Перетц, которая в ряде работ не только выявляет в повести корни народной формы стиха сказочно-прибауточного склада, но и усматривает в ней черты скоморошьяго языка сказок-небылиц⁴¹.

Черты скоморошьяго ясака (раешника) также находят в повести Е.А. Костюхин, утверждающий, что комизм повествования создается исключительно лексическими средствами (раешным стихом)⁴², В.В. Митрофанова допускающая существование сказки о Ерше скоморошьяго типа⁴³, а также Н.М. Ведерникова, которая в связи с характеристикой ерша признает, что прибауточная концовка повести выдержана в духе балагурной речи⁴⁴.

Прибауточная концовка повести всегда вызывала неоднозначные реакции ученых. Например, В.А. Бахтина считает, что фантастическая ситуация рыбьего суда снижается до уровня словесной белиберды. Сюжет сказки растворяется в словесной игре, редуцирующейся до одной-двух фраз, и от повествования остается лишь прибауточная концовка, игра именами⁴⁵. В.П. Адрианова-Перетц также утверждает, что

³⁸ *Пропт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М., 1999. С. 63.

³⁹ *Пропт В.Я.* Русская сказка. М., 2000. С. 333.

⁴⁰ *Федотов О.И.* Указ. соч. С. 98—101.

⁴¹ Демокр. поэзия. С. 7.

⁴² *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 115.

⁴³ *Митрофанова В.В.* Указ. соч. С. 175.

⁴⁴ *Ведерникова Н.М.* Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. С. 80.

⁴⁵ *Бахтина В.А.* Эстетическая функция сказочной фантастики. Наблюдения над русскими сказками о животных. Саратов, 1972. С. 36.

повесть-сказка построена на игре рифмами и созвучиями к собственным именам⁴⁶. Д.С. Лихачев⁴⁷ доказывает, что звуковые соответствия в повести-сказке нельзя признать рифмами и дает им новое определение — «недослышки». Однако он же признаёт, что построена повесть на основе раешного стиха.

Таким образом, исследователи констатируют лишь сам факт наличия в повести и сказке раешного или скоморошьего языка, не рассматривая процесс его возникновения, текстологию, индивидуальное творчество сказителя, установление художественных средств и приемов создания образов, особенности композиции, сходства и различий разных вариантов этого сюжета. Попытка решить какие-то из перечисленных проблем и стала задачей нашей работы.

На стыке фольклора и литературы постепенно меняются идеи, структурные образования (композиция), образность, стиль (язык, речевое выражение), меняется прагматика произведений и их роль в трансляции духовных ценностей. При изучении всех указанных процессов следует принять во внимание разные уровни исследования проблемы взаимосвязи «Повести о Ерше» и сказок. Они могут охватить «нижний» ряд наблюдений, которые касаются сюжета, традиционного речевого стиля, языка и постепенно подниматься к анализу традиционной образности, композиции, общих идей, жанровых свойств повести и сказок.

Таким представляется в общем виде состав и характер исследования, посвященного изучению сказок и повести о Ерше. В этом видятся перспективы его дальнейшего глубокого изучения.

* * *

В международном указателе сказочных сюжетов Аарне⁴⁸ наша сказка зафиксирована под номером АТ 254**. Однако Аарне указывает и на другой сюжетный тип (АТ 253), связанный с повестью и сказками о Ерше Ершовиче. Он имеет название «Рыбы в верше». Суть его в следующем: маленькая рыбка проскальзывает через ячейки сети, а большие остаются в ловушке. Аарне ссылается на существование четырех вариантов финских сказок на этот сюжет. Очень близка к этому сюжету басня, восходящая к стихотворным басням Бабрия (II в. н. э.)⁴⁹. В византийскую эпоху эти басни были переложены прозой, утратили имя Бабрия, ходили отдельными сборниками и нередко включались в состав эзоповских коллекций. Басня имеет название «Рыбак и рыбы». Суть ее в следующем: «...легко спастись тому, кто небогат; а кто важен и на виду, тот редко, как мы убеждаемся, избегает опасностей. Рыбак

⁴⁶ Демокр. поэзия. С. 7.

⁴⁷ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Изд. АН СССР, 1976. 54—55.

⁴⁸ Аарне. С. 42.

⁴⁹ Басни Эзопа / Пер., ст., и комм. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968. № 284.

вытянул из моря невод с добычей. Всю крупную рыбу он забрал и вывалил на землю. А мелкая рыба сквозь ячейки сети успела легко ускользнуть в море».

Как мы видим, в басне совсем нет мотива коварства, широко представленного в сюжетном типе АТ 254**. Ерш вероломно заманивает осетра в вершу. Сам ускользает, а осетра вытягивают на сушу рыбаки.

Другую *западную* параллель к нашей «Повести о Ерше» приводит в своей статье «Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове» И. Шляпкин⁵⁰. Это перевод с греческого византийского Описаролога — притчи о рыбьем суде, обнаруженной в единственном списке (XV—XVI век) эскуриальской библиотеки. Шляпкин, в свою очередь, позаимствовал греческий текст из исследования известного в те времена ученого Крумберха⁵¹.

Притча имеет название «Слово о рыбах» и начинается с перечисления членов рыбьего суда: «В царствование всеславнейшего Кита при знаменитом боярине Белуге в сопредседательстве сокольничего (великого domestика) Тона (тунца), при воеводе (протостаторе) Мечрыбе, кравчем Головле, при казначее Камбале, при... Окуне, при дьяке (логофете) Соме, при спальнике Палтусе и градоначальнике Устрице, пришли Зубатка и Судак и били челом государю...». Такое начало напоминает нашу «Повесть о Ерше»: «...в большом озере Ростовском соежались судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских пределов, судные мужики Судак да Шука-трепетуха...»⁵². Подобное перечисление должностных лиц вполне типично и для концовок «Повести»: «А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынского моря да сом з большим усом, да Шука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язь брат, а палач бил Ерша кнотом за ево вину...»⁵³.

Далее в византийской притче говорится о том, что Зубатка и Судак донесли царю о том, что безжирный Чирос с косматым Бешенкой-селедкой что-то замыслили против государя. Государь же Кит, выслушав, сказал Зубатке: ложь говоришь ты моему величеству. Тогда выступил свидетель Кир-Ракушка в черной одежде и молвил: «Свидетельствуюсь братом моим черной-Сепией и племянником Гребешком и зятем моим Раком, истину сказали твоему величеству Зубатка и Судак». Кит приказывает своим подчиненным (опять идет подробное их перечисление с указанием должностных обязанностей) рассудить их и

⁵⁰ Шляпкин И. Указ. соч. С. 380—381.

⁵¹ Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1903. Hefte III. S. 345—380.

⁵² Рус. демокр. сатира. С. 7.

⁵³ Рус. демокр. сатира. С. 10.

разыскать правду. Привели Чироса толчками и батогами. «И вышли на середину Бешенка и Треска и сказали по истине, что Чирос подстрекал их и солгал против государя. Услышав это, царь-Кит весьма разгневался, приказал принести ножницы и отрезал Чиросу бороду. И, рыдая, воскликнул Чирос: “Анафема тебе, Зубатка, и твоему роду”. И, подняв бороду, вышел и показал ее своему брату. И тогда тот горько и отчаянно заплакал, говоря: “Ох, увы, что случилось с моим братом Чиросом!”. А царь проклял Чироса и сказал: “Ты останешься во рту бедняков, о Чир, и цена тебе будет грош, и ты не ускользнешь от пинков, и растирания ногами, и от зловония, о Чире, Чире!”. И тотчас все рыбы закричали: “Многие лета, государь”»⁵⁴.

Гестер в своей книге «*Greeko-Slavonic Leister Lecture on Greeko-Slavonic Literature*» (London, 1837) предположил, что русская повесть о ерше была позаимствована с греческого или оба опираются на восточный оригинал.

Сравнивая этот рассказ с «Повестью о ерше», мы подобного утверждать не можем, так как отыскивать восточную параллель к византийскому оригиналу — дело очень ненадежное, а генезис русской сказки из Опсаролога кажется сомнительным. Вся притча представляет собой ответ на вопрос, почему у рыбы макрели нет бороды: борода отрезана по приговору рыбьего суда самим царем-китом за умыслы чироса против государя, и кроме того, чиросу присуждено быть навсегда дешевой рыбой, пищей для простого класса.

Концовка притчи напомнила А.Н. Веселовскому отрывок из византийского прозаического «Плодослова»⁵⁵ — народного произведения, построенного на мотивах персонификации мира растений. И здесь сатирическое иносказание выражено очень ярко. В центре действия — ложный донос, и притом политического свойства. С ним выступает перед престолом государя Айвы некая Винная лоза; ее поддерживают лжесвидетели — игуменья Маслина, монашка Изюм, экономисса Чечевица и др. Донос направлен против высокопоставленного чиновника Перца и проч. Истина всё же торжествует. Хотя в приведенном отрывке «Плодослова» в основном трактуется общечеловеческая тема пьянства, суть этого сочинения — в высмеивании двора и чиновничества, пышных титулов и страшных доносов. Приведем в пример наиболее яркий отрывок из «Плодослова», нашедшего отзвук в нашей повести: «Я проклиная тебя, да възрыдаешь, и постановляю на вечные времена: на кривой хворостине будешь ты висеть, ножи будут тебя резать и мужчины топтать, и кровь твою будут они пить, и от того захмелеют, и не будут ведати, что они делают; и будут они болтать несвязные словесса, всяческую несуразицу, словно бы твоя кровь навела на них порчу, Лоза, и будут они шататься, опираясь о стены, от одного хлева до другого; и валяться будут они, как осел валяется по траве... На улицах будут они дрыхнуть, в

⁵⁴ Шляпкин И. Указ. соч. С. 382.

⁵⁵ Памятники византийской литературы. С. 410.

грязи гваздаться, свиньи будут их обнюхивать и кошки облизывать, и куры будут их клевать, они же и не почуют по причине крови твоей, о лживая Лоза!». Сравним этот отрывок с примерами из повести: «И велели казнить ерша торговою казнию — бити кнутом и после кнута повесить в жаркие дни против солнца за его воровство и ябедничество»⁵⁶; «Знают ево на Москве на земском дворе... Ярышки кабацки, у которого случитца одна денга, и на ту денгу купит ерышев много, половину съедят, а другую расплюют и собакам розмечют»⁵⁷. В обоих отрывках и византийском Опсарологе злоумышленник приговорен к заслуженной каре. Генезис русской повести из византийского «Приговора над Винной лозой» кажется сомнительным, хотя можно отметить, конечно, в них общие черты. «Повесть» — это продукт русской природы и русской жизни.

Таким образом, западноевропейских параллелей к «Повести о Ерше» очень мало.

* * *

В *восточнославянском* сказочном репертуаре (имеются в виду печатные издания и доступные нам архивы) сюжетный тип АТ 254** зафиксирован 24 русскими и 1 украинским вариантами.

Сюжетную схему сказочного типа «Ерш Ершович» можно представить следующим образом:

I. «История суда над Ершом».

1. Присказка.

2. Описание Ерша:

— просьба ерша пустить переночевать;

— обиды, причиняемые рыбам-старожилам расплодившимися ершами.

3. Совет рыб.

4. Посылка понятых за ершом, а потом за свидетелями.

5. Судебное разбирательство:

— предъявление обвинения;

— ответ ерша, его отговорки (пожар на озере);

— вызов свидетелей;

— решение суда.

II. Рифмованная повестушка (небольшое повествование, структурно связанное с основным сюжетом):

— ловля ерша;

— приготовление и съедание ерша.

Все эти мотивы так или иначе представлены в наших сказках.

Повторяемость пронизывает фольклор на самых различных уровнях. Так, А.Н. Веселовский⁵⁸ искал исходные, неделимые первоэлементы фольклора, способные отражать лишь одну какую-то грань

⁵⁶ Афанасьев 1957. № 80.

⁵⁷ Рус. демокр. сатира. С. 10.

⁵⁸ Крук И. Указ. соч. С. 81.

человеческой деятельности. В качестве этого первоэлемента ученый назвал мотив. В последнее время наметилась тенденция разрушения строгих канонов композиционного построения. Это влечет за собой сокращение сюжетного повествования, образование симбиоза неразвитых мотивов. В какой-то степени эти изменения затрагивают и сказки о Ерше.

Нашей целью будет не просто пересказать различные сюжетные линии сказки, как например, это сделано в статье В.В. Митрофановой⁵⁹ или в указателе Аарне, в котором содержание сюжетов передается в произвольной последовательности. Нам нужен не приблизительный пересказ, а научное определение сюжета или типа в результате анализа. Для этого понадобится выделение конструктивных элементов. Прежде всего формулируется *экспозиция*, то есть начало, от которого начинается действие: это формульное описание, вводящее слушателей в вымышленный мир — присказки или зачина. «Зачин, — по мнению Э.В. Померанцевой, — призван оторвать слушателей от обыденной обстановки, приобщить его к особой ирреальной атмосфере сказки...»⁶⁰. Это уже другой мир, другое время, проводником в который служат зачины следующего вида: «В некотором царстве, в некотором государстве, король на королевстве, на ровном месте, как на бороне, выехал ершишка в липовых санишках...»⁶¹; «В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель в тридесятом царстве уряжен был суд...»⁶². Такие зачины характерны преимущественно для волшебных сказок. Они фантастичны по характеру, но лишены всякой временной и пространственной локализации. Конечно, в наших случаях, в отличие от волшебных сказок, вслед за синтагмой фантастического содержания сразу происходит ее мгновенная нейтрализация и сказка «заземляется»⁶³ бытовыми реалиями.

Более широко представлена в зачинах сказок о Ерше формализованная синтагма «жили—были», употребляемая отдельно или почти слитно (через дефис) в прошедшем времени. Эта стилистическая фигура в каждом конкретном варианте усложняется путем наращивания информативной части: «Жил-был ершишка в барском домишке — брюханишка, ябедничишка...»; «Живало бывало летно время жарко»; «Жил Ершишка в новом городишке...»⁶⁴. Временная локализация сказочных зачинов выступает здесь в отвлеченно-бытовом плане и обращена к прошедшему времени. Отвлеченно-бытовой план выражается также многочисленными другими глаголами, характеризующими движение: «Пошло ершищо...»⁶⁵; «Вот пришла записка»⁶⁶. В одном случае

⁵⁹ Митрофанова В.В. Указ. соч. С. 166—178.

⁶⁰ Померанцева Э.В. Русская народная... С. 67.

⁶¹ Рус. сатир. сказка. С. 131.

⁶² Сахаров. С. 154.

⁶³ Крук И. Указ. соч. С. 139.

⁶⁴ Афанасьев 1957. С. 113; Озаровская. С. 213; Яросл. фольклор. С. 47.

⁶⁵ Ончуков. С. 2.

⁶⁶ Бахтин—Ширяева. С. 76.

в зачине слышны отчетливые реликты древности: «В прежние годы, в досельные времена был Ерш, как мясное бычище...»⁶⁷.

Иногда зачин содержит элементы хронологической локализации сюжетного действия: «1729 года, месяца сентября, 16 числа зародился ершишко-плутишко...»⁶⁸. Также в некоторых сказках в зачине указываются черты характера героя: «Ершишка-плутишка, худа голова, слюноватый нос, хореватый хвост»; «Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубишко, склался на дровишки...»⁶⁹.

В сказках, где зачин отсутствует, его роль в какой-то степени выполняет первая фраза: «Лето было жаркое...»; «Вот было большое озеро...»; «Узнал ереш, что в море щука близко плавает...»⁷⁰. И, наконец, в некоторых случаях варианты осложнены хорошо рифмованными присказками шуточного характера: «Слушайте-послушайте, стольники-полковники, про рыбное судьбище, про ершово побоище...»; «Благослови, мати, ерша читати...»⁷¹.

Вообще зачины и другие формулы с давних времен имели магическую функцию. М.К. Азадовский об этом пишет следующее: «У разных народностей существует обычай рассказывать сказки только в определенное время. Чтобы избежать наказания духов за нарушение табу, рассказчик обязан был не произносить традиционные инициально-финальные формулы, без которых сказки якобы не являлись таковыми»⁷².

Сразу вслед за экспозицией идет в сказках мотив, который можно назвать «*Описание ерша*». Характеристика ершу дается в основном с помощью эпитетов и сравнений. А.Н. Веселовский в своей работе «Из истории эпитета» писал: «История эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании...»⁷³. Все эпитеты, характеризующие ерша, можно классифицировать следующим образом. Во-первых, это эпитеты, рисующие внешний облик ерша: *ершишка-брюханишка, костистая рожа, худая головишко, слюноватый нос, хореватый хвост, шиловатый хвост, киловатая брюшина*...⁷⁴. Эти эпитеты создают довольно реалистический образ ерша, который принадлежит к разряду колючеперых. Другая группа эпитетов характеризует поведение ерша: *ершишка-ябедничка, щетник-блудник, ершишка-плутишка, кропачишко, пагубишко, лихая образина*⁷⁵ и т.д. С помощью этих эпитетов создается

⁶⁷ Сев. Двина. С. 104.

⁶⁸ Яросл. фольклор. С. 39.

⁶⁹ Карелия. Альманах. С. 114; Яросл. фольклор. С. 35.

⁷⁰ Рождественская 1952. С. 52; Прибалтика. С. 229; Там же. С. 236.

⁷¹ Гура. С. 217, 218.

⁷² Азадовский М.К. Верхнеленские сказки. Л., 1928. С. 15.

⁷³ Веселовский А.Н. Из истории эпитета // Веселовский А.Н. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1913. С. 58.

⁷⁴ Афанасьев 1957. С. 113; Гура. С. 217; Яросл. фольклор. С. 39; Карелия. Альманах. С. 114; Яросл. фольклор. С. 39.

⁷⁵ Афанасьев 1957. С. 113; Гура. С. 217; Карелия. Альманах. С. 114; Яросл. фольклор. С. 39.

образ задорного человека, который сердится, топорщится, ершится. Причиной возникновения подобных представлений могло явиться, по мнению И. Шляпкина, простое наблюдение симбиоза⁷⁶: ерши водятся (по Брему) преимущественно в озерах и питаются между прочим и мелкой рыбой. При совместной жизни ерша с другой мелкой рыбой наблюдаются постоянные нападения ерша на других рыб, у которых оказываются обломанными плавники. Известно далее, что ерш выходит на сильный шум, отсюда понятно, почему он «забияка». Далее, рыболовам известно, сколько хлопот доставляет ерш, если ловить его на удочку; колючими плавниками можно пораниться при доставании крючка. Всё это привело к образованию похожих понятий: стоять ершом (ежом), ершиться, стричь волосы ершом, ерошить волосы, и, с другой стороны, отсюда же название ершом гвоздя с зубриной, круглой щетки.

Сравнение мы обнаруживаем только в варианте из сборника «Ярославский фольклор»⁷⁷: «На роже кожа, как еловая кора». Здесь применяется сравнение, подчеркивающее сходство, основанное на осязании и связанное с ощущением материала. Как шершава на ощупь кора, так шершава и кожа реального ерша.

Далее описывается какое-либо событие, из-за которого ерш вынужден покинуть свое старое жилище. Иногда говорится, что «...в озерке было жарко. Озеро высохло»⁷⁸; иногда — что там был пожар: «Вот пришла зимишка, случилась бедашка, загорелось Зарецкое озерышко»⁷⁹. В сказке из Северной Двины ерш жил в Ростовском озере, хламоватом да ломоватом, да не понравилось ему в этом озере⁸⁰. В варианте из сборника А.Н. Афанасьева⁸¹ ершу просто «проскудалось, прибеднялось...»; в «Ярославском фольклоре» то же самое: «Прижилось, прискудалось ершишку-плутишку в своем славном Кубинском озерышке...»⁸². После этого ерш собирается покинуть свое жилище и идти искать лучшее место.

При описании пути ерша используется цепочное сцепление слов (подхват), когда каждое слово, повторяясь дважды, как бы скрепляется с предыдущим: «Сел и поехал со своего Корбозёрского озера в Ростовскую реку, с Ростовской реки в Ростовское озеро...»; «...пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро...»; «Поехал в Белозёрское озеро, с Белозёрского в Корбозёрское, с Корбозёрского в Ростовское...»⁸³ и т.д. Такие повторы-подхваты замедляют развитие действия, «останавливают его там, где особенно заметен разрыв между

⁷⁶ Шляпкин И. Указ. соч. С. 390.

⁷⁷ Яросл. фольклор. С. 39.

⁷⁸ Озаровская. С. 213.

⁷⁹ Бахтин—Ширяева. С. 76.

⁸⁰ Сев. Двина. С. 104.

⁸¹ Афанасьев 1957. С. 113.

⁸² Яросл. фольклор. С. 39.

⁸³ Карелия. Альманах. С. 114; Яросл. фольклор. С. 35; Там же. С. 39.

длительностью событийного времени и быстротою рассказа об этих событиях»⁸⁴. Повествование о пути ерша из реки в реку, из озера в озеро должно было занять очень много времени (тем более для такой маленькой рыбки, как ерш), поэтому сказитель своими повторами как бы замедляет действие, тем самым стремясь соблюсти единство времени сказок. Сказка начинает точно локализоваться, переносить действие в определенную местность, лишь в XIX и XX веках. Поэтому данный эпизод с указанием точных географических объектов имеет довольно позднее происхождение.

Средство передвижения ерша — это липовы или вербовы дровнишки⁸⁵ (разновидность саней) или худые санишки о трех копылишках⁸⁶ (перекладинах). Это позволяет нам сделать предположение о социальной принадлежности героя — вероятно, небогатом мужике.

Следующий мотив сюжета — это *просьба ерша к рыбам пустить переночевать*. Мотивирует он свою просьбу по-разному. Иногда просто просит пустить покормиться — «хлеба-соли покушать, да речей послушать»⁸⁷; «Пустите ерша пообедать и коня покормить»⁸⁸; иногда говорится, что он, свалившись с моста, вымок и замерз, — в этом случае он просится «платье пересушить, в баенку сходить, крепости пересмотреть»⁸⁹. Но всегда строго оговаривается время его пребывания «в гостях»: в большинстве вариантов — одна ночь, в одном — «един час»⁹⁰. Свою просьбу он излагает в большей части сказок «рыбам», в единичных случаях — лещам⁹¹ или щуке⁹². В варианте, записанном от М.Д. Кривополеновой, для решения этого вопроса собирается совет рыб, на котором они обмениваются мнениями: «Первая говорит рыба: “Пустим”, другая говорит: “Не пустим”, а третья говорит: “Воров, разбойников пускаем, ерша, доброго человека, зачем не пустить”»⁹³. Ерша пускают в озеро. Однако он не выполняет обещания. Далее практически во всех сказках используется одна и та же формула времени по той же самой схеме подхвата: «ночь переночевал, день передневал»; «Вот он там ночку ночует и денёчек днюет, и там неделку живет и вторую живет»⁹⁴; «Живет от ночи до второй ночи, от двух ночей неделя, а от недели месяц, а от месяца полгода, а от полгода год...»⁹⁵; «И ночь ночевал и две ночевал, и год жил и два жил...»; «Где ночь ночевал, тут и год

⁸⁴ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 20.

⁸⁵ Озаровская. С. 213; Карелия. Альманах. С. 114.

⁸⁶ Ярослав. фольклор. С. 35, 39.

⁸⁷ Афанасьев. 1957. С. 113.

⁸⁸ Ярослав. фольклор. С. 39.

⁸⁹ Рус. сатир. сказка. С. 131.

⁹⁰ Афанасьев 1957. С. 113.

⁹¹ Сев. Двина. С. 104.

⁹² Рус. сатир. сказка. С. 131.

⁹³ Рождественская 1952. С. 52.

⁹⁴ Рус. сатир. сказка. С. 131; Бахтин—Ширяева. С. 76.

⁹⁵ Сев. Двина. С. 104.

годовал, где две ночевал, тут два года годовал...»⁹⁶; «А за ночью — две ночи, за двумя ночами и пять ночей, а за пять ночами и пять годов...»⁹⁷; «Ерш ночь ночевал, другу ночевал, третью ночевал, от трех ночей — три недели, от трех недель — три месяца, от трех месяцев — тридцать лет»; «От одной ночки — две ночки, от двух ночей — две недели, от двух недель — два месяца, от двух месяцев — два года, от двух годов жил тридцать лет...»⁹⁸. Время сказки тесно связано с сюжетом. Сказка часто говорит о времени, но отсчет времени ведется от одного эпизода к другому. Время отсчитывается от последнего события⁹⁹: через ночь, день, неделю, две недели, три недели, месяц, год и т.д. Только после этого разыгрывается следующее событие. Как мы уже говорили, такие формулы замедляют развитие действия, позволяют плавно перейти к следующему эпизоду.

По большому счету своими плавными переходами эти формулы похожи на римский орнамент. В конце XV века в Риме при раскопке подземных частей терм Тита был обнаружен незнакомый до того времени вид римского живописного орнамента. Он поражал необычайной, причудливой и вольной игрой растительными, животными и человеческими формами, которые переходят друг в друга, как бы порождают друг друга. В орнаментальной игре ощущалась исключительная свобода и легкость художественной фантазии, причем свобода ощущалась как веселая, почти смеющаяся вольность. Этот орнамент получил название «гротеск»¹⁰⁰. Точно так же и в нашем случае сближается далекое, нарушаются первичные представления, что, быть может, тоже служит средством создания комического.

Следующим мотивом сказки являются так называемые «*обиды от расплодившихся ершей*». Сказочница М.Д. Кривополенова соединяет этот мотив с предыдущим (просьба пустить переночевать) такой формулой времени: «Сказка скоро скажется, время долго деется ведь»¹⁰¹. В сборнике Озаровской формула немного изменена: «Сказка скоро сказывается, не скоро дело деется»¹⁰². По мнению Д.С. Лихачева, такими формулами сказочники как бы просят прощения у своих слушателей, когда есть явное расхождение событийного времени и времени рассказа об этих событиях¹⁰³.

Итак, через определенное количество времени (в разных вариантах по-разному) «расплодилось ершей полно озеро, некуда большим рыбам ходить»¹⁰⁴.

⁹⁶ Ончуков. С. 2; Яросл. фольклор. С. 39.

⁹⁷ Гура. С. 217.

⁹⁸ Озаровская. С. 231; Яросл. фольклор. С. 35; Рождественская 1952. С. 52.

⁹⁹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ соч. С. 20.

¹⁰⁰ См.: Бахтин. С. 59.

¹⁰¹ Рождественская 1952. С. 52.

¹⁰² Озаровская. С. 213.

¹⁰³ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 20.

¹⁰⁴ Рождественская 1952. С. 52.

Сыновой ерш женил, дочерей замуж выдал¹⁰⁵. И стал ерш « всю рыбу обижать, к тине-плотине прижимать »¹⁰⁶; « маленькую рыбу бьет да коллет, а большую — вон из озера гонит »¹⁰⁷. Изогнал « лещов, ростовских жильцов, во мхи и болота, пропасти земные. Три года лещи хлеба-соли не едали, три года лещи хорошей воды не пивали, три года лещи белого света не видали, с того лещи с голоду помирали »¹⁰⁸.

Вслед за этим сразу идет мотив, совершенно отсутствующий в повести, — « Совет рыб ». Он есть в абсолютном большинстве вариантов. Вот как, например, об этом говорится в сборнике В. Бахтина и П. Ширяевой¹⁰⁹: « Тогда собиралася рыба в круг, думала думу вдруг: как жить, как быть, как ерша-ябедника погубить ». В народном сознании рыбы в основном существуют совокупно, нерасчлененно, обобщенно, и, следовательно, в народных представлениях и в фольклоре чаще представлены собирательно. Поэтому и в сказках чаще всего упоминается просто совет рыб, без всякой конкретизации. Подобно зверям и птицам, рыбы имеют свою главу или « царя ». Вот к этой главной рыбе они и обращаются за помощью. Это или сон-рыба¹¹⁰, или « матушка белорыбица-осетра »¹¹¹, или Петр-осетр-праведный¹¹², или Сом с большим усом — судья праведный¹¹³. Почему именно этих рыб выбирает и выделяет сказка? Дело в том, что мифическим предводителем, царем над рыбой или « рыбьим пастухом » считают водяного. По русским представлениям, он ездит верхом на соме или сам появляется в образе рыбы, например, осетра, сома (Архангельская, Харьковская губерния, Шенкурский уезд), человека с сомьей головой (совр. Минская область, Столбцы)¹¹⁴.

Только одна из рыб-судей имеет имя Петр. Это связано с тем, что в роли покровителя рыб и рыболовства выступает святой апостол Петр. Ему молятся о ловле рыбы, к его дню (29.VI/12.VII или 30.VI/13.VII) приурочен праздник рыболовов (Вологодская губерния, Вельский уезд, Верховажский посад). На « счастье Петрово » заговаривают невод белорусские рыбаки (Витебская обл., Дисна)¹¹⁵.

В варианте из сборника « Ярославский фольклор » рыбы выбирают судью между собой: « Тогда мелкая и крупная рыба собрались в один круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим

¹⁰⁵ Яросл. фольклор. С. 39; Карелия. Альманах. С. 114; Гура. С. 217.

¹⁰⁶ Афанасьев. 1957. С. 113.

¹⁰⁷ Бахтин—Ширяева. С. 76.

¹⁰⁸ Яросл. фольклор. С. 39.

¹⁰⁹ Бахтин—Ширяева. С. 76.

¹¹⁰ Ончуков. С. 2.

¹¹¹ Гура. С. 217.

¹¹² Рус. сатир. сказка. С. 131.

¹¹³ Яросл. фольклор. С. 39; Рус. сатир. сказка. С. 131.

¹¹⁴ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 750.

¹¹⁵ Там же. С. 751.

усом»; «Будь ты, — говорят, — нашим судьей»¹¹⁶. И в трех сказках рыбы пишут прошение Белозер-Палтос-рыбе или Палтус-матушке-рыбе. В этих вариантах в сказку вошли реалии современного ей быта: леши собираются в земской избе¹¹⁷, рыбы пишут «гербовый лист» и отсылают его в «судебное место»¹¹⁸. Это прошение, в отличие от челобитных повести, в сказках очень короткое, состоит буквально из нескольких фраз: «Палтус-матушка-рыба! Суди ты нас с ершом, разбери ты наше заявленьице»¹¹⁹; «Матушка, белорыбица-осетра! За что нас ерш-новожил бьет и колет, бокам ребра порет. Из Ростовского озера старожилов вон выгоняет?»¹²⁰; «Ой, еси сон, от Бога сотворен, сидишь на кривды, суди по правды: ершишко зашел ко мне в Ерпово озериншко и попросился ночку ночевать; и ночь ночевали и две ночевали, и год жили и два жили, и не столько нас лещцов, вдвое стало Ершов; и стали ерши наших жон побиждать, на белой свет не стали попускать»¹²¹. Наибольшей полнотой обладает прошение рыб в последнем примере из сборника Ончукова. Начинается оно с традиционного зачина певцов гусяров (сравни: «Ой ты гой еси, царь Иван Васильевич...»). Затем идет сентенция пословичного типа: «Сидишь на кривды, суди по правды» (сравни с паремиями: «На кривой суд обсуда нет»¹²²; «Сиди криво, а суди прямо»¹²³), продолжает прошение формула времени цепочной структуры. Завершения как такового нет. То есть прошение полностью построено на художественно-изобразительных средствах фольклора, нисколько не испытывая на себе влияния делового языка времен создания челобитных.

Следующий мотив — *посылка понятых за ершом*, а затем за свидетелями. Следствием прошения рыбных старожилов является решение судьи послать за ершом посыльного. Наиболее интересно это решение сформулировано в варианте из сборника А.М. Смирнова: «Ростова озера от рыбававо собранья жалобу получив и купчую лоху приказ вручив — схватить Ерша бездельника до первово понедельника, связать, скрутить, ко мне притащить, за подлое издевательство ко мне на разбирательство»¹²⁴. В некоторых вариантах рыбам приходится отправлять за ершом понятых два или три раза, так как Ерш, чувствуя свою неправоту, всячески оттягивает свой приход на судебное разбирательство. Вначале посылают маленькую рыбку — пескаря или карася: первый не находит виновного, а с другим Ерш не желает даже разговаривать: «Пошел от меня, не с тобой ричь говорить и ответы держать». Затем пробуют послать большую рыбу. Например, отправляют

¹¹⁶ Яросл. фольклор. С. 35.

¹¹⁷ Яросл. фольклор. С. 39.

¹¹⁸ Карелия. Альманах. С. 114.

¹¹⁹ Там же. С. 114.

¹²⁰ Гура. С. 217.

¹²¹ Ончуков. С. 2.

¹²² Симони. С. 127.

¹²³ Там же. С. 140.

¹²⁴ Смирнов. С. 165.

щуку («ерш напоил ее пьяною, за пеледу засадил, дверью затворил и кольем заколотил») или осетрища («...завел осетра ерш в невод и сам вырвался — убежал»). Следующая уловка, к которой прибегает ерш — заведомое оскорбление гонцов, чтобы они отказались от своего поручения. Так, линюю он говорит: «Зачем ты ко мне пьяной явился? / Вон отсюда, говорю, / Не то всего переколю!». А в вариантах из сборников «Карелия. Альманах» и «Ярославский фольклор» Ерш оскорбляет сначала треску, потом налима, у каждого находя уязвимые места. Треске он говорит: «Рыбу-треску порют и полощут по песку»; налима дразнит по-другому: «Уменька губы толсты, зубы редки».

Удается упросить Ерша пойти на суд лишь рыба-гарьюсу или сому. Ерш сам объясняет, почему он послушался гарьюса: «Ох, гарьюсок, я люблю тебя: у тебя губки тоненькие, платьице беленькое, а походочка господская, разговоршки московские. Ну, пойдём»¹²⁵. Рыбу-сома он слушается, так как тот в одном из вариантов является его тестем: «Ерш-то сому зять: сумел его сом в руки взять и самолично привел на суд праведный»¹²⁶.

Лишь в двух сказках Ерша приводят на суд насильно. Это проделывают или семь молей — понятых людей («Взяли ерша, сковали, связали и на суд представили»¹²⁷) или осетрище-большая головища («Взяли этова ерша-клеветника, ерша-ябедника и потащили ево нечестно, — где рука, где нога»¹²⁸).

После того, как Ерша доставили на суд, следует описание самого «судебного разбирательства». Оно начинается с предъявления ершу обвинения и объяснения судьей, в чем заключается его вина. В трех сборниках сказок («Карелия. Альманах», «Ярославский фольклор» и сборнике сказок А.В. Гуры) судья пытается убедить Ерша в незаконности действий: «Что же ты, ерш, бьешь и колешь, бокам ребра порешь? Из Ростовского озера старожилов гонишь?»¹²⁹; «Ершишка-плутишка, послушай ты меня: лещи, жильцы ростовские, жалуются на тебя. Возвратись ты в свое Корбозерское озеро»¹³⁰; «Ах, ты, ершишко- плутишко, худая головишко! Почему ты разжился и расселился в здешнем Ростовском озере, изогнал лещов, ростовских жильцов, во мхи и болота и пропасти земные? Три года лещи хлеба-соли не едали, три года лещи хорошей воды не пивали, свету белого не видали, и с того лещи с голуду помирают»¹³¹.

В двух сказках у ерша требуют предъявить суду документы, подтверждающие его права на владение озером. Эти документы называются по-старинному: пути и памяти, московские грамоты, деревенские крепости («Ерш-рыба, скажи правды, ешь-ле у тебя пути и памяти,

¹²⁵ Карелия. Альманах. С. 114; Яросл. фольклор. С. 41.

¹²⁶ Афанасьев 1957. С. 50.

¹²⁷ Яросл. фольклор. С. 40.

¹²⁸ Пермск. сб. С. 125.

¹²⁹ Карелия. Альманах. С. 114.

¹³⁰ Яросл. фольклор. С. 41.

¹³¹ Гура. С. 216.

московские грамоты, деревенские крепости»¹³²). Еще в двух вариантах вопрос судьи и ответ Ерша следуют один за другим: «Как ты ерш смел Ростовское озеро своим называть и добрых жильцов из него вон разгонять? Есть у меня на Ростовское озеро пути, памяти, государевы грамоты»¹³³.

В ответ на просьбу предъявить грамоты ерш отвечает, что они сгорели во время пожара на озере. Эпизод с пожаром на озере является одним из наиболее распространенных мотивов как небылиц, так и сказок.

Пожар на озере — постоянный мотив сказок данного сюжетного типа. Так, в начале некоторых вариантов говорится, что озеро, где жил Ерш, загорелось. Мотив горящего Ростовского озера почти обязательно присутствует в комических диалогах между истцами и ответчиком, но иногда Ершом используются и другие отговорки: «Потому я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело с низу и до верху и запустело»¹³⁴; «Межи-борозды вытерлись, а берега водою подмыло, а я ехал тем берегом вечером поздно, торопился, резко гнал, да с берега в озеро попал, так и свалился с землею!»¹³⁵; «Их челобитная — неправое дело. Ростовское озеро мое, а родом мы дети боярские, они в холопах у моего отца были. Ростовское озеро повысохло от великих засух и стала скудность великая. Они сами хотели меня искоренить. Меня знают в Москве большие князья да бояре»¹³⁶.

Следующим является мотив *вызова свидетелей в суд*. Повествование ведется по-разному: или судья посылает за свидетелями, и они подтверждают, что озеро лешово («Это озеро было не ершово, а лешово»¹³⁷), или Ерш заявляет, что грамоты сгорели в пожаре, и свидетели подтверждают, что пожар на озере действительно был («Окунь-рыба: был, братцы, был; я на пожаре был, перья опалил, — теперь красны»; «Сорога-рыба: был, был, братцы, я на пожаре была — глаза опалила, и теперь красны»; «Налим-рыба: был, братцы, был, я на пожаре был — губы опалил: губы толсты, язык короток, — не умею говорить»¹³⁸).

В двух вариантах свидетели не подтверждают факта пожара на озере («Врешь ты, страшила! Ниша ты коробка, кисла ты шерсть! Наше славное озеро Онего на веку не горывало, а у тебя, у бродяги, там избы не бывало!»¹³⁹; Сорога-рыба: «Не во век-то не горывало наше озеро!»; Окунь-рыба: «Не во век-то наше озеро не горывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»; Щука-рыба: «Не во век-то не горывало наше озеро Ростовское!»¹⁴⁰).

¹³² Озаровская. С. 217; Рождественская. С. 52.

¹³³ Яросл. фольклор. С. 40; Пермск. сб. С. 50.

¹³⁴ Афанасьев 1957. С. 113.

¹³⁵ Афанасьев 1957. С. 114.

¹³⁶ Сахаров. С. 156.

¹³⁷ Ончуков. С. 3.

¹³⁸ Озаровская. С. 213; Рождественская 1941. С. 110.

¹³⁹ Шергин. С. 180.

¹⁴⁰ Рус. сатир. сказка. С. 275.

В процессе судебного разбирательства некоторые свидетели откупаются, чтобы не являться на суд: «О, робята! Нате, по гривеньке возьмите, у меня язык толстой, неповоротной, не могу против чиновников говорить»¹⁴¹.

Вынесение решения судом — обязательный мотив сказок. Излагается он по-разному. В некоторых сказках Ерша прогоняют: «Тогда этого ерша прогнали со всей его силой-войском»¹⁴². В одном варианте Ерш оправдан благодаря придуманной им уловке: «Прикажи собрать государевых рыбаков, да раскинуть неводы тонкие, погони рыбу в одно устье; тогда узнаешь, кто прав, а кто виноват: правый в неводе не останется, а все выскочит». Суд в данном случае выносит следующий приговор: «Ступай в озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидит, разве озеро высохнет да ворона тебя из грязи вытащит»¹⁴³.

Наконец, в сказках, помещенных в двух сборниках («Ярославский фольклор» и сборник сказок А.Н. Афанасьева) ершу удается убедить: «Тут поймали ерша и посадили в петлю. По ершовым-то молитвам бог дал дождь и слякоть. Ерш из петли-то и выскочил»¹⁴⁴. Наиболее интересно этот эпизод представлен в варианте из сборника А.М. Смирнова: «А удирав ерш бездельник теми реками, которыми шев раньше и о берега отер бока, о патарцины выцапав глаза...»¹⁴⁵.

Последняя, завершающая часть сказок — *рифмованная повестушка*, рассказывающая о том, как ловили, приготавливали и ели Ерша. Она построена на созвучии слов, собственных имен. Все известные варианты сказок про Ерша имеют общие черты, во всех прослеживается зависимость ритмического строя и содержания от рукописных «Повестей о Ерше». Почти все сказки присоединяют в конце ритмическую прибаутку о поимке Ерша, которая в рукописных сборниках чаще всего отсутствует. Многие исследователи считают ее скоморошьей переработкой, нагромождением нелепостей и не видят в ней никакого смысла.

Во всех вариантах описание поимки Ерша логически присоединяется к сказке, хотя, судя по действующим лицам и смыслу, это самостоятельное повествование. Обзор содержания устных вариантов сказки о Ерше показывает, что все они состоят из двух частей, обнаруживающих тенденцию к более тесному логическому объединению. Сказки редко дают полное развернутое повествование. Они не всегда удерживают полностью весь сюжет, восполняют детали фантазией. Чаще всего забывается конец первой части (судебное разбирательство). Но при любой краткости первой части сказки вторая ее часть (рассказ о ловле Ерша) всегда присутствует.

В первой части сказок данного сюжетного типа участники событий — рыбы, хотя они и ведут себя вполне по-человечески, а во

¹⁴¹ Ончуков. С. 2.

¹⁴² Там же. С. 3.

¹⁴³ Афанасьев 1957. С. 113.

¹⁴⁴ Яросл. фольклор. С. 41.

¹⁴⁵ Смирнов. С. 134.

второй — люди, деятельность которых связана с событиями, разворачивающимися в озере. Люди ловят Ерша, который уклонился от исполнения судебного решения, вынесенного рыбами. В варианте, записанном А.М. Смирновым, этот эпизод рассмотрен особенно подробно. Описание ловли Ерша людьми вклинивается в судебное разбирательство рыб, а люди и их действия включаются в общую рамку сказочного повествования. После обычного вступления («Ехал Ершишко на липовых санишках...») рассказывается о том, как просится он у рыб-старожилов переночевать, остается жить в озере и начинает обижать других рыб. Рыбы собираются вместе, советуются, «как Ерша сгубить» и решают послать кого-нибудь за советом к Сому. Щука, Окунь, Плотица и Налим отказываются пойти к Сому, соглашается этот сделать лишь Карась. Сом советует ему следующее: «Нашел ба першу, да поставил ба вершу». Карась так и делает: «Нашел першу, поставил вершу». Затем идет описание действий людей: «На тот случай пришел Абрам, закол забрал, пришел Багдан, Ерша бог дал»¹⁴⁶.

Далее обычно следует игра в рифмы между собственными именами и созвучными с ними словами, рассказывающая о ловле и приготовлении ухи из Ерша. Рифмованная и ритмичная, то подробная, то краткая, эта прибаутка придает сказке скомороший характер. Она обычно завершает сказочное повествование или встречается как самостоятельная сказка, которая разрастается за счет прибавления новых рифмованных созвучий. В варианте русского населения Прибалтики, например, насчитывается 18 рифм: «Пришел Терешка, посулил лепешку, пришел Трош, посулил грош, пришел Манейка, посулил копейку, пришел Авросим — копеек восемь, пришел Мартын, посулил алтын...»¹⁴⁷.

При сравнении известных, полных и кратких, вариантов сказки оказывается, что данная ритмическая прибаутка — это описание некоего общинного празднества типа братчины в шуточной форме. В подготовке его участвует множество людей: они привозят дрова, складывают их в печь, прокуривают избу, доставляют воду, моют котел, привозят бочку пива, а для ухи приносят лук, чеснок и перец, кроме того, варят кашу. К началу коллективной трапезы стелют скатерть и раскладывают ложки. Детально перечисляются действия каждого участника трапезы: кто клал дрова, кто мыл чугуны, наливал воду, разводил огонь и т.д. Из текстов не всегда явствует, что ерш сварен. То сообщается, что Устин, «вынув из верши, Ерша упустил»¹⁴⁸, то за Ерша предлагают деньги¹⁴⁹, точно речь идет не о маленькой рыбке, а о ком-то другом, гораздо больших размеров. Иногда прибаутка как бы возвращает слушателя к тому гиперболизированному образу Ерша, который

¹⁴⁶ Смирнов. С. 135.

¹⁴⁷ Прибалтика. С. 229.

¹⁴⁸ Афанасьев. 1957. С. 114.

¹⁴⁹ Прибалтика. С. 237.

был в основном тексте. Некий старец «вынял из ерша икры ставец»¹⁵⁰, а «Савва — полпуда сала»¹⁵¹ (в вариантах — полтора и три).

В сказке, записанной в Ленинградской области, упоминается о драке среди участников: «Пришел Вавила да как чеснет Фрола по рылу»¹⁵².

Поскольку во всех сказках Ерш, претерпев наказание или избежав его, в конце концов благополучно исчезает, такой финал мог вызвать недовольство лиц, с которыми необходимо было считаться. Поэтому в качестве компенсации, вероятно, и появляется веселая прибаутка о ловле ерша, в которой его торжественно съедали всем миром. Но, видимо, тогда же были созданы характерные для творчества скоморохов варианты с разными намеками и подтекстом, кончающиеся новым исчезновением ерша.

Со временем текст прибаутки о ловле ерша и ухе из него забывается, сокращается. Меняется последовательность действий, почти ничего не остается от описания общинной трапезы. Текст сокращается до пустой игры рифмой в трех-четырёх именах: «Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку»¹⁵³. В некоторых вариантах прибаутка действительно производит впечатление белиберды. Однако позднейшие изменения и искажения не могут служить показателем низкой художественной ценности и уровня первоначального текста прибаутки.

* * *

Белорусских вариантов сказки о Ерше Ершовиче в доступных мне печатных источниках и архивах не выявлено, найден лишь один украинский вариант, помещенный в сборнике В. Гнатыюка; проведем его сравнительный анализ с русскими сказками и выявим, как один сюжет реализуется в текстах разных народов.

Содержание сказок вообще идентично. Многочисленные записи русских сказок в разных местах страны дают одни и те же сюжеты, более того — эти сюжеты оказываются сходными с текстом украинского варианта. Частичные отличия в передаче сюжетов объясняются обычно особенностями и свойствами памяти отдельных рассказчиков-передатчиков. Изменения же, в которых могли бы видеть сознательное вмешательство в «исконный текст» рассказчика, рассматривались как искажение и отсебятина. Но М.К. Азадовский утверждает, что эти изменения имеют более глубокий смысл и значение¹⁵⁴. И если одни из них — следствие запутанности «исконного текста», то другие относятся к разряду явлений творческого порядка, в которых скрыты следы индивидуальной работы.

¹⁵⁰ Сев. Двина. С. 104.

¹⁵¹ Пермск. сб. С. 126.

¹⁵² Бахтин—Ширяева. С. 76.

¹⁵³ Афанасьев 1977. С. 276.

¹⁵⁴ Азадовский М. Указ. соч. С. 202.

Украинский вариант был записан П. Тарасевским в Шебекине Курской губернии; из примечания В. Гнатюка, сделанного им к предисловию, видно, что запись относится к последним годам перед империалистической войной.

Начинается сказка весьма оригинально: ерши живут в своем месте тихо и спокойно; но вот рыбак начинает бросать в реку приманку, и являются, почувяв ее, рыбы. Пронюхали про это чабаки и стали выгонять ершей. Ерши подали жалобу царю-киту. Кит поручил расследовать дело рыбе-суле. Чабаки, со своей стороны, заявили, что ерши осмелились не пускать их в их собственные владения («Як они сміли такі голодранці нас благородних риб оскорблять!»). Сула допрашивает свидетелей — леща, налима, окуня, линя; все свидетели выступают против ершей, укоряя их в неучтивости, грубости (между прочим, окунь заявляет: «Тая давно ни доволин на йоржів; вони тут що дня бунтують між собою, а станиш їх усмирять, а вони растопіряють свої колючки так, що ни можно до них приступити. Одного разу я хотів йоржа праучити і весь рот собі поколов»). Сула составляет «протокол» в пользу чабаков («Совісно нам буде обідить благородну рибу, давать потачку никчемним сірякам якось ни з руки») ¹⁵⁵.

Ерши, недовольные судом, подают «опиляцію окуле». «Окула» признает решение суда правильным; ерши передают дело в «синат». В «синате» заседают белуга, севрюга, сом и «окула». «Окула» заявляет, что отменять решение не следует: «І я сам же розбирав це діло і наймов рішення суда правдивим, так шо признати рішення суда ни правним ніяк нільзя; тоді ви, господа, і мене підвидите під манастир». Очень яркую речь произносит белуга: «Розуміться, пириначувать ми ни станим, всякому соплякові потачку давать ни годиться. Мировий постановив, а ви, господин окула, рішення його утвирдили, значить, так йому быть. А вони бач никчемні тварі ни довіряють вам, лізуть дальши. Утвирдить рішення мирового і ділу кінець: будим іще голову морочить з такого сволотою! Завсім ни личе таким соплякам займать удобні і прибильні міста, зігнать їх на ниводобні землі, там ім місто. А удобні землі нарежуть нам, благородним рыбам». Сенат подтвердил решение суда.

Ерши подают жалобу царю, причем некоторые отговаривают от их этого, не ожидая положительного решения, но «старые» ерши уверяют, что «царь должен стоять за правду». Царь, получив прошение, размышляет и приходит к выводу, что ершам много места не требуется, а «великі рибі нужна глибина, ім ниобходим простор, щоб було де розійтись. Ще й вони, бач, хочуть порівняться правами з благородною рибою; до віку вони цього ни діждуться. Или, які зарічині, взялись доказувать, шо їх ни правдиво осудили. Шож вони думают, шо я за них буду руку диржать? Вилика риба всіми ділами праве, а йоржі шо? З них користи, як з козла молока». И царь пишет на прошении: «разрішаю йоржам жить в річці тіко на пусто порожніх містах, де велика риба ни має свого пристанища. А спорне місце належить чабакам. Йоржам

¹⁵⁵ Гура. С. 218.

повиливаю слухаться великої риби і уступать їм любе місце бізпри-
кословно». Ерши недовольны, но жаловаться больше некуда, «бо бог
живее дуже високо». Сказка заканчивается тем, что так и живут они в
тех местах, куда мало заходит «велика риба», а если туда и зайдет, то
ерши «тікають четь»¹⁵⁶.

Рассмотрев сюжет украинской сказки, мы пришли к следующим
выводам. Сюжеты русских вариантов, рассматриваемые нами, в ос-
новном похожи на украинский вариант. Мы видим, что в них при-
сутствуют одни и те же мотивы: суд, вызов свидетелей, предъявле-
ние обвинения. Разница заключается в том, что ерши не являются
захватчиками чужого озера, они уже жили там. И суд идет уже не
над захватчиками-ершами, а над другими рыбами, которые появились
там. То есть в украинской сказке ерши из ответчиков превратились в
истцов. В украинском варианте нет рифмованной повестушки о ловле
и приготовлении ерша. Здесь суд пришел к решению, что ерши могут
остаться в этом озере, но в тех пустых местах, где не бывает большой
рыбы. Сказка приобрела социальное звучание.

---

¹⁵⁶ Гура. С. 218.

Литературные переложения сказочного сюжета «Ерш Ершович»

Русские сказки о Ерше Ершовиче — предмет особого рассмотрения, так как они относятся к сказкам литературного происхождения. В.Я. Пропп в своем труде «Русская сказка» отмечает, что сказочная традиция дает начало прозаической художественной литературе¹. В России этот процесс начинается с XVII века, когда клерикальная культура русского средневековья начинает себя изживать, а Россия вступает в связи с Западной Европой. Реформы Петра, образование могущественной империи были завершающим этапом тех процессов, которые начались во второй половине и в конце XVII века. Возникает потребность в новой светской литературе, и она создается на базе повествовательного искусства народа.

Процесс этот в России совершался иначе, чем в Западной Европе. Есть только один сюжет, который из фольклора непосредственно перешел в письменную литературу и нашел в ней распространение. Это повесть о Карпе Сутулове.

Другие повести XVII века, связанные с фольклором, восходят не к фольклорным сюжетам, а к фольклорному яркому динамическому повествованию, к образам и языку сказки, к ее юмору и веселью. К таким повестям относится и «Повесть о Ерше Ершовиче» — авторское произведение, автор которого остался неизвестен. Сказочный стиль уловлен и передан настолько хорошо и ярко, что произведение это вошло в фольклорный обиход, фольклоризировалось и превратилось в сказку. Здесь совершается как бы круговорот: выросшее на фольклорной базе произведение вновь вернулось в фольклор².

«Повесть о Ерше Ершовиче» — сатира на судопроизводство. Здесь осмеянию предан сам процесс судопроизводства с его бюрократизмом, канцелярщиной и крючкотворством. Повесть написана языком, которым велись судебные акты, и этот же язык перешел в сказку³. Здесь

¹ Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2000. С. 331.

² Там же. С. 335.

³ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М., 1999. С. 63.

сатирически изображены те тяжбы за землю, которые были особенно часты в середине XVII века.

Народные же сказки о животных не преследуют сатирических целей. В тех случаях, когда это всё же имеет место, сказка оказывается не народной, а имеет литературное происхождение. Сказка о Ерше — повесть XVII века, представляющая собой острую сатиру на тогдашнее московское судопроизводство. Она перешла в фольклор из литературы⁴.

Таким образом, в сказке о Ерше Ершовиче переплелись качества народной сказки о животных, свойства бытовой сатирической и литературной сказок.

Писатели очень часто обращались к сказочным сюжетам, образам и мотивам при создании своих произведений. Сюжет о Ерше Ершовиче был использован для создания некоторых литературных произведений. Но литературная переработка, основанная на этом сюжете, только одна.

П.П. Ершов вошел в историю русской литературы как автор стихотворной сказки «Конек-Горбунок». Как в хорошем спектакле одинаково тщательно бывают продуманы и исполнены и роли главных героев, и роли третьестепенных персонажей, так и в «Коньке-Горбунке» П.П. Ершов обрисовывает и тех героев, без которых не было бы и сказки, и тех, кто только однажды и ненадолго появляется на ее страницах.

Незначительна в сказке роль Ерша, но как запоминается всё, что говорится об этом «крикуне и забияке». Ерша мы знаем по повестям и сказкам, но автор «Конька-Горбунка» вносит в созданный в народе образ немало новых черточек. Ершов находит меткие слова, делающие этого маленького героя еще более похожим на реального, живого ерша. П.П. Ершов описывает такое же рыбье царство-государство, как и в народных сказках о Ерше. И там та же иерархия между рыбами: Кит — это царь, у него в подчинении — осетры и другие рыбы. Он обещает наградить чином «думного дворянина» того из осетров, кто выполнит его приказ — найти перстень Царь-девицы. Но осетры не могут его найти без помощи Ерша, который «...по всем морям гуляет, / Так уж, верно, перстень знает»⁵.

Точно так же, как в народных сказках, пишут от имени Кита указ: «Чтоб гонцов скорей послали / И Ерша того поймали». Пишет указ Лещ, Сом (советник) под ним подписывается, а черный Рак указ складывает и прикладывает к нему печать. С этим указом на поиски Ерша отправляют двух дельфинов. Они ищут Ерша целых два часа в морях, реках, озерах и проливах, пока, наконец, привлеченные шумом, не обнаруживают его, с карасем, в маленьком пруду. На просьбу гонцов-дельфинов уgomониться Ерш отвечает вполне в духе Ерша из народной

⁴ Очерки. С. 124—224.

⁵ *Ершов П.П.* Конек-Горбунок. Русская сказка в 3-х частях / Послесл. В.П. Аникина. М., 1976. С. 55.

сказки: «Ну, а вам какое дело? — / Ерш кричит дельфинам смело. — / Я мутить ведь не люблю, / Разом всех переколю!».

Однако доставленный дельфинами к царю, он ведет себя вполне смиренно: падает перед ним на колени, а уходя, отдает царю поклон (такого поведения Ерша народная сказка не знает).

Таким образом, в сказочном рыбьем царстве умнейшим проявляет себя не властелин моря «рыба-кит», но наинизший в рыбьей иерархии — простак, ярыжка и драчун Ерш. П.П. Ершов не просто соединил куски из отдельных сказок, а создал совершенно новое, цельное и законченное произведение.

М.Е. Салтыков-Щедрин в XXIII главе романа «Современная идиллия», имеющей подзаголовок «Злополучный пискарь, или драма в кашинском окружном суде»⁶, также обращается к миру водных обитателей, которых он заставляет не только говорить, но доносить и лжесвидетельствовать. Однако главным героем он делает не Ерша, а пискаря, и судят его люди. Все начинается из-за того, что раньше обыватели ловили пискарей, но они «Вместо того, чтоб быть благодарными за дарование свободы, они придумывают... уловки для избежания... сетей», «эмигрируют»⁷ из родной реки в неизвестном направлении. Здесь и далее в фантастические иносказания вводится ряд намеков на бедственное положение пореформенного крестьянства, вынужденного «целыми массами» уходить из деревень на заработки в город⁸. В ходе следствия прокуроры и судебные следователи кашинского суда приходят к выводу, что среди пискарей был заговор и предумышленное сопротивление властям. Выдвигают «обвинительный акт», который заключается в следующем: «1) в недозволенном оставлении отечества, или в преступлении, оному равносильном; 2) в предумышленном сопротивлении подлежащей власти, выразившемся в неявке, по ее вызову, в уху; 3) в составлении заговора с целью неисполнения законных требований начальства, хотя и без намерения ниспровергнуть оное». Интересна статья, которую предлагает нам автор: 666 (апокалиптическое число, обозначающее вымышленную статью, указывающая на жестокость царских законов по отношению к политическим преступлениям). Известно, что «обвиняемый» был тяжело болен, его незаконно держали в иле четыре года (пока длился суд). Вызываются свидетели (головастики, щука, лягушка), которые свидетельствовали против обвиняемого. Головастики ничего вразумительного сказать не могут. Единственное, чего от них сумел добиться суд, это сказанных хором слов «знать не знаем, ведать не ведаем». Вызывают лягушку. Сатирический образ «лягушки-доносчицы», которая «квакает толково и

⁶ *Салтыков-Щедрин М.Е.* История одного города. Современная идиллия. Сказки / Авт. вступ. ст. и комм. Ю.В. Лебедев. М.: Современник, 1987. С. 465—474.

⁷ *Кулешов В.И.* История русской литературы XIX века. М., 2004. С. 645.

⁸ Там же. С. 645.

даже литературно»⁹, был подсказан писателю катковскими изданиями: нигилизм — «лягушка, хвалившаяся раздуться с вола», которая «давно уже лопнула», революционеры — «ядовитые жабы, противно надувающиеся, чтобы их приняли за сильного, полезного рабочего вола»; «петербургские» писатели — «литературные человеки, надувающиеся перед публикой как Крыловская лягушка». Она специально закапывается в ил, чтобы услышать, о чем говорят пискари, а затем донести. Чего только она не наслушалась: «Всё-то у нас гадко, всё-то скверно. Реку чтоб поровну поделить, харч чтобы для всех вольный был, богатых или там бедных, — этого чтобы не было, а были бы только бедные; начальство чтоб упразднить, а прочим чтоб своевольничать: кто хочет — пушай по воле живет, а кто хочет — пушай в уху лезет... А один даже такую штуку предложил: “лягушек, говорит, беспреречно из нашей реки чтобы выжить, потому что река эта завсегда была наша, дедушки наши в ней жили, и мы хотим жить...”». Она доносит не только на пискарей, но и на карася, и Щуку.

Щуку не успевают допросить, потому что при виде ее разинутой пасти подсудимым овладевает ужас, и он от страха умирает. Необходимость в свидетельских показаниях Щуки отпадает.

Выносится приговор: «За смертью осужденного дело прекратить»¹⁰. Таким образом, в «Злополучном пискаре» М.Е. Салтыков-Щедрин высмеивает царское правосудие. Однако, он делает резкое разграничение между судьями (людьми) и обвиняемыми (пискарями). Такого в народных сказках нет. Пискарь у Салтыкова-Щедрина совершенно не похож на сказочного Ерша. Он действительно «злополучный» — его два года таскают по следствиям, держат в тарелке, он болен. Сближает роман Салтыкова-Щедрина с народными сказками то, что он описывает суд над рыбами.

Г.И. Успенский в очерковом цикле «Нравы Растеряевой улицы» создает эпизодического героя по имени Ерш, который по своему прозвищу и характеру очень близок главному персонажу сказок о Ерше. Это один из беспризорников, которых много живет на Растеряевой улице. Вот какое описание дает ему автор: «А один из них, Ершом звали, худой, глаза большие, маленький, волоса топорщатся»¹¹. То есть он получил прозвище Ерш и по внешнему виду — у него топорщатся волосы, так же, как у ершей топорщатся колючие плавники, и по росту: ерши — маленькие рыбки. Герой получает свое прозвище и из-за своего задорного характера: когда он сердится, то топорщится, ершится. Г.И. Успенский называя героя, иногда использует такую же форму, что и в сказках — ершишко (*-ишк-* — суффикс субъективной оценки), в остальных случаях он образует уже совсем другие формы от этого имени — Ершило, Ершонок (такие формы в сказках не употребляются). Характерной особенностью этого образа является то, что

⁹ Кулешов В.И. Указ. соч. С. 645.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10 томах. М., 1988. Т. 8. С. 562.

¹¹ Успенский Г.И. Нравы Растеряевой улицы. М., 1986. С. 26.

он всегда лезет в драку, ершится (а рыболовам известно, что рыба-ерш всегда выходит на сильный шум, драчлива). В «Нравах Растеряевой улицы» есть эпизод, когда Ерш первый лезет в драку, и ему изрядно достается: «Как пошли они этого беднягу, Ершонка, трепать — только и видно, как он по воздуху летает, только подшвыривают — как есть в лапу... Но Ершонок не мало храбрости сохранил и, летая по воздуху, кричит: “Нет, врешь! Посмотрим, кто кого”...»¹². Другое качество Ерша — он любит рассказывать сказки («Целую ночь Ершонок все мне сказки сказывал...»)¹³, то есть он близок к типу сказочников-шутников («...звал Ерша шутку шутить»)¹⁴.

Г.И. Успенский создает героя по имени Ерш, придав ему черты ершистого, драчливого забияки.

Б.В. Шергин в сказке «Судное дело Ерша с Лешом»¹⁵ творчески переработал сказочный сюжет. Эту сказку можно отнести к авторским обработкам. В работе над ними писатель обычно использовал метод «реконструкции», выбирая среди вариантов сказочного сюжета наиболее яркие черты и обогащая ими самый интересный вариант данного сюжета. Авторы работ о Б.В. Шергине Е.Ш. Галимова¹⁶ и Н.В. Сюлькова¹⁷ считают, что писатель при создании данной обработки воспользовался разными вариантами народной сказки о ерше. Однако есть основания говорить и о другом явлении, также оказавшем влияние на творчество Шергина. Это древнерусская литература. В нашем случае автор обращается к разным редакциям повести XVII века «О Ерше Ершовиче». Попытаемся на текстовом материале выявить своеобразие бытования и переплетения этих двух источников и определить их влияние на сказку «Судное дело Ерша с Лешом».

Обращаясь к сказочному сюжету «Ерш Ершович», Борис Викторovich использует этот материал по-разному: цитирует отдельные элементы сказки; изменяет фольклорный текст согласно авторскому замыслу (стилизация) и создает новые средства художественной выразительности по образу и подобию народной сказочной поэтики. Докажем это на примерах.

Сказочный зачин традиционно, как и во всех вариантах, начинается с описания ерша и указания, откуда он появился: «Ходило Ершишко, ходило хвастунишко на худых санишках...». Правда, здесь Шергин использует редко употребляющиеся в сказках форму среднего рода¹⁸ (это особенность северного говора) и повторяющийся глагол «ходи-

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Шергин. С. 177—183.

¹⁶ Галимова Е.Ш. Проза Б.В. Шергина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1987. С. 6—10.

¹⁷ Сюлькова Н.В. Жанровое своеобразие современной русской литературной сказки (на материале творчества Б.В. Шергина и С.Г. Писахова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

¹⁸ Ончуков. С. 213.

ло»¹⁹ вместо «ехал», видимо, для придания словам единообразного звучания. Причем, по обыкновению, суффикс субъективной оценки *-ишк-* переходит от главного слова на все другие, связанные с ним. В литературной обработке в двух словах в этом ряду автор вообще убирает уменьшительно-ласкательные суффиксы, тем самым нарушая фольклорную последовательность: маленьким²⁰ (малыми) ребятишками, на худеньких²¹ (худых) санишках. Эта начальная формула используется в тексте дважды.

В следующем дважды процитированном автором эпизоде на изменение имен с суффиксом субъективной оценки *-ишк-* накладываются приемы ступенчатого сужения образов и подхвата: «У моего-то папеньки была в озере Онежском избишка, в избишке были сенишки, в сенишках была клетишка, а в клетишке сундучишко под замчишском...». Шергин в данном примере заменяет первое слово «ершишки»²² на «папеньки», тем самым нарушая закон передачи суффиксов субъективной оценки от главного слова к последующим зависимым от него.

Кроме того, Шергин заимствует из народных сказок ряд пословиц и пословичных выражений: «Сидите вы, судьи на кривде, судите по правде!» (ср.: «Сиди криво, а суди прямо»²³); «А кто тебя Ерша, знает да ведает, тот без хлеба обедает...» (ср.: «Ершова уха, да лошка суха»²⁴); «Хоть рыба костлива, да уха хороша». Таким же образом автор составляет свои пословичные выражения: «На овчине сидишь, про соболи сказываешь»; «Ни постлать у Ерша, ни окутаться, и в рот положить нечего...»; «Вот тебе раз! Другой бабушка даст!»; «Лисий хвост подвесил» (сравн. : «Лиска лжот да на хвост ся шлиот»²⁵).

Писатель не только без изменений переносит в свою сказку фольклорную формулу времени: «И ночь ночевал, и две ночевал... Год жил, и два жил!», но и создает свою: «День к вечеру, солнце к западу». Прием повтора слов часто используется в сказочных формулах, процитированных Шергиным: «На семи верстах, на семи столбах...»; «Три года лещи белого света не видали, три года лещи чистой воды не пивали...». По образу и подобию фольклорных создаются автором и свои выражения: «Почали ерши по озеру похаживати, почали лещей под ребра подкалывати...»; «Наши деушки-лещихи постатно себя ведут, постатно по улочке идут...»; «День искали и два искали...». Повторы придают сказке замедленность и эпическую неторопливость.

Многое Шергин в народной сказке меняет согласно своему замыслу. Например, в выражении «по быстрым рекам, по глубоким водам» вместо прилагательного «быстрый» в фольклоре используется слово

¹⁹ Смирнов. С. 164; Гура. С. 218.

²⁰ Яросл. фольклор. С. 35.

²¹ Афанасьев. 1957, I. С. 113.

²² Яросл. фольклор. С. 43.

²³ Симони. С. 140.

²⁴ Паус. С. 99.

²⁵ Там же. С. 118.

«мелкий». Если в народной сказке была антитеза (мелкий — глубокий), то у Шергина ее нет, невзрачное слово заменяется на экспрессивное.

Также избирательно Шергин подходит и к подбору лексики. В сказках содержится много непонятных современному читателю слов. Вот, например, перечень судебных документов, упоминающихся в сказках: пути, памяти, крепости, грамоты, книги, отписи, паспорта. Из всего этого списка писатель выбирает только «грамоты»²⁶, добавляет к нему взятое из древнерусской повести XVII века слово «письма»²⁷ и замыкает этот ряд словосочетанием «судные записи», поясняя им смысл предыдущих слов. Многие глаголы Шергин сам конструирует, создавая очень яркие выражения, придающие особую динамичность и выразительность речи рассказчика: запустила (заорала, широко раскрывая пасть), хором свищет, оконцы выхвостал, оконцы выстегать, уваливай (от глагола «вали»).

Иногда изменение текста ведет за собой изменение трактовки образа героя. Например, в сказке рыба семга в ответ на вранье ерша о своем былом богатстве злым голосом на него кричит:

*«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головшко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял
И сорок человек разбою держал,
И много голов погубил,
И много живота притопил!»²⁸.*

В авторской обработке этот эпизод получает иное толкование. Честна вдова Шука начинает свою отповедь другими словами: «Нищая ты копейка! На овчине сидишь, про соболи сказываешь! Тридцать лет ты под порогом стоял, куски просил...». Налицо поменявшийся статус героя: из разбойника он превращается в попрошайку-нищего, что, вероятно, более оправдано в связи со всем ходом повествования сказки.

Автор углубляет образ Ерша, приписав ему мнимую набожность. Лещ говорит про ерша, что тот «лисий хвост подвесил» и выпросился у него ночь перележать. Это выражение означает, что ерш, желая добиться своего, надел на себя чужую личину, то есть притворился набожным человеком. Во-первых, он кланяться горазд (челом бьет, затылком в пол колотит), во-вторых, называет себя странным человеком (странником, путником), в-третьих, речь Ерша характеризует его как очень смиренного и верующего человека («За то тебя бог не оставит, родителям твоим царство небесное»). Ерш два раза пользуется этой уловкой. И если Леща ему удастся обмануть таким образом, то Осетра он не смог провести.

²⁶ Яроsl. фольклор. С. 36.

²⁷ Рус. демокр. сатира. С. 8.

²⁸ Яроsl. фольклор. С. 13.

В народной сказочной традиции осетр — глупая и ленивая рыба («Глуп как осетр»²⁹, «Просил осетр дожда в поле лежа»³⁰; «На словах три сажени в землю видит, а на деле на силу под ноги глядит»³¹). Недаром, как самостоятельный мотив практически во всех вариантах данного сюжета встречается эпизод о том, как ерш обманом заводит осетра в невод, а сам, проскользнув сквозь ячейку сети, уплывает. Как отдельный сюжет «Рыба в верше» (№ 253) данный мотив зафиксирован в международном указателе сказочных сюжетов Аарне. Шергин в противоположность народной трактовке не только наделяет Осетра хитростью и мудростью («Рыба Осетёр хитра и мудра...»), но и делает владельцем вотчины на Волге-реке. Вначале осетр, не поддавшись на уговоры ерша, отказывается пустить его «в Волге ночь перележать». А затем, когда ерш замутил в реке воду, он не выходит из дома, чтобы не попасть сослепу в сети.

В сказке Шергина прослеживается тенденция превращения ерша — сказочного типа в героя с определенным характером. Углубление психологизма в создании облика главного героя происходит с помощью применения автором внутренних монологов персонажа, индивидуализации его речи, придания иной мотивировки его поступкам и действиям. Где это возможно, писатель доводит действия ерша до их утрирования в целях создания комического эффекта.

С самого начала литературной обработки Шергин последовательно углубляет и очеловечивает образ главного персонажа. Вслед за обычной для сказок фразой «Прожился Ерш, проскудался»³² следует уточнение или расшифровка ее автором: «Ни послать у Ерша, ни укутаться, и в рот положить нечего». Точно такую же фразу писатель использует для характеристики персонажа и в другой своей сказке «Волшебное кольцо», т.е. можно говорить о любви Шергина к определенным выражениям или формулам. Уже в этом предложении виден его интерес к отрицательным конструкциям, который в дальнейшем получит свое развитие («не ждан, не зван»; «ниоткуда не избижены» и т.д.). Кроме того, внимание читателя намеренно фиксируется на исключительной бедности героя. В дальнейшем это качество ерша будет углубляться, усиливая социальную направленность сказки. Например, если в фольклоре ерш просто кланяется, то здесь он «челом бьет, затылком в пол колотит» (утрирование ситуации). И настой он просится как нищий-попрошайка: «Пусти меня, странного человека, на подворье ночь переночевать. За то тебя бог не оставит, родителям твоим царство небесное...». Рыбы на суде называют его «нищей коробкой», сиротой, бродягой, не имеющим даже избы, «нищей копейкой», говорят, что он «тридцать лет под порогом стоял, куски просил» и т.д.

²⁹ Паус. С. 50.

³⁰ Там же. С. 113.

³¹ Симони. С. 189.

³² Яроsl. фольклор. С. 39.

Кроме того, писатель меняет трактовку образа и с помощью некоторых других художественно-изобразительных средств. Самыми пространственными прозвищами ерша в сказках являются следующие: плутишко, ябедничишко³³, кропачишко³⁴, брюханишко³⁵ и т.д. С помощью этих имен перед нами предстает довольно безобидный герой, вызывающий у слушателя скорее положительные эмоции, чем неприязнь. Шергин, во-первых, называет ерша хвастунишкой, нахальным («нахвально похаживает»), во-вторых, считает что он «стыд не имет». Характеризуют героя и отдельные детали: он не засмеялся, а «заржал», не говорит, а «звонит», на суде дает «плюху» (оплеуху) щуке, на судей не только плюет, но и сморкает (утрирование), лешу на прощание все оконцы «выхвостал», на осетра лезет с кулаками и грозит убить, ругается не только с щукой, но и с осетром и т.д. Таким образом, создается весьма непривлекательный образ драчуна, сквернословя и забияки.

Другие герои в целом не меняют своих функций, некоторые дополнения и отдельные детали делают эти образы лишь выразительнее. Например, судья Сом сидит «нога на ногу», лещи наделяются отвагой и умением постоять за себя. Во введенном в сказку Шергиным эпизоде боя-драки лещей с ершами лещи одерживают победу, вяжут ерша, завязывают ему рот и ведут к судье. Появляются и новые эпизодические лица. Если в народных сказках у лещей есть только жены, то здесь появляются и «деушки-лещихи», которые «постатно себя ведут, постатно по улочке идут, а ерши девок худыми словами лают».

Среди формул, описывающих сказочных персонажей, можно выделить отдельную группу развернутых имен-определений, которые неотделимы от тех персонажей, которых они определяют. Шергин воспользовался только одним из употребляемых в сказках прозвищ ерша — вор³⁶, другие — вполне оригинальны и не встречаются в фольклорной традиции: ершишко-хвастунишко, страхиля, бродяга. В других случаях образная характеристика персонажей создается при помощи имени и характеризующего его приложения — сом с большим усом³⁷. По образу и подобию народных Шергин создает и свои развернутые имена-определения: ершишко — нищая ты копейка, нищая ты коробка, кисла ты шерсть; Осетрина — старая корзина.

Стабильны в народной сказке и характеристики других рыб: елец — стрелец, карась — палач, «сундак» — растильщик, рак — приставной дык³⁸. В этих случаях рифмовка предопределяет дальнейшую характеристику героя, звучание названия дает единственный толчок к образованию парного имени. Писатель сохраняет в своей обработке только

³³ Афанасьев 1957, I. С. 113.

³⁴ Яросл. фольклор. С. 35.

³⁵ Афанасьев 1957, I. С. 113.

³⁶ Яросл. фольклор. С. 47.

³⁷ Ончуков. С. 2.

³⁸ Рождественская 1952. С. 112; Афанасьев 1957. I. С. 111.

характеристику ельца³⁹, все остальные он меняет, наделяя рыб каким-либо судейским чином — пристав Карась, понятой Судак, судья — рыба Сом.

Часто персонажи именуются по степени родства или социальному статусу: батюшка-Налим, честна вдова Шука⁴⁰, деушки-лещихи. Иногда Шергин добавляет к такой образной характеристике формы вежливого обращения — сударь-батюшка Налим, сударь рыба Лещ, господин судья. По образу и подобию народной сказочной поэтики Шергин создает и свои средства художественной выразительности.

Один из приемов, к которым обращается народная сказка позднего времени для углубления психологической характеристики персонажей, является *внутренний монолог*. В сказках о ерше используется внутренний монолог двух видов. В первом случае — это констатация немедленной эмоциональной реакции ерша на только что состоявшееся событие (семга попала в сети):

*Ерш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе, господи!
Вчера рыба семга
На ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сети попала»⁴¹.*

Во втором случае — это внутренняя мотивировка, коллективная внутренняя речь рыб, предвещающая определенные действия: «Собрались рыбы большие и мелкие, думу думали — совет советовали: как ерша, пустить ли единую ночь ночевать?»⁴²; «Остальные стали вместе собираться, думать, гадать: “Надо, ребята, на ерша прошение подать”»⁴³.

Шергин также обращается к внутреннему монологу, но использует его в других эпизодах, нежели народная сказка. В первом примере — это ретроспективная оценка настоящего в виде развернутого размышления героя. Ерш рассуждает, кого взять в свидетели и как это ему поможет выпутаться из создавшейся ситуации: «Рыба Налим — у его глаза малы, губища толсты, брюхо большо — ходить тяжело, грамотой не доволен. Он не пойдет на суд. А Шука — она пестра, грамотой востра, вся в меня, в Ерша. Она меня не выдаст». Кроме того, в данном примере писатель применяет сказочную традицию в описании налима. Во втором примере, как и в народной сказке, автор обращается к ситуации, когда внутренняя мотивировка предвещает какое-либо действие, поступок. Ерш обдумывает свое действие перед тем, как пойти мутить воду в Волге-реке: «Рыба Осетёр хитра-мудра, а если будет вода мутна,

³⁹ Рождественская 1952. С. 112.

⁴⁰ Ончуков. С. 2; Яросл. фольклор. С. 37.

⁴¹ Яросл. фольклор. С. 39.

⁴² Рождественская 1952. С. 52.

⁴³ Карелия. Альманах. С. 114.

Осетёр в гости пойдет и невода не минует». Таким образом, внутренний монолог в сказке открывает перед Шергиным новые возможности создания художественного образа сказочного персонажа и трактовки его сущности.

Повторяемость пронизывает всю сказку Шергина. Любит он там и здесь включать в повествование различные повторы (ночевал, ночевал; жил, жил; искали, искали) и синонимичные пары наподобие фольклорных (хитра-мудра, бились-дрались, родом-племенем, начинается-починается).

Но больше всего привлекает писателя *рифма*. Одной из характернейших черт стиля сказок Шергина является наличие размеренной и рифмованной речи. В сказке «Судное дело Ерша с Лещом» мало рифм повторяется, однако склонность к рифмованной речи заставляет автора изобретать всё новые и новые виды рифм по подобию фольклорных. В сказке встречаются две разновидности рифм: левая (пословицная) и традиционная (флексивная).

Левая или пословицная рифма обычно использовалась сказочниками-балагурами для создания комического эффекта. С той же целью применяет ее и Шергин: *налим — малы, мудра — мутна, приволокся — володеет, сом с большим усом, щупать — Шуку, Налима — учили, челом — колотит, раз — даст, пошел — попал, с похмелья — поздравляют*. Иногда для большего благозвучия писатель применяет своеобразный способ зеркального отражения того или иного слога: *вотчина — Осетрова, мимо — хором*.

Варьирование стихов со сходным ритмическим окончанием можно выявить в примерах с однородными глагольными и именными предикативными группами. Чаще всего встречается в тексте сказки глагольная рифма (19 раз): *увидали — отворотили, вернул — потрянул — плюнул, сидит — ходит, знает — ведает — обедает, оторву — приду* и т.д. Иногда к рифмующимся слогам добавляется приставка: *зачинается — починается, похаживати — подкальвати, схватили — спустили, прожился — проскудался, съели — расплевали, завязали — привели, подвесил — выпросился*.

Реже рифмуются именные пары с существительными (7 раз) или прилагательными (8 раз): *крепости — памяти, бобры — ковры, Осетрина — корзина, толстой — не промятой, быстрым — глубоким, костлива — хороша* и т.д.

Наряду с конечной рифмой Шергин иногда использует звуковой повтор или переключку гласных и согласных звуков: *стали — нашили, двери — недели, Семгу — сига*.

Таким образом, влияние народной сказки на литературную обработку Шергина прослеживается очень явно.

Обратимся к *другому источнику* сказки писателя — *древнерусской повести* «О Ерше Ершовиче». В сказках часто ерш имеет имя по типу имени-отчества (Ерш Ершович), но только в рукописной традиции он получает еще и фамилию Щетинников, в лубочном издании повести в

сборнике Ровинского она обозначена прямо в названии — «Повесть о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове»⁴⁴.

В целях усиления сатирической направленности сказки Шергин заимствует из древнерусской повести эпизоды, которые наиболее ярко демонстрируют бедственное положение небогатых людей, к каким причисляет себя и Ерш. В первом эпизоде ерш подробно поясняет, почему Сиг и Семга не годятся ему в свидетели: «Слаться нам, бедным людям, на таковых самосильных людей, Семгу и Сига, не мочно. Рыба Семга да рыба Сиг люди богатые. Вместе с лещами пьют и едят. И хотят они нас, малых людей изгубить». Сравним с повестью: «Господа судьи, на рыбу белугу и силяву, сельть не шлюсь для того, что они им в племени и пьют, ядят вместе, и по мне затем не скажут. И люди они прожиточные, а я человек небогатый...»⁴⁵. То есть Шергин очень близко передает смысл данного эпизода, цитируя некоторые слова.

Следующий эпизод из древнерусской повести, привлечший внимание писателя, можно разделить на две части: речь ерша на суде о том, что его многие богатые люди знают, и заявление рыб, доказывающее, что ерша знает лишь гольтьба. Почти дословно и в обработке, и в повести повторяются некоторые слова: «Знают нас, ершей... Покупают нас, ершей, дорогою ценою. И варят нас с перцем и с шафраном, и великие господа, с похмелья кушавши, поздравляют...» (ср.: «Знают меня на Москве князи и бояря, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцем и шавфраном, и с уксусом, и во всяких узорочиях, а поставляют меня перед собою чесно на блюдах, и многие люди с похмелья мною оправливаются...»⁴⁶).

Щука, не желая подтверждать ложь ерша, говорит о нем всю правду: «Останется у голи кабацкой от пропою копейка, дак на эту копейку вас, ершей, сотню купят. А и уху сварят — не столько наедят, сколько расплюют» (ср.: «Знают его на Москве на земском дворе... ярышки кобацкия, у кого лучитца одна денга, и на ту денгу купит ершево много, половину съедят, а другую расплюют и собакам розмечют...»⁴⁷).

И третий эпизод, заинтересовавший писателя своей социальной остротой, это описание реакции ерша на вынесенный приговор: «На ваши суды плюю и сморкаю! И Ерш хвостом вернул, головой тряхнул, плюнул в глаза всей честной братии, только его и видели» (ср.: «“Господа судьи! Судили вы не по правде, судили по мзде. Леща с товарищи оправили, а меня обвинили”. Плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хворост. Только того Ерша и видели!»⁴⁸).

Кроме того, в тексте авторской сказки есть единичный случай использования Шергиным сравнения из повести, которого не знает на-

⁴⁴ Ровинский. С. 173, 403—404.

⁴⁵ Очерки. С. 152.

⁴⁶ Рус. демокр. сатира. С. 8.

⁴⁷ Очерки. С. 149.

⁴⁸ Афанасьев 1957, I. С. 123.

родная сказка: «Да та худа рыба ерши ростом мала, а щетины у их, что лютые рогатины» (ср.: «Сам собою мал, а щетины у него стоят, что большие рогатины»⁴⁹; «А с хвоста устави́л щетины, что лютые рогатины»⁵⁰).

Следовательно, если из народной сказки Шергин заимствует прежде всего ее структурные принципы и поэтику, то древнерусская повесть служит писателю средством усиления сатирической направленности сказки. Смешением фольклорного и литературного стилей, различных лексических пластов достигается комический эффект, выражающий и авторскую иронию по отношению к персонажам его сказки. Но авторское начало не разрушает гармонии произведения, а дополняет его новыми оттенками, новым смыслом. Особенности работы Б.В.Шергина над сказками помогают выявить закономерности взаимовлияния фольклора и литературы.

Таким образом, П.П. Ершов рассматривает эпизодически образ забияки-ерша, живущего в рыбьем царстве, которым правит Кит; М.Е. Салтыков-Щедрин высмеивает людской суд над пискарем; Г.И. Успенский вводит в свое произведение героя по имени Ерш, создав образ задиристого человека, который сердится, топорщится, ершится; Б.В. Шергин берет за основу весь сказочный сюжет и создает свою авторскую обработку.

---

⁴⁹ Очерки. С. 149.

⁵⁰ Рус. демокр. сатира. С. 11.

Своеобразие языка русских сказок о Ерше Ершовиче

Необходимо отметить, что в отечественной фольклористике уже накоплен значительный опыт в деле разработки проблем фольклорной композиции, ее принципов, приемов, форм (компонентов). Однако в центре внимания ученых были композиционные особенности прежде всего песенных жанров народного поэтического творчества.

Композиционные особенности русских сказок о животных до сих пор не становились объектом изучения. Известны лишь отдельные суждения фольклористов о структуре сказок в контексте общежанрового исследования. Наиболее полной работой по данной проблеме считается исследование И.И. Крука «Восточнославянские сказки о животных»¹. Наряду с изучением образной системы автор также обращается к композиции восточнославянских сказок о животных. Он выделяет ряд композиционных принципов, приемов и элементов композиционной структуры восточнославянских сказок о животных. Другие исследователи уделяют некоторое внимание композиции сказок о животных, рассматривая сказку в целостном единстве. Э.В. Померанцева считает, что в композиции этих сказок нет ничего запутанного и осложненного даже в тех случаях, когда объединяется в одно повествование несколько сказок². В центре сказки обычно один эпизод, который может повторяться, не усложняя этим композиционную схему. Позже исключительно на этой же черте животного эпоса русского народа акцентировала внимание и Н.М. Ведерникова. «В основе сюжетного построения многих сказок, — отмечала она, — лежит мотив встречи... На многократности встреч строится композиция таких сказок... Порядок появления животных (“встреч”) определен идейным замыслом сказок»³. Н.И. Кравцов и С.Г. Лазутин в своем учебном пособии для наиболее примечательной особенностью построения сказок о живот-

¹ Крук И. Указ. соч. С. 50—110.

² Померанцева Э.В. Русская народная... С. 79.

³ Ведерникова Н.М. Указ. соч. С. 82.

ных называют не простой повтор встреч, а целенаправленное «нанизывание эпизодов»⁴.

Совершенно под другим углом зрения взглянул на композицию сказок о животных В.Я. Пропп. Сопоставляя композиционную целостность и единообразие волшебных сказок со структурными особенностями сказок о животных, он отмечал, что «в сказках о животных такое единство не может быть установлено», причиной тому — их композиционное разнообразие⁵. Однако ученый так и не указал на существование определенных типов композиционного решения в сказках о животных. Он выделил лишь основополагающие, на его взгляд, мотивы, которые являются движущей силой сказочного повествования. «Так, многие сказки, — пишет Пропп, — построены на коварном совете и неожиданном для партнера, но ожидаемом слушателями конце... Другой такой же повествовательной единицей является мотив неожиданного испуга». Кроме этого, Пропп верно подметил тот факт, что «одни сказки представляют собой нечто законченное, цельное, имеют определенную завязку, развитие действия и развязку и, как правило, не вступают в соединение с другими сюжетами, представляют собой законченное произведение», а другие, таких большинство, не обладают сюжетной самостоятельностью, а только некоторой особой соединяемостью, тяготением друг к другу⁶.

Таким образом, во всех этих суждениях в целом схвачена одна из важнейших особенностей сюжетной композиции сказок о животных: многократная повторяемость однотипных эпизодов, которая делает зыбкими четкие очертания сюжетной самостоятельности и зачастую приводит к контаминации различных сюжетов с открытой структурой. Но обширный материал животного эпоса русского народа, представленный на сегодняшний день не одной тысячей зафиксированных вариантов, дает основание говорить и о других принципах его композиционного строения.

«Повесть о Ерше Ершовиче» — сатира на судопроизводство. Здесь осмеянию предан сам процесс судопроизводства с его бюрократизмом, канцелярщиной и крючкотворством. Повесть написана языком, которым велись судебные акты, и этот же язык перешел в сказку⁷. Здесь сатирически изображены те тяжбы за землю, которые были особенно часты в середине XVII века.

Народные же сказки о животных не преследуют сатирических целей. В тех случаях, когда это все же имеет место, сказка оказывается не народной, а имеет литературное происхождение⁸. Всё это относится и к сказке о Ерше Ершовиче. Она — не фольклорного происхождения. Сказка о Ерше — повесть XVII века, представляющая собой острую

⁴ Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Указ. соч. С. 109.

⁵ Пропп В.Я. Русская сказка... С. 309.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 335—336.

⁸ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха... С. 63.

сатиру на тогдашнее московское судопроизводство. Она перешла в фольклор из литературы⁹.

Таким образом, в сказке о Ерше Ершовиче переплелись качества народной сказки о животных, сатирической сказки и свойства литературной сказки. Сюжетной композиции сказок о Ерше присущи черты и сатирической (бытовой) сказки. Попробуем это доказать. Сатирические сказки обычно имеют особую экспозицию или завязку, кульминационный пункт и развязку. Эти элементы композиции можно выявить и в сказках о Ерше.

Начинаются сказки не с челобитной и не с приезда Ерша в рукописной повести, а с некоей экспозиции. В двух вариантах ей предшествует еще зачин-прибаутка: «В некотором царстве, в некотором государстве, король на королевстве, на ровном месте как на бараны»¹⁰. «Слушайте, послушайте, стольники-полковники, про рыбное судьбище, про ершово побоище»¹¹. Наличие или отсутствие зачина, видимо, зависит от индивидуальной манеры сказочника, настроения, аудитории. Большинство сказок начинается с экспозиции — с описания самого Ерша или сообщения, откуда он появился:

*Зародился Ершишко-плутишко,
Худая головшко,
Шиловатый хвост*¹².

Говорится, что было жаркое лето, озеро, где жил Ерш, высохло¹³, загорелось. Или же сообщается, что Ерш вначале был большой¹⁴, раскормился в синем море¹⁵ и не понравилось ему жить на старом месте. Или, наоборот, «прискудилось», «прибеднялось»¹⁶.

После такого предварительного рассказа о Ерше говорится: «Садился ершишко на липовы дровнишка, поехал ершишко ко озеру ко Ростовскому»¹⁷; можно считать, что начинается центральная часть повествования устной сказки.

В начале некоторых устных сказок говорится, что озеро, где жил Ерш, загорелось. Пожар озера — постоянный мотив рукописной «Повести о Ерше». Дальнейший рассказ о приезде Ерша един во всех устных вариантах. Приехал Ерш в озеро и просится ночевать: «просилось, колотилось единую ночь ночевать»¹⁸, или просится час погулять¹⁹, или

⁹ Очерки. С. 124—224.

¹⁰ Смирнов. № 291. С. 749.

¹¹ Живая старина. Период. изд. Отделения этнографии Императорского Русского географического общества. СПб., 1898. С. 244.

¹² Афанасьев 1957. № 79. С. 113.

¹³ Озаровская. № 25. С. 213.

¹⁴ Сев. Двина. С. 104.

¹⁵ Смирнов. № 223. С. 618.

¹⁶ Афанасьев 1957. № 78. С. 113.

¹⁷ Рождественская 1952. № 30. С. 110.

¹⁸ Озаровская. № 25. С. 213.

¹⁹ Афанасьев 1957. № 78. С. 113.

попобедать и коня покормить²⁰. Как не пустить путника, ведь воров и разбойников пускаем, — решили рыбы²¹. А Ерш живет «от ночи до второй ночи, от двух ночей неделя, а от недели месяц, а от месяца полгода, а от полгода год»²². Развелось ершей видимо-невидимо, и стали они обижать другую рыбу, а Леша из его же дома выживать. Все эти мотивы (просьба пустить ночевать, совет рыб, обиды от расплодившихся ершей) присутствуют в «Повести...».

Далее повествование в устных сказках утрачивает единство. В одних вариантах Лещ идет жаловаться или подает жалобу²³. В других устных вариантах рыбы, старожилы озера, собираются на совет и решают, как быть, что с Ершом делать²⁴. В вариантах из Ленинградской и Псковской областей совет рыб повторяется трижды, из-за последовательного отказа рыб идти к «судье праведному» или Ерша — явиться на суд²⁵. В большинстве вариантов к судье идет выбранный или отправляются все вместе²⁶, иногда судью выбирают тут же.

Некоторые варианты ограничиваются этим совещанием и обрывают первую часть повествования²⁷, иногда предлагается рыбам по очереди пойти и проглотить Ерша²⁸, или Ерш убегает, не явившись в суд²⁹. Но в наиболее полных вариантах сказок рыбы решают призвать Ерша в суд и спросить, по какому праву он владеет озером и почему обижает рыб³⁰. Повествование идет по-разному: судья посылает за свидетелями, и они подтверждают, что «озеро Лещово»³¹, или Ерш заявляет, что грамоты сгорели в пожаре, а свидетели подтверждают, что пожар в озере действительно был³². В вологодском варианте выбранные рыбы идут «смотреть пепелище»³³, а в варианте, записанном в Северной Двине, еще и свидетели подтверждают, что был пожар³⁴. В наиболее полных вариантах есть также описание, как Ерш завел в невод Осетра или Щуку³⁵. Всё это находит соответствие в повести.

²⁰ Афанасьев 1957. № 79. С. 115.

²¹ Озаровская. С. 213.

²² Сев. Двина. С. 104—105.

²³ Ончуков. С. 2; Сев. Двина. С. 105; Живая старина... С. 244.

²⁴ Афанасьев 1957. № 77. С. 111; Озаровская. С. 213; Рождественская 1952. № 30. С. 111; Смирнов. № 29. С. 165.

²⁵ Смирнов. № 107. С. 352; Афанасьев 1957. № 78. С. 113.

²⁶ Афанасьев 1957. № 78. С. 113.

²⁷ Там же.

²⁸ Смирнов. № 223. С. 618.

²⁹ Там же. № 29. С. 166.

³⁰ Ончуков. № 1. С. 2; Озаровская. № 25. С. 213; Рождественская 1952. № 30. С. 110; Живая старина... С. 244; Афанасьев 1957. № 77, 79. С. 111, 117; Сев. Двина. С. 105.

³¹ Ончуков. № 1. С. 2.

³² Афанасьев 1957. № № 77, 79. С. 111, 117; Озаровская. № 25. С. 213; Рождественская 1952. № 30. С. 110.

³³ Живая старина... С. 244.

³⁴ Сев. Двина. С. 105.

³⁵ Рождественская 1952. № 30. С. 112; Живая старина... С. 244.

В процессе судебного разбирательства некоторые свидетели откупаются и не являются в суд³⁶, даются характеристики рыбам (влиятельная литературная сказка, такого нет в сказках о животных). Действует «пройдоха купец-Лоха»³⁷, «у Гарьюса губки тоненьки, платице беленько, речь московская, походка господска»³⁸. Но социальные характеристики редки. Чаще рыбы называются по их судебной должности: Пётр-Осётр-праведный³⁹, судья праведный рыба-Сом⁴⁰, Карась-подьячий⁴¹, Рак-приставной дьяк⁴², или характеризуются по внешнему виду: Сом с большим усом⁴³, Окунь в пожаре перья спалил, а у Сороги — глаза и теперь красные⁴⁴.

Кульминацией сказки является вынесение приговора ершу после того, как ему даже с помощью свидетелей не удается доказать свою невиновность. Иногда его «прогоняют со всей его силой»⁴⁵, а чаще всего или Белозёр-Палтус-рыба приказывает его схватить («Возьмите ерша!»)⁴⁶, или сом велит поставить на него вершу («Нашел бы Першу да поставил бы вершу!»)⁴⁷, или щука сама пытается его съесть⁴⁸. Наиболее полно представлен приговор суда и его исполнение в варианте из сборника «Ярославский фольклор»: государские посыльщики идут домой, ловят ерша и сажают его в петлю. Но по молитвам ерша бог дает дождь да слякоть, и ершу из петли удается выскочить⁴⁹.

Затем идет развязка действия — описание того, как ерш убегает от судей. Например, в сборнике «Карелия. Альманах» действие развивается таким образом: «Ершишка склался на вербовы дровишки... с Ростовского озера в Ростовскую реку, с Ростовской реки в Карбозёрское озеро. Там разжился, расплодился»⁵⁰.

Последняя, завершающая часть устных сказок рассказывает о том, как ловили и готовили Ерша. Она построена на созвучии слов, собственных имен, как и ритмическая повесть. Твердого текста ее нет, так как варианты созвучий разнообразны. У одних сказителей эта часть большая⁵¹, у других сокращается до шести—девяти

³⁶ Ончуков. № 1. С. 2; Живая старина... С. 244.

³⁷ Смирнов. № 29. С. 165.

³⁸ Афанасьев 1957. № 7. С. 116.

³⁹ Там же. № 78. С. 113.

⁴⁰ Там же. № 77. С. 111.

⁴¹ Живая старина... С. 244.

⁴² Рождественская 1952. № 30. С. 111.

⁴³ Афанасьев 1957. № 77. С. 111.

⁴⁴ Рождественская 1952. № 30. С. 112.

⁴⁵ Ончуков. С. 2.

⁴⁶ Яросл. фольклор. № 18.

⁴⁷ Ончуков. С. 2.

⁴⁸ Рождественская 1952. № 30; Озаровская. № 25.

⁴⁹ Яросл. фольклор. № 17.

⁵⁰ Карелия. Альманах.

⁵¹ Афанасьев 1957. № 79. С. 119—120.

параллелей⁵². Наиболее часто, можно сказать всюду, встречаются со-
звучия:

*Пришел Перша,
Поставил вершу,
Пришел Богдан,
И Ерша бог дал <...>
Пришел Савва,
Вынял с Ерша полтора пуда сала <...>
Пришел Елизар,
Блюдо облизал⁵³.*

Во всех вариантах описание поимки Ерша логически присоеди-
няется к сказке, хотя по составу действующих лиц и смыслу по-
вествования — это самостоятельное произведение. В первой части
участники событий — рыбы, хотя их действия вполне человече-
ские, а во второй — люди. Но действия их связаны с событиями, раз-
вертывающимися в озере. Люди завершают эти события. Они ловят
Ерша, который скрылся от суда рыб. В двух вариантах это становится
особенно заметно. В сказке, записанной в Рязанской области, прав-
да очень краткой, поимка Ерша людьми следует непосредственно за
последовательным отказом рыб сделать это. Рыбы отказались поймать
Ерша, а Никон «стал по озеру колья тыкать»⁵⁴. Вариант этот краткий,
в нем очевидны пропуски и искажения, но эпизод ловли Ерша присо-
единяется очень умело⁵⁵.

Вторая часть сказки о ловле Ерша очень похожа на формульные
сказки о животных. Они очень веселые, независимо от того, умер
главный персонаж или нет (ловля, приготовление ерша и съедение).
Источник этого комизма видят то в веселой игре, то в резком не-
соответствии ничтожности происходящего чудовищному нарастанию
последствий⁵⁶. Но не менее важна в таких сказках откровенная игра
словом и тяготение к рифме. Всё это характеризует и сказки о Ерше.

Таким образом, обзор содержания устных вариантов сказки о Ерше
показывает, что все они состоят из двух частей, обнаруживающих
тенденцию к более тесному логическому объединению. Сказки ред-
ко дают полное развернутое повествование. Они не всегда удержи-
вают полностью весь сюжет, восполняют детали фантазией. Чаще всего
забывается конец первой части (судебное разбирательство). Но при
любой краткости первой части сказки вторая часть ее — рассказ о
ловле Ерша — всегда присутствует. Необходимо также отметить, что в
устной традиции есть тенденция к разработке отдельных мотивов.

⁵² Смирнов. № 223. С. 618.

⁵³ Афанасьев 1957. № 79. С. 119—120.

⁵⁴ Смирнов. № 223. С. 618.

⁵⁵ См.: Митрофанова В.В. Указ. соч. С. 169—172.

⁵⁶ Пропт В.Я. Русская сказка... С. 243.

* * *

В традиционной сказке о животных обычно не бывает портретных и психологических описаний. Характеры персонажей выявляются обычно из их действий и поступков. В этом случае немаловажное значение для создания образной характеристики героев приобретают их **имена-прозвища**.

Прозвища — это краткие, образные выражения, появляющиеся и функционирующие в народной речи для эмоциональных, как правило комических, оценок особенностей характера, поведения, внешности, бытовых привычек, профессиональных занятий отдельных лиц и целых групп⁵⁷. Они обладают тенденцией вхождения в жанры и являются своеобразным строительным материалом устного народного творчества.

Проблема фольклорной специфики прозвищ не решена. Вопрос о происхождении прозвищ сводился и сводится к выявлению их генетических и исторических истоков. Остаются невыясненными природа образности, а также поэтика и морфология прозвищ.

Прозвища связаны с целым комплексом жанров — былинами, анекдотами, преданиями, поговорками и песнями. Но не менее отчетливы связи прозвищ с народной традицией на уровне сказки.

На роль имен-прозвищ в стилистической структуре восточнославянских сказок обращает внимание Л.Г. Бараг, который считает, что они «представляют интерес как выражение единства стиля сказок восточнославянских народов и мощного влияния русской сказки на сказки белорусов и украинцев». Он объясняет совпадение довольно многих имен-прозвищ героев русских, белорусских и украинских сказок влиянием русской лубочной традиции⁵⁸.

А.М. Смирнов-Кутачевский при анализе имен-прозвищ в восточнославянской сказке находит, что в их основе лежит не одно звуко-подражание, а зрительные, слуховые и моторные впечатления⁵⁹.

На именах сказочных персонажей специально останавливается Н.В. Новиков в своей работе «Образы восточнославянской волшебной сказки». Он исследует систему образов сказки и указывает, что персонажи (герои) получают прозвище либо по социальному положению, либо по условиям жизни, либо по поведению.

Особенно большой материал для выявления роли имен-прозвищ в создании характеристики героев дает для нас сказка «Ерш Ершович» (АА254*). Восходит она к книжной повести XVII века «О Ерше Ершовиче», которая в устном изложении получила подлинно народную интерпретацию, приобретая форму и стиль традиционных сказок о животных.

⁵⁷ *Карташева И.Ю.* Прозвища как явление русского устного народного творчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. С. 15.

⁵⁸ *Бараг Л.Г.* Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 27.

⁵⁹ *Смирнов-Кутачевский А.М.* Творчество слова в народной сказке // Художественный фольклор. М., 1927. Т. II—III. С. 71.

Этой сказке посвящено довольно много исследований, мы же остановимся в основном на одном аспекте — выявлении роли имен-прозвищ в создании образной характеристики героев.

Содержание сказки преимущественно сводится к описанию судебной тяжбы между ершом, обманным путем вселившимся в озеро, и его старожилами — лещом, щукой и другими рыбами. Сказка имеет сатирическую направленность.

В народном сознании существенным элементом в раскрытии мифологической символики рыб является их акустическая характеристика: тот факт, что в нашем сюжете «немые» рыбы не только говорят, но даже судятся между собой, сразу дает нам понять, что мы переносимся в нереальный, несуществующий, перевернутый мир, в котором всё возможно. Прозвище тоже по-особому связано со временем: оно «фиксирует в нем момент смены и обновления, оно не увековечивает, а переплавляет, перерождает, это — “формула перехода”»⁶⁰.

Та или иная ситуация выявляет лишь какое-то одно свойство героя, но, благодаря повторяемости в вариантах, оно усиливается и приобретает известную обобщенность и типизацию. Например, одно из наиболее часто встречающихся прозвищ ерша, характеризующих особенности его характера — это *ершишка-плутишка*⁶¹ или *ершинька-плутишка*, *ершка-плутка*⁶², следующие по частоте употребления эпитеты — *ябедничушка (ершишка-ябедничушка)*⁶³, *ери-ябедник*⁶⁴, *ершишко-кропачишко* (т.е. кропотливый, беспокойный)⁶⁵, *пагубнишко*⁶⁶, *бездельник*⁶⁷, *клеветник*⁶⁸, *вор*⁶⁹.

В данном случае, по определению И.А. Разумовой⁷⁰, мы получаем устойчивое наименование, состоящее из двух слов. Первое приравнивается к собственно имени (так как есть сказки, в которых герой называется Ерш Ершович⁷¹ по типу имени-отчества), второе слово является приложением прозвищем. Имя нарицательное в первой части указывает на обобщенно-типизированную природу персонажа (ершей много), а приложение в постпозиции несет основную информацию о герое.

Суффиксы субъективной оценки (-ишк-, -иньк-, -к-, -иц-) не только помогают сказочнику создать положительное или отрицательное

⁶⁰ Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 1997. Т. 5. С. 101.

⁶¹ Карелия. Альманах. С. 114; Ярослав. фольклор. С. 39, 47.

⁶² Карелия. Альманах. С. 114.

⁶³ Ончуков. С. 2.

⁶⁴ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 76.

⁶⁵ Ярослав. фольклор. С. 35.

⁶⁶ Там же. С. 35.

⁶⁷ Смирнов. С. 165.

⁶⁸ Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 125.

⁶⁹ Ярослав. фольклор. С. 47.

⁷⁰ Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск. 1991. С. 63.

⁷¹ Сев. Двина. С. 105; Померанцева. С. 62; Ярослав. фольклор. С. 35.

отношение к фольклорному персонажу при его характеристике, но и переносят это отношение на названия связанных с ним предметов и явлений⁷².

Например, пренебрежительное отношение к ершу, выраженное суффиксом субъективной оценки *-ишк-*, переносится также на предметы и явления, с ним связанные. Выделим следующие цепочные структуры: ершишка — в домишке, попал в неводишко, закричал голосишком⁷³; на санишках о трех копытишках⁷⁴; в лаптишках, свалился с мостишка⁷⁵; жил в озерике⁷⁶; садился на дровишка⁷⁷; в городишке, дочеришку, сынишку⁷⁸.

Этот же самый прием используется и по отношению к другим рыбам, но уже с иным суффиксом субъективной оценки *-ищ-*, создающим эффект положительной оценки фольклорного персонажа: лешище — озерище⁷⁹; лещ — лешище — хвостеище⁸⁰.

В варианте из сборника «Фольклор русского населения Прибалтики» на применение имен с суффиксом субъективной оценки *-ищ-* накладывается прием *ступенчатого сужения образов*:

*Вот было большое озерище,
В это озерище приехали ловчища,
И в это озерище закинули неводище,
И в это наводище попал ершище,
Этого ершища привезли на бережище,
К этому ершищу пришли купчищи*⁸¹.

Можно составить следующую схему:

1. Озерище.
2. Ловчища.
3. Неводище.
4. Ершище.
5. Бережище.
6. Купчищи.

То есть здесь наблюдается не только ступенчатое сужение образов, акцентирующее наше внимание на ершище, но и ступенчатое возвращение на прежнюю позицию — так называемое «расширение образов».

⁷² *Оссовецкий И.А.* Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // Труды института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. VII. С. 477.

⁷³ Афанасьев 1957. С. 113—114.

⁷⁴ Там же. С. 113; Гура. С. 217.

⁷⁵ Бахтин—Ширяева. С. 76.

⁷⁶ Ончуков. С. 2.

⁷⁷ Карелия. Альманах. С. 114; Озаровская. С. 213.

⁷⁸ Яросл. фольклор. С. 47.

⁷⁹ Ончуков. С. 2.

⁸⁰ Гура. С. 217.

⁸¹ Прибалтика. С. 229.

Балагурство — одна из возможных традиционных манер ведения рассказа в сказках о животных. Балагурно-шушливый стиль описаний и повествований может проявляться в ритмической организации фразы, рифме и созвучиях, а также в приеме *гиперболизации*. Прием гиперболизации был одним из способов пародирования в комических жанрах средневековья. Своеобразной формой народного смеха были краткие песенно-речитативные диалоги, один из которых (известный в нескольких вариантах) был записан в Поволжье:

— *Баба ли бабища в больших новых лаптищах... Что у тебя в пестернице, али пирожнице?*

— *Пирожнице, мой батюшка, пирожнице.*

— *Баба ли ты бабища, с чем у тебя пирожнице, Али с мящиком?*

— *С мящиком, мой батюшка, с мящиком...*⁸²

Влияние художественных традиций скоморохов сказалось и на существовании шуточных песен о комаре, которым присущи те же черты чрезмерной гиперболизации:

Сел комарище на дубище,

Свесил ноги на сучище,

*Обломилося сучище...*⁸³

Встречается данный прием и в других сказках о животных: «Откуль взялся старый старичище, серый волчище, поднял хвостиче, свинье челом отдал: “Здравствуй, милая жена, супоросая свинья!”»⁸⁴.

Таким образом, в сказках о ерше при создании образных характеристик некоторых персонажей иногда используется прием чрезмерной гиперболизации, который несомненно можно отнести к художественному арсеналу скоморохов.

Среди формул, описывающих сказочных персонажей, можно выделить отдельную группу развернутых имен-определений, которые неотделимы от тех персонажей, которые они определяют, — это и имя, и атрибут одновременно.

Сказка вообще склонна нагромождать образы. Например, создается прозвище-кличка от названий частей тела: *ершишка — худа головишка, слюноватый нос, хореватый хвост*⁸⁵, *шиловатый хвост*⁸⁶.

В некоторых случаях образная характеристика персонажа создается при помощи имени и характеризующего приложения:

⁸² Власова З.И. Скоморохи и фольклор // Русский фольклор. Л., 1987. Т. XXIV. С. 59.

⁸³ Традиционный фольклор Новгородской области. Л., 1979. С. 239.

⁸⁴ Афанасьев 1957. С. 38.

⁸⁵ Карелия. Альманах. С. 114.

⁸⁶ Там же.

ершишка — слинистые басни и попова утеха⁸⁷;
щука — голы щеки, долги твои зубы⁸⁸;
осетрище — большая головища⁸⁹;
сом — с большим усом⁹⁰;
семга — боки твои сальны, *сельдь* — бока твои кислы⁹¹.

Многие имена-определения тяготеют к бранному, проклинающему полюсу языковой жизни. «Прозвищем прогоняют, пускают его вслед, как ругательство. Подлинное прозвище (как и подлинное ругательство) амбивалентно, биполярно»⁹². Например, в имени-прозвище ершишка-брюханишка⁹³ слово брюханишка одновременно имеет и оттенок грубости, и грамматически-ласкательную форму.

Для усиления впечатления к имени персонажа добавляются бранные определения и эпитеты: *ершишка* — *костистая рожка*⁹⁴; *костровая рожка*⁹⁵; *с головы кослив, с дыры дрислив*⁹⁶; *лихая образина*⁹⁷; *щука* — *кобылья твоя рожка*⁹⁸.

Так же стабильны в сказке, как образ ерша, характеристики прочих рыб — сома, карася, «сундака», рака, ельца и других. Они настолько стабильны, выношены, отшлифованы, что сказочники неразрывно связывают с названием рыб эпитеты, наделяющие их каким-либо профессиональным умением: карась — палач⁹⁹, подьячий¹⁰⁰, «сундак» — ростильщик¹⁰¹, рак — приставной дяк¹⁰², елец — стрелец¹⁰³, боец¹⁰⁴. Эти эпитеты подобраны без всякой привязки к имени. В этом случае рифмовка предопределяет дальнейшую характеристику героя, звуковое название имени дает единственный толчок к образованию парного слова.

Такую же игру слов ради игры представляет собой имя-прозвище Налим-Куим. Слово Куим ничего не обозначает, в нем есть лишь некоторый оттенок звукоподражательности.

⁸⁷ Гура. С. 217.

⁸⁸ Сев. Двина. С. 105.

⁸⁹ Пермский сборник. Указ. соч. С. 125.

⁹⁰ Смирнов. С. 131.

⁹¹ Яросл. фольклор. С. 43.

⁹² Бахтин М.М. Указ. соч. С. 101.

⁹³ Афанасьев 1957. С. 113.

⁹⁴ Гура. С. 217.

⁹⁵ Смирнов. С. 131.

⁹⁶ Ончуков. С. 2.

⁹⁷ Яросл. фольклор. С. 39.

⁹⁸ Сев. Двина. С. 105.

⁹⁹ Ончуков. С. 2.

¹⁰⁰ Гура. С. 217.

¹⁰¹ Ончуков. С. 2.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же; Озаровская. С. 213.

¹⁰⁴ Яросл. фольклор. С. 37.

Часто персонажи сказки именуется по степени родства: батюшка-налим¹⁰⁵; плотичка-сестричка¹⁰⁶; матушка, белорыбица-осетра¹⁰⁷; Палтус-матушка-рыба¹⁰⁸. Однако здесь имеются в виду не реальные родственные отношения, а просто знак уважительного, почтительного обращения друг к другу.

Иногда рыбы получают прозвище по наиболее характерному для них действию: налим-шипялюн¹⁰⁹, щука-колыба¹¹⁰, плотица-плёха¹¹¹.

«Прозвище делает прозываемого определенным, исчерпанным, разгаданным и больше ненужным... Разгадывание прозвища в сказке приводит к гибели разгаданного»¹¹². Для подтверждения этой мысли мы можем привести в качестве примера сказку «Звери в яме». В ней лиса, попавшая с другими в беду, чтобы спасти себя, выдумала спрашивать имена:

*Чье имя хуже, того и съедим:
Медведь-медведухно — имечко хорошее,
Лиса-олисава — имечко хорошее,
Волк-волчухо — имечко хорошее,
Зяяц-зайчухно — имечко хорошее,
Петух-петушухно — имечко хорошее,
Кура-окурова — имя худое!*¹¹³

Курочку и съели. Потом оказалось худым (разгаданным) имя петуха. Всякий раз звери поедают самого слабого, и на этом основан весь лисий умысел.

Ерш тоже получает множество прозвищ, самое распространенное из которых — плутишка или плут. Он назван, то есть разгадан, поэтому должен умереть. Не зря большая часть сказок этого типа завершается ловлей ерша, его приготовлением и съедением.

«Прозвище не благословляет на жизнь и не приобщает к вечной памяти, но посылает в телесную могилу для переплавки и нового рождения»¹¹⁴. Наверное, поэтому гибель ерша не воспринимается трагически. На несерьезность, нетрагичность его смерти намекает нам и то, что концовка большинства сказок о ерше построена на игре рифмами и созвучиями к собственным именам. Каламбурно-пословичные созвучия придают концовке сказки комический оттенок.

¹⁰⁵ Ончуков. С. 2.

¹⁰⁶ Афанасьев 1957. С. 113.

¹⁰⁷ Гура. С. 217.

¹⁰⁸ Карелия. Альманах. С. 114.

¹⁰⁹ Смирнов. С. 132.

¹¹⁰ Сев. Двина. С. 105.

¹¹¹ Смирнов. С. 132.

¹¹² Бахтин М.М. Указ. соч. С. 101.

¹¹³ Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1977. С. 62.

¹¹⁴ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 102—103.

Несомненно, что проблема выявления роли имен-прозвищ в создании образной характеристики героев в сказке сложна и многоаспектна. Герой получает прозвище по особенностям характера, профессиональной принадлежности, степени родства, по наиболее характерному для него действию, названиям частей тела. Наибольшей положительной степенью языковой трактовки наделяются прозвища по виду родства, они ближе стоят к имени с его хвалебными характеристиками. Наиболее сниженными оказываются прозвища по названиям частей тела.

Уже то, что во многих сказках отмечаются одни и те же качества ерша, переходящие в прозвища, указывает на определенный стереотип художественного мышления, связанный с художественной традицией. Повторяемость прозвищ рыб свидетельствует не только о сходстве, повторяемости самой действительности, но и о традиционности речевых характеристик. Например, прозвище «меньки толстоголовые», употреблявшееся жителями Олонецкого края, было зафиксировано еще в 1901 году¹¹⁵.

Художественный смысл сказки при создании образной характеристики состоит в том, чтобы при помощи прозвища дать меткое обозначение, в одном-двух словах передать характерную сущность героя. Нужно отметить относительную закреплённость структуры имен-прозвищ, которые чаще всего создаются при помощи суффиксов с оттенком смехового снижения и состоят из двух, реже трех и более слов (имени и прозвища, имени и эпитета с определяющим его словом, имени и характеризующего его приложения). Иногда имя-прозвище в такой степени насыщается оценочным содержанием, что эта оценка переходит на соседние с ним предметы и явления.

Таким образом, сочетая различные стилистические средства (созвучия, рифмы) с поэтическими приемами, сказка в создании имен-прозвищ достигает большой выразительности.

* * *

При анализе языка повести и сказок о ерше можно выделить одну интересную особенность. Вся повесть и некоторые сказки пронизаны «смеховыми снижениями», к которым автор прибегает для создания своеобразного нереального, нелогичного, перевернутого «антимира». В «Повести о Ерше» «перевернутость» подчеркивается тем, что действие переносится в мир рыб¹¹⁶.

Снижение своего образа и всего того, что является святым, благочестивым, почетным, было типично для средневекового, в частности древнерусского, смеха. Древнерусская литература знала немало этикетных форм авторского смирения. Например, некоторые из анонимных авторов сопровождали свое имя такими самоуменьшающими эпитетами,

¹¹⁵ Народные присловья о городах и племенах Олонецкого края // Филологические записки. 1902. Вып. 1—2. С. 8.

¹¹⁶ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 17, 77.

как «худый», «недостойный» и проч. Самоуничжение включалось в литературный этикет средних веков как неперемный составной элемент. Например, Аввакум в своих писаниях пытался убедить не только других, но прежде всего самого себя в своем ничтожестве. Отсюда его типичный для средневековья смех над самим собой.

Для поведения Ивана Грозного также было характерно притворное самоуничжение, которое приобретает особенно яркое воплощение в его писаниях. Так, в своей челобитной Симеону Бекбулатову Грозный употребляет все наиболее уничижительные самоназвания и выражения, принятые в челобитных тех лет: «Государю великому... Иванец Васильев со своими детишками... челом бьет...»¹¹⁷.

Сравним с примерами из повести и сказок.

В повести: «*Господам моим... бьет челом кормовой сынишко боярской лешишко со товарищи...*»¹¹⁸; «*Бьют челом и плачутся сироты божи и ваши крестьянишка...*»¹¹⁹; «*А тот Ерш... пришел из вотчины своей... к нам с женою своею и з детишками своими...*»¹²⁰.

В сказке: «*Бьют челом и плачутся убогие сироты, нищие крестьяне...*»¹²¹.

Далее Иван Грозный в своей челобитной продолжает: «Окажи милость, государь, пожалуй нас!». Найдем параллели в наших вариантах.

В повести: «*Смилуйтесь, господа, дайте нам на него (ерша) суд и управу...*»¹²²; «*Смилуйтесь, государи бояря судьи, дайтея праведный суд*»¹²³.

В сказке: «*Смилуйтесь, господа судьи! Не дайте нам, убогим сиротам, дожить до конечного разорения и укажите дать праведной суд нам, нищим крестьянам...*»¹²⁴.

Соответственно со стилем челобитных Иван Грозный уничижительно называет все, о чем просит: «вотчинишки», «поместышки», «хлебишко», «деньжонки», «рухлядишко»¹²⁵, используя при этом уменьшительные суффиксы. Приведем похожие примеры из повести и сказок.

В сказке: «*...били на него челом в насильном разграблении наших животишек...*»¹²⁶.

В повести: «*А не тать и не разбойник, доброй человек, живу я своею силкою, кормлюсь вотчинкою...*»¹²⁷; «*Лещ да голавль добрые люди, кормятся своею силкою, вотчинкою...*»¹²⁸.

¹¹⁷ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 35.

¹¹⁸ Очерки. С. 148.

¹¹⁹ Рус. демокр. сатира. С. 7.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Сахаров. С. 154.

¹²² Рус. демокр. сатира. С. 7.

¹²³ Рус. повести. С. 137.

¹²⁴ Сахаров. С. 156.

¹²⁵ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 34.

¹²⁶ Сахаров. С. 155.

¹²⁷ Рус. повести. С. 137.

¹²⁸ Там же. С. 138.

Так же уничижительно отзываются персонажи повести и сказок о себе, своих обидчиках и других рыбах. Рассмотрим примеры такого самоуничтожения.

В повести: «А родом есьми аз истариниший человек, детишка боярские... А ныне меня, бедного, отнють предают напрасно...»¹²⁹; «А нас с женишками и детишками хочет поморить голодною смертью...»¹³⁰.

В сказках: «Похотели меня, Ерша, со всем моим домишком искоренить меня напрасно...»¹³¹; «А я, Ерш, человек убогой, и мне Ершу, за езду поезжаное платить приставу с понятыми нечем...»¹³²; «У меня, Линя, и глаза малы, и говорить не умею и память худа, за хворостию с места не схожу...»¹³³; «У меня глаза малы, я далеко не вижу, говорити не умею, у меня губы толсты, неровно меня судья спросит на очи, и его слюнами забрызжу!»¹³⁴.

Встречается в текстах и унижение своих обидчиков, что подтверждается следующими примерами.

В повести: «Упросил себе пожить на время, обогреться и покорчиться с женишкой и детишками своими... И тот Ершишка воршишка... в нашем Ростовском озере пол-лета пожил...»¹³⁵; «Матушка Белозёр-Палтос-рыба! Почему ершишко-плутишко, худая головишко, разжился, распоселился в нашем Ростовском озере...»¹³⁶; «Знают его по Москве... ярышки кабацкие...»¹³⁷; «Приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках...»¹³⁸.

Используется в повествовательной структуре повести и сказок и так называемое «смеховое снижение».

В повести: «Собрался он, ершишко-плутишко, на свои на ветхие дровнишки...»¹³⁹; «Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своими маленькими ребятишками...»¹⁴⁰.

В сказках: «Жил-был ершишка в барском домишке — брюхатишка, ябедничка. Проскудалось ершу, приbedнялось ему; поехал ершишко в Ростовское озеро на худенких санишках об трех копылишках. Закричал ершишка своим громким голосишком...»¹⁴¹; «На почине ершишка попал в неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазенки вытаращил...»¹⁴²;

¹²⁹ Рус. демокр. сатира. С. 8.

¹³⁰ Рус. повести. С. 137.

¹³¹ Сахаров. С. 160.

¹³² Там же. С. 162.

¹³³ Там же. С. 165.

¹³⁴ Гура. С. 217.

¹³⁵ Рус. повести. С. 137.

¹³⁶ Афанасьев 1957. С. 116.

¹³⁷ Очерки. С. 149.

¹³⁸ Рус. демокр. сатира. С. 7.

¹³⁹ Афанасьев 1957. С. 116.

¹⁴⁰ Афанасьев 1957. С. 111.

¹⁴¹ Там же. С. 113.

¹⁴² Там же. С. 114.

«Жил Ершишка
В новом городишке.
Прижил Ершишка
Одну дочеришку.
Выдал дочеришку
За боярского сынишку.
Боярский сынишка —
Вор и плутишка...»¹⁴³.

В повествовательной структуре повести и сказок наряду с приемом «смехового снижения» используется также прием *ступенчатого сужения образов*, который еще больше акцентирует наше внимание на уникальности героя.

Характеризуя этот прием, Б.М. Соколов писал: «Под ним мы разумеем такое сочетание (внутреннее сцепление) образов, когда образы ступенчато следуют друг за другом в нисходящем порядке от образа с наиболее широким объемом к образу с наиболее узким объемом содержания... Последний, наиболее “суженный” в своем объеме образ, как раз с точки зрения художественного задания песни, является наиболее важным. На нем-то, собственно говоря, и фиксируется внимание»¹⁴⁴.

Этот прием используется в основном для углубления образа самого ерша и уточнения детали, на которую автор хочет обратить наше внимание.

В повести: «И было в Ростове озере дворишко худое, во дворишке клитишко, в клитишке коробышко, в коробышке пути и грамоты...»¹⁴⁵;

«Там была у еришишка избиишка,
В избиишке были сенишки,
В сенишках клетиишко,
В клетиишке ларцишко,
В ларцишке замчишко,
У замчишка ключишко, —
Там-то были книги и отписи
И паспорта, и все погорело!»¹⁴⁶.

В сказках:

«Вот пришла записка, случилась бедишка,
Загорелось Зарецкое озериишко,
На этом озериишке калиновый мостишко,
По этому мостишку ехал еришишка,
На липовых санишках в берещёных лаптишках,
Мостишко обломился, еришишко в воду ввалился...»¹⁴⁷;

¹⁴³ Ярослав. фольклор. С. 47.

¹⁴⁴ Соколов Б.М. Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 39—40.

¹⁴⁵ Очерки. С. 160.

¹⁴⁶ Афанасьев 1957. С. 117.

¹⁴⁷ Бахтин—Ширяева. С. 76.

«Был коробишко, а в коробишке кулишка, а в кулишке пути и памяти...»¹⁴⁸.

«В маленькой речке, под мельничной сланью, под большим камнем есть лить»¹⁴⁹.

В литературной обработке этой повести («Поморских былях и сказаниях» Б.В. Шергина) автор использует этот прием дважды в одном абзаце, что придает речи ерша особую продуманность. Он заставляет судей два раза выслушать его слова о якобы имевшихся бумагах, прежде чем заявляет, что они сгорели: «У моего-то папеньки была в озере Онежском избишка, в избишке были сенишки, в сенишках была клетушка, а в клетушке сундучишко под замчишком. В этом сундучишке под замчишком были у меня, доброго человека, книги, и грамоты, и судные записи, что озеро Онего — наша, Ершова вотчина. А когда, грех наших ради, наше славное Онего горело, тогда и тятенькина избишка, и сенишки, и клетушка, и сундучишка под замчишком, и книги, и грамоты, и судные записи — всё сгорело, ничего вытащить не могли»¹⁵⁰.

Однако самой низкой ступенью «смехового снижения» являются в повести и сказках *бранные слова*. М.М. Бахтин утверждает, что для фамильярно-площадной речи средневековья было характерно довольно частое употребление ругательств, то есть бранных слов и целых бранных выражений. Они представляли собой одну из форм гротескного реализма, которая снижала, приземляла, отелеснивала все, чего касалась. Народный смех исконно был связан со снижением¹⁵¹. Очень много бранных выражений употреблял в своей речи и посланиях Иван Грозный.

В нашем случае бранные слова используются в основном при характеристике ерша.

В повести:

*«Зародился еришишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый хвост,
Слюноватый нос,
Киловатая брюшина,
Лихая образина,
На рожге кожа — как елова кора...»¹⁵²;*

«Жалоба вам, господа, на Ерша и Ершёва сына, на щетину ябедника, а лихую образину, на раковые глаза, на острые щетины, на бездельника, неподобного человека... А тот ерш-ябедник, бездельник, обмерщик, авворщик, лихой человек, посылая собаку, острые щетины... захурился

¹⁴⁸ Сев. Двина. С. 105.

¹⁴⁹ Гура. С. 218.

¹⁵⁰ Шергин. С. 180.

¹⁵¹ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 47, 51.

¹⁵² Афанасьев 1957. С. 115.

и заморался...»¹⁵³; «А тот ерш... на свету мало бывает, да что змий ис куста кусает с щетинём своим...»¹⁵⁴; «Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу?»¹⁵⁵.

Соответственно, каков привет, таков и ответ. Ерши тоже не спускают своим обидчикам.

В сказках: «Ой ты, щука-колыба, долги твои зубы, кобылья твоя рожка...»¹⁵⁶; «Ах, ты, рыба сёмга, боки твои сальны! / И ты, рыба сельдь, бока твои кислы!»¹⁵⁷.

Однако одновременно со «смеховым снижением» в наших вариантах присутствует и «смеховое возвышение» или «возвеличивание».

В смеховой литературе средних веков развивались среди других жанров смеховой риторики и комические «хвалебные слова», или «Прославления». «На ранних этапах, в условиях доклассового и догосударственного общественного строя, серьезный и смеховой аспекты божества, мира и человека были, по-видимому, одинаково... официальными. Это сохранялось иногда в отношении отдельных обрядов и в более поздние периоды. Например, в Риме и на государственном этапе церемониал триумфа почти на равных включал в себя и прославление и осмеяние победителя»¹⁵⁸. Славянский свадебный фольклор тоже имел в своем составе одновременно и корильные песни, в которых про жениха говорилось — «глаза дырочками, ноги пилочками», и величальные, уже использующие слова с совершенно противоположным значением — «ясный сокол», «князь».

Точно так же и «Повесть о Ерше», ассимилировавшись в устной сказочной среде, не только впитала в себя «смеховое умаление» (влиятельные стили челобитных и других официальных документов той эпохи), но и, в свою очередь, позаимствовала в какой-то степени из фольклора возвеличивание героев и связанных с ними явлений и вещей. Фольклор предлагает разные способы характеристики персонажей. Иногда два способа объединяются в одном произведении и мотивируются, как, например, в следующем варианте, записанном в Северной Двине¹⁵⁹:

«В прежние годы, в досельные времена, был Ерш, как мясной бычище: было головище, как пивоваренное котлище, были глазища, как пивные чашки». Далее сказочница А.А. Пономарева объясняет, почему ее герой, бывший в начале сказки таким большим, потом становится маленьким: «Он жил в Ростовском озере, в хламоватом да маловатом. Буйную голову о камня стегал, а глаза в сучья втыкал, а брюхо о хлам ошоркал, и сам маленький стал».

¹⁵³ Очерки. С. 151.

¹⁵⁴ Там же. С. 152.

¹⁵⁵ Рус. сатир. сказка. С. 131.

¹⁵⁶ Сев. Двина. С. 105.

¹⁵⁷ Яросл. фольклор. С. 43.

¹⁵⁸ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 37.

¹⁵⁹ Сев. Двина. С. 104.

Так был красочно преобразован сказочницей один из интересных эпизодов повести о том, как ерш отговаривал осетра от намерения идти в «Ростовское озеро жировать». Ерш описывает себя, каким он был, пока не попал в Ростовское озеро. Но в повести уже используются несколько другие художественно-изобразительные средства, чем в сказке. Здесь уже нет имен с суффиксом субъективной оценки *-ищ-*, создающем положительный настрой при характеристике образа ерша в сказке. Для придания большей убедительности речи ерша автор повести использует красочные сравнения. Однако эти сравнения приобретают еще больший комический эффект от сочетания в них возвышенной и сниженной лексики («глава» и пивной котел, «очи» — пивные чаши).

Сравним этот эпизод в разных редакциях повести: «...тогда яз был здвоя тебя и толще и шире, и шоки были до переднего пера, а глава моя была что пивной котел, а очи — что пивные чаши, а нос мой был корабля заморского, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейный парус... А ныне ты, брате, видиш и сам, каков яз стал...»¹⁶⁰; «...тогда аз был толще тебя и доле, бока мои терли у Волги-реки берега, очи мои были аки полная чаша, хвост же мой был аки большой судовой парус...»¹⁶¹; «Стоил де я тебя, братец, поболе и пошире твоих бока мои терлися о Которосль реки з берега на берег, а очи мои были как полные чаши, а хвост мой был как большова судна парус — сорок саженей...»¹⁶²; «Аз пришёл бе втрое был величеством до меня, у меня была три сажени толщина, а между щетинами было по три локтя, а глаза у меня были что пивные чаши...»¹⁶³.

В варианте А.В. Чупрова из сборника Н.Е. Ончукова сказочник начинает сказку с возвеличивания ерша, использовав имена с суффиксом субъективной оценки *-ищ-*. Потом переходит на лексику с нейтральной окраской и затем использует те же слова, но уже с другим суффиксом субъективной оценки (*-ишк-*), придающем повествованию оттенок отрицательного отношения автора к своим героям. Правда, А.В. Чупров передает свое одинаково хорошее, нейтральное или отрицательное отношение к обоим героям, ничем не различая их. Суффикс *-ишк-* появляется в речи сказочника только тогда, когда (по его мнению) герои поступили неправильно: ерш стал обижать «лешшовых жон», а лещ пошел жаловаться на него сну-рыбе. Видимо, можно было разрешить конфликт другим способом. Вот этот отрывок из сказки:

«Пошло ершищо по мелким рекам, по глубоким водам, зашло ершищо в Ерепово озерищо. В Ереповом озерище живет рыба лешшищё.

¹⁶⁰ Рус. демокр. сатира. С. 11.

¹⁶¹ Афанасьев 1957. С. 122.

¹⁶² Очерки. С. 150.

¹⁶³ Там же. С. 155.

И попросился ершищю ночьку ночевати; спустил лешшище ночьку ночевати. И ночь ночевал и две ночевал, и год жил и два жил. Наплодилось ершов не столько, вдвое супротив лешшов. И стали ершишка лешшовых жён побиждать, на белой свет не стали попускать. Пошел лешшишко ко сну-рыбе суда просить»¹⁶⁴.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о примерно равном использовании «смехового снижения» в повести и в сказках о ерше и о гораздо меньшем включении «смехового возвышения» в повесть, чем в сказку. Это вполне закономерное явление, так как сказка всегда стремилась к положительному, оптимистичному завершению. Именно поэтому сказка дает ершу больше возможностей уйти безнаказанным от судей, чем повесть. По-видимому, из-за оптимистического настроения сказок в них гораздо чаще используется «смеховое возвышение» ерша, других героев и связанных с ними предметов и явлений, чем в повести.

В основном, наиболее часто используемым приемом «смехового возвышения» в сказке является применение в целях положительной трактовки героя *имен с суффиксом субъективной оценки -ищ-*.

В сказках: «Пошло ершищю по мелким рекам... зашло ершищю в Ерепово озериче...»¹⁶⁵; «Выискался лещ-лещище, широкое хвостиче, пошел просить ерша...»; «Искра залетела, ясное пепелище загорело...»¹⁶⁶; «Слушайте-послушайте, стольники-полковники, про рыбное судьбище, про ершово побоище...»¹⁶⁷; «И вышел рак-рачище из реки речистой...»¹⁶⁸.

Но наиболее интересный эпизод сказки о ерше помещен в единственную дошедшую до нас «Песнь о ерше», опубликованную в сборнике «Фольклор русского населения Прибалтики» (ее же приводят в своих сборниках Киреевский и Соболевский). В начале этой песни используются одновременно два приема создания эффекта «смехового возвышения» Это применение имен с суффиксом субъективной оценки *-ищ-* и прием ступенчатого сужения образов:

*«Вот было большое озериче,
В это озериче приехали ловчища,
И в это озериче закинули неводище,
И в это неводище попал ершище,
Этого ершища привезли на бережище,
К этому ершищу пришли купчищи»*¹⁶⁹.

¹⁶⁴ Ончуков. С. 2.

¹⁶⁵ Там же. С. 2.

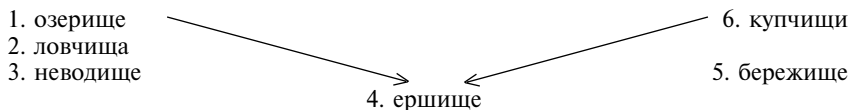
¹⁶⁶ Гура. С. 217.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

Можно нарисовать следующую схему:

То есть здесь есть не только ступенчатое сужение образов, акцентирующее наше внимание на ершище, но и ступенчатое возвращение на прежнюю позицию — так называемое «расширение образов».

Дополнительно к этому приведем также единственный пример использования в сказках имени с другим суффиксом субъективной оценки *-их-*: «... и дочь свою ершиху за карпухина сына выдал...»¹⁷⁰.

Таким образом, для создания «смехового снижения» и «возвышения» в повести и сказках о ерше используются, в основном, две языковых единицы, обладающие в фольклоре особой художественной выразительностью. Это так называемые суффиксы субъективной оценки (отрицательной или положительной) и ступенчатое сужение образов.

И.А. Оссовецкий¹⁷¹ пишет, что суффиксы субъективной оценки широко употребляются и за пределами народной словесности. Эстетическим фактом эти суффиксы становятся благодаря тому, что в целях характеристики фольклорного персонажа, выражения к нему определенного — положительного или отрицательного — отношения, для создания соответствующего колорита они включаются не только в наименование самого персонажа, но и в названия связанных с ним определенных предметов и явлений.

В «Повести о Ерше Ершовиче» и в сказках типа АТ 254** используются в основном два вида таких суффиксов — это *-ищ-* (передающий положительное отношение к герою, вещам, явлениям) и *-ишк-* (в свою очередь сообщающий отрицательную оценку герою, событиям, предметам).

Ступенчатое сужение образов в повести и сказках служит акцентированию внимания читателя или слушателя на наиболее важном для автора аспекте (в нашем случае акцент делается прежде всего на ерше и на «путях и грамотах» на Ростовское озеро, сгоревших, по его словам, во время пожара).

* * *

Мы рассмотрели такие приемы создания «смехового снижения», как ступенчатое сужение образов и использование имен с суффиксами субъективной оценки. Однако есть еще один прием, снижающий серьезность рассказываемого, — это **рифма**, которая (особенно в раешном стихе) создает комический эффект.

¹⁷⁰ Сахаров. С. 156.

¹⁷¹ Оссовецкий И.А. Указ. соч. С. 477.

Для древнерусского юмора очень характерно балагурство. Это одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит «лингвистической» его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строении слов, дает неверную этимологию или неуместно подчеркивает этимологическое значение слова, связывает слова, внешне похожие по звучанию... В балагурстве значительную роль играет рифма. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглуляет» и «обнажает» слово. Рифма создает смеховую ситуацию. «Сказовые» (раешные) стихи именно к этому комическому эффекту сводят свои повествования. Рифма объединяет разные значения в внешним сходством, иногда оглуляет явления, делает схожим несхожее, лишает явления индивидуальности, снимает серьезность рассказываемого... Рифма подчеркивает, что перед нами небылица, шутка¹⁷².

Стиховая система, которую культивировали скоморохи, получила в литературоведении условное наименование раешника. Д.С. Шептаев¹⁷³ предлагает заменить этот термин и назвать стих такого типа «скоморошым», так как он сложился задолго до появления райка. А. Квятковский¹⁷⁴ стих многих былин и раешник относит к группе «дисметрических» стихов, в которых «пространство стиха» неопределенно, нет количественной закономерности. Они не имеют ритмической структуры, потому что в них нет метра. Это «ритмоиды». В свою очередь Л.И. Ибраев называет такой стих «рифмовником»¹⁷⁵, П.Г. Богатырев — «сказовым стихом»¹⁷⁶. О.И. Федотов предлагает свой термин — эмбриональная стихопроза, которая лежит в области пограничных, синкретических форм и представляет собой сложный синтез структурных элементов «стиха» и «прозы» в слитном, нерасчлененном виде, противоборствующих, доминирующих либо отступающих¹⁷⁷.

В.П. Адрианова-Перетц считает, что самое развитие этого вида рифмованной речи было обусловлено характерной чертой сказового языка вообще (не только «профессионального скоморошьего»): склонностью широко применять самые разнообразные рифмы и ассонансы, особенно в афористической речи. Далее она уточняет, что вкус народного языка к этой «складной» речи, наделенной богатой рифмовкой, доказывается нагляднее всего русскими пословицами, поговорками и приметами, вылившимися в форму стойкого афоризма¹⁷⁸.

¹⁷² Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 26, 27.

¹⁷³ Шептаев Д.С. Русский раешник XVII века // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1949. Т. 87.

¹⁷⁴ Квятковский А. Русское стихосложение // Русская литература. Л., 1960. № 1. С. 78—104.

¹⁷⁵ Ибраев Л.И. Рифмовник (к проблеме происхождения русского стиха) // Филологические науки. М., 1975. № 4.

¹⁷⁶ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 486.

¹⁷⁷ Федотов О.И. Указ. соч. С. 72.

¹⁷⁸ Демокр. поэзия. С. 10, 11.

Поговорки и пословицы, с одной стороны, и раешные стихи — с другой, были очень близки по задачам: те и другие позволяли легче переносить трудности жизни, подчеркивая механическую повторяемость явлений, их своеобразную «закономерность», обнаруживая смешное и нестрашное в том, что было способно ранить сознание человека¹⁷⁹.

В «Повести о Ерше Ершовиче» и связанных с ней сказках часто используется рифмованная проза, напоминающая богатством рифм и ассонансов пословицы. Такую рифму называют рифмой пословичного типа.

И.П. Лапицкий считает, что меткие характеристики и лукавый юмор «Повести о Ерше» буквально выросли из народных пословиц, опираются на пословицы и зависят от них¹⁸⁰. Образность, выразительность и обобщенность роднят пословицу с «Повестью о Ерше»; в народных пословицах ее автор почерпнул трезвое понимание жизни, нравственное чувство и обличительный смех.

«Русский народ любит Ерша, — говорит С.Т. Аксаков, — его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ершится». Именно таким знают ерша и русские паремии: «Шука ерша не берет с хвоста»; «Все ерши, а плотицы нет», то есть все злые люди; «На Руси не все караси, есть и ерши»; «Тягался, как лещ с ершом», или, наконец, «Выжил, как ерш леща»¹⁸¹. В.И. Даль также обращал внимание на «сказочные» параллели: «Бил ерш челом на лихого леща»; «Сом с большим усом в понятия не пошел: брюхо де велико и глазами вдаль не вижу»¹⁸². В более далеком отношении стоят, а может быть и самостоятельно возникли следующие паремии: «Ушел в ершову слободу» (т.е. утонул); «Ерши — не спорое кушанье: на грош съешь, а на гривну хлеба расплюешь»¹⁸³. К числу пословиц и поговорок, не встречающихся в сборнике В.И. Даля, могут быть отнесены следующие, позаимствованные из сказок о Ерше Ершовиче: «Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба не обедает»; «Хоть ты (шука) с рыла и востра, да не возьмешь ерша с хвоста»¹⁸⁴.

Л.З. Колмачевский в своем исследовании «Животный эпос на западе и у славян» утверждает, что некоторые пословицы представляют собой как бы род маленьких басен, которые с течением времени могли бы принять более или менее обширные размеры; наоборот, целые животные сказки превращаются в короткие изречения, сокращаются в пословицы¹⁸⁵. Таким исходным изречением могла бы, вероятно, быть пословица, приведенная в сборнике Н. Снегирева: «Вселился, как Ерш в Ростовское озеро»¹⁸⁶.

¹⁷⁹ Демокр. поэзия. С. 13.

¹⁸⁰ Рус. повести. С. 436, 437.

¹⁸¹ Рус. повести. С. 437.

¹⁸² *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1862. С. 163, 176, 183, 536.

¹⁸³ *Шляпкин И.* Указ. соч. С. 388.

¹⁸⁴ Ярославский фольклор С. 36; Озаровская. С. 215.

¹⁸⁵ *Колмачевский Л.З.* Указ. соч. С. 227.

¹⁸⁶ Снегирев. С. 61.

Таким образом, *паремийный язык* повести и сказок издавна привлекал внимание исследователей. Однако не все ученые признавали в пословицах наличие рифмы. В трудах некоторых исследователей многочисленные и разнообразные созвучия пословиц и поговорок исключались из сферы изучения рифмы на том основании, что эти жанры традиционно не числились по ведомству стихотворных, хотя и прозаическими их тоже назвать нельзя. Пословицы и поговорки представляют собой речевую структуру, в которой конструктивная роль ритма слишком эмбриональна: для его реализации, как принято было думать, требуется минимум трехкратное повторение какой-либо единицы членения. Они же в большинстве случаев держатся на двучленном параллелизме, так что ритм (в современном его понимании), едва наметившись, не успевает закрепиться. Отсюда и тенденции выводить их за пределы стихотворной речи¹⁸⁷.

В настоящее время учеными признается, что ритмика паремий — тонического склада, она имеет следующие особенности:

1) иногда паремии скрепляются внутренними рифмами обеих частей: «Сало было, стало мыло»;

2) в некоторых случаях рифмы сосредоточены в каждой части: «Часом с квасом, порой с водой»;

3) используются созвучные окончания: *полена — поела, вечерне — харчевни*;

4) часто в паремиях обыгрываются рифмой собственные имена: «У Фили были — Филю и побили».

Этот ряд можно продолжить.

Все эти явления широко представлены в повести и сказках о Ерше. Попробуем доказать, что в них широко и плодотворно используется рифма пословичного типа. Нами были проанализированы рифмопары в повести и в сказках (221 и 240 соответственно). Парных рифм в сказках больше. Иногда рифма утраивается (16 и 15 случаев соответственно), учетверяется (соответственно 2 и 5), упятерывается (соответственно 2 и 2), ушестеряется (соответственно 1 и 2).

Корни формы стиха сказочно-прибаутчного склада, которой пользовались авторы повести-сказки о Ерше, обнаруживаются и в строе пословиц, в записях XVII — начала XVIII века, и в ее устной основе, где черты скоморошьяго языка сказок-небылиц выступают с полной отчетливостью.

О степени популярности сюжета можно судить по следующим поговоркам и пословицам из сборников XVII — начала XVIII века¹⁸⁸: «Ершей на денгу да здобы на алтын за неволю уха»; «Ершова уха да лошка суха»; «Ерш бы в ухе да лещ в пироге»¹⁸⁹; «Просил осетр дожда в

¹⁸⁷ Федотов О.И. Указ. соч. С. 45, 46.

¹⁸⁸ Пословицы, поговорки и проч. цитируются в переводе на современную орфографию, если это не противоречит рифмовке.

¹⁸⁹ Симони. С. 99.

поле лежа»; «Глуп как осетр»; «На словах три сажени в землю видит, а на деле на силу под ноги гледит»; «Как сом, в виршу попал»¹⁹⁰.

Беским доказательством необыкновенной близости стиля повести-сказки о Ерше к афористической народной традиции могут служить многочисленные *сентенции, построенные по модели пословиц и поговорок*.

В повести: «Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба не обедает»¹⁹¹; «Возьми, брат, два гроша на калачи, а меня не волочи»¹⁹²; «Сидишь на кривды, суди по правды»¹⁹³; «Ну шука, хоть ты с рыла и востра, да не возьмешь ерша с хвоста»¹⁹⁴; «Шука, шука, иди быстрее, покушай ерша с хвоста»¹⁹⁵; «Шука, ты востра, съешь меня с хвоста, дак не столь мне смерть будет страшна»¹⁹⁶.

Эти изречения, построенные по типу пословиц и поговорок, содержат лишь по одной оппозиционной паре (*ведает — обедает, на калачи — не волочи, востра — с хвоста*). В примере «Сидишь на кривды, суди по правды» противопоставлены две пары элементов предикативной группы (*сидишь — суди, кривды — правды*).

В пословицах и поговорках часто обыгрываются рифмой собственные имена. Рифмованная повесть-прибаутка и концовки многих сказок о ерше также построены на игре рифмами и созвучиями к собственным именам.

В сборнике пословиц XVII века имеются точные параллели к рифмам повестушки и сказок. В основном в созвучии участвуют однородные члены предложения. По характеру предикативной группы можно выделить *именные пары*, в которых *звуковая перекличка сосредоточивается в коренных частях слов*:

1. «Влас — глаз».

В повести и сказке: «Пришел Влас, попучил глаз...»¹⁹⁷.

Паремии: «Не верь Власу, а верь своему глазу»; «Васка баска свинья глазки»; «Обыскал Влас по праву квас»¹⁹⁸.

2. «Клим — клин».

В повести: «Пришел Клим, падлажил под кател клин...»¹⁹⁹.

Паремии: «Колоти, колоти Клим в один клин»; «Широка борода клином, а зовут его Климом»; «Думает Клим, тесать хочет клин»²⁰⁰.

3. «Мартын — алтын».

¹⁹⁰ Симони. С. 133, 50, 189, 54.

¹⁹¹ Афанасьев 1957. С. 111.

¹⁹² Гура. С. 217.

¹⁹³ Ончуков. С. 2.

¹⁹⁴ Афанасьев 1957. С. 113.

¹⁹⁵ Прибалтика. С. 236.

¹⁹⁶ Озаровская. С. 215.

¹⁹⁷ Афанасьев 1957. С. 119; Ярославский фольклор. С. 47.

¹⁹⁸ Симони. С. 161.

¹⁹⁹ Очерки. С. 161.

²⁰⁰ Симони. С. 112, 158, 94.

В повести и сказках: «Пришел Мартын, дает за ерша Канстентину барыша алтын...»²⁰¹; «Пришел Мартын — дает барыша алтын...»²⁰²; «Пришел Мартын, посулил алтын, ограбил Ершов хребтин...»²⁰³; «Попадат встречу Мартын. Дает за Ерша один алтын. Дешево! Не продали»²⁰⁴.

Паремии: «Алтын пробивает и тын, а полтина убивает Мартына»; «Алтыном да Мартыном хошь ворота запирай»; «Алтын в мошне, а Мартын в квашне»; «Алтын пропадет, а Мартын упадет»; «Алтын стал дорог и Мартын вырос долог»; «Алтын убогих прелщает, а Мартын богатых смущает»; «Алтыном Мартыну ни сапог подшить, ни скоба подбить»; «Жил Мартын, коли был алтын»²⁰⁵.

4. «Пётр — осётр».

В сказке: «Рыба... пошла на ерша просить к Петру-осетру праведному...»²⁰⁶.

Паремия: «Осётр водою, а Пётр бедою: осетров окружила вода, а нас беда»²⁰⁷.

5. «Глеб — хлеб».

В повести: «Пришел Глеб, принес хлеб...»²⁰⁸.

Поговорка: «Глеб с Борисом, а хлеб у них с анисом»²⁰⁹.

В некоторых случаях *корневая рифма ослабляется в флективных клаузулах*, как например, в рифмопаре *Татьяна — сметаны*:

В повести: «Пришла Татьяна, принесла сметаны...»²¹⁰.

Поговорка: «Татьяна не сметана, не шти ею белить»²¹¹.

Но особенно это характерно для случаев с *грамматически разнородной рифмой*. В этом случае смысловой параллелизм совпадает не только с синтаксическим, но и с ритмическим:

1. «Кирило — по рылу».

В повести: «Пришел Кирило, ударил Спирию по рылу»²¹².

Поговорки: «Жаль Кирилла, а побережь ему рыла»; «Ездил в пир Кирило, да подарен там в рыло»; «Артемида страшит Демида, а Кирило ее и в рыло»²¹³.

2. «Назар — на базар».

²⁰¹ Очерки. С. 161; Афанасьев 1936. С. 466.

²⁰² Русские сказки в Карелии. С. 210.

²⁰³ Прибалтика. С. 237.

²⁰⁴ Сев. Двина. С. 106.

²⁰⁵ Симони. С. 75, 76, 77, 100.

²⁰⁶ Афанасьев 1957. С. 119.

²⁰⁷ Симони. С. 191.

²⁰⁸ Афанасьев 1936. С. 466.

²⁰⁹ Симони. С. 191.

²¹⁰ Очерки. С. 162.

²¹¹ Симони. С. 144.

²¹² Очерки. С. 160.

²¹³ Симони. С. 103, 160, 76.

В повести и сказках: «Пришел Назар, принес Ерша на базар: недорого!»; «Пришел Назар, повел Ерша на базар»; «Пришел Назар, понес Ерша на базар»; «Пришел Назар, потащил ерша на базар»²¹⁴.

Поговорка: «Базар любит Назар»²¹⁵.

3. «Фомка — с кромкой».

В сказке: «Пришел Фомка — есть ерша с большой кромкой...»²¹⁶.

Поговорка: «Фома большая крома»²¹⁷.

4. «Гришка — с лишком».

В сказке: «Попадает встречу Гришка, дает полтора рубля, да еще с лишком. Тот купил и понес»²¹⁸.

Поговорка: «Наш Гришка не берет лишка»²¹⁹.

Реже встречаются и случаи *разнородного взаимодействия членов предложения*.

1. «Елизар — полизал».

В повести и сказках: «Пришел Елизар, только котла полизал, а ерша и в глаза не видал»; «Пришел Елизар, лиш катла пализал, а ерша и в глас не видал»; «Пришел Елизар, блюда облизал»; «Пришел Елизар, лиш костей полизал»; «Пришел Елизар, со всех блюд полизал, некому не сказал...»²²⁰ «Пришел Елизар, все блюда облизал»; «Пришел Елизар, только блюд полизал»; «Пришел Елизар — тот кося полизал»²²¹.

Поговорка: «Елизар уж всех перелизал»²²².

2. «Ульян — не пьян».

В повести: «Пришел Ульян: да еще, маладеш, я не пьян, а чом деретесь?»²²³.

Поговорка: «Наш Ульян из духу пьян»²²⁴.

3. «Обросим — бросил».

В повести и сказках: «Пришел Обросим, Ерша оземь бросил»; «Пришел Абросим да ерша в кател бросил, пусть ди попреить да к ужину поспеет...»²²⁵.

Паремии: «Наш Абросим нет — не просит, а есть — не бросит»; «Обросим не просит, а дадут ему — не бросит»; «Наш Обросим нет не просит, а есть не помянет»²²⁶.

²¹⁴ Афанасьев 1936. С. 466; Очерки. С. 161; Рус. ск. в Карелии. С. 210; Бахтин—Ширяева. С. 77.

²¹⁵ Симони. С. 83.

²¹⁶ Прибалтика. С. 229.

²¹⁷ Симони. С. 148.

²¹⁸ Сев. Двина. С. 106.

²¹⁹ Симони. С. 126.

²²⁰ Афанасьев 1936. С. 466; Очерки. С. 162; Яросл. фольклор. С. 47; Рус. ск. в Карелии. С. 211; Очерки. С. 160.

²²¹ Ончуков. С. 3; Гура. С. 217; Сев. Двина. С. 106.

²²² Симони. С. 99.

²²³ Очерки. С. 162.

²²⁴ Симони. С. 128.

²²⁵ Афанасьев 1957. С. 119; Яросл. фольклор. С. 45; Очерки. С. 161; Сев. Двина. С. 106; Афанасьев. 1936. С. 466.

²²⁶ Петр. галерея. С. 32; Старичок-Весельчак. С. 78; Симони. С. 189.

4. «Яков — смякал».

В повести и сказках: «Пришел Яков да один ерша смякал, а сам ушел»; «Пришел Яков да один ерша смякал»; «Пришел плясовой Яков, с четырех блюд один и смякал»; «Пришел Яков, один ерша смякал, сам убежал, только ножки показал»²²⁷.

Паремии: «Сем ко ты, Яким, потолоки тко ты мякин»; «Бывает добро, а не всякому, как Якову, — что ж он лаком есть с маком»²²⁸.

В некоторых случаях *смысловую нагрузку несет* в первую очередь *корень слова и флексия*:

«Иуда — блюда».

В повести и сказках: «Пришел Иуда, разложил ерша на четыре блюда»; «Пришел Иуда, разложил ерша на два блюда»; «Пришел Иуда, расклат ерша на четыре блюда»; «Пришел Иуда — разлил ерша по блюдам»; «Пришел скупой Иуда — разложил ерша на четыре блюда»; «Пришел Иуда, схватил блюда; расклат на четыре блюда»²²⁹.

Поговорка: «Иуда лижет блюда»²³⁰.

Близки к пословичным следующие созвучия:

1. «Сава — сала».

В сказках и повести: «Пришел Сава да вынул из ерша полтара пуда сала»; «Пришел Сава вынял с ерша полтара пуда сала»; «Пришел старик Сава, спрашивает ершова сала»; «Пришел Сава, положил полтара пуда коровьего сала»; «Пришел Сава, опять по ерша сплавал»²³¹.

Паремии: «Был Савва, была и слава»; «От Савы хочешь славы, а от персти ищешь чести»; «От Савы славы, а от Перши чести»²³².

2. «Илья — гнилья».

В сказке: «Пришел Илья, наносил дров гнилья»²³³.

Пословица: «В людях Илья, а дома свинья»²³⁴.

3. «Тимошка — лошки».

В повести: «Пришел Тимошка, принес скатерть и лошки»²³⁵.

Поговорка: «Сказывают, богат Тимошка, а животин — собака да кошка»²³⁶.

4. «Павел — поправил».

²²⁷ Очерки. С. 162; Рус. ск. в Карелии. С. 211; Гура. С. 217; Афанасьев 1936. С. 466.

²²⁸ Симони. С. 141; Петр. галерея. С. 24.

²²⁹ Очерки. С. 162; Рус. ск. в Карелии. С. 211; Афанасьев 1957. С. 119; Ярослав. фольклор. С. 46; Бахтин—Ширяева. С. 77; Гура. С. 217; Прибалтика. С. 229.

²³⁰ Симони. С. 110.

²³¹ Очерки. С. 161; Афанасьев 1957. С. 119; Ярослав. фольклор. С. 46; Рус. ск. в Карелии. С. 210; Афанасьев 1936. С. 466; Ончуков. С. 3.

²³² Симони. С. 78, 152, 190.

²³³ Гура. С. 218.

²³⁴ Петр. галерея. С. 35.

²³⁵ Рус. ск. в Карелии. С. 211.

²³⁶ Петр. галерея. С. 35.

В повести: «Видите, братцы, стаит кател крив, пришел Павел да котла поправил»²³⁷.

Пословица: «У всякого Павла своя правда»²³⁸.

По словам В.П. Адриановой-Перетц, рассказ мог разрастаться, пока не исчерпывалась изобретательность сочинителя, нанизывавшего всё новые имена по своим созвучиям²³⁹. Например, в варианте сборника «Русские сказки в Карелии» содержатся сорок две рифмопары²⁴⁰. Вероятно, все дело тут в стремлении к непрерывности, когда создается своеобразная «эстафета смеха». С помощью «смехового опрокидывания»²⁴¹ достигается «смеховое снижение» на протяжении всей рифмованной повестушки или сказки. Все перечисленные созвучия представляют собой каламбурную игру слов в чистом виде. Каждый персонаж (их столько же, сколько «стихов») производит какое-либо действие в зависимости от «...фонической формы своего имени; вернее, в зависимости от эффекта ложной этимологии, спровоцированного звуковыми ассоциациями»²⁴². Именно с точки зрения игры рифмами и созвучиями интересна эта повестушка.

Также встречаются примеры рифм пословичного типа, когда звуковая переключка сосредоточивается в коренных частях слов, но игра словами, происходящими от одного корня, происходит с помощью замены префиксов.

1. «Попал — пропал».

В повести: «Ерш... как бы в руки попал, головой бы пропал»²⁴³.

Паремии: «Вор ворует, мир горюет, вор попал, а мир пропал»; «Вор попал, а мир пропал»; «Давно то пропало, что с воза упало»²⁴⁴.

2. «Пришла — пошла».

В сказке: «Зачем, плёха, пришла? Я тебе говорю, вон пошла!»²⁴⁵.

Паремии: «Каков пошел, таков и пришел»; «Кой день прошел, тот до нас дошел, а кой впереди — того берегись»; «День прошел, то до нас дашол»²⁴⁶.

3. «Пришел — нашел».

В повести: «Как на скоре в кулигу пришел, так ерша и нашел»²⁴⁷.

Поговорка: «Збежал не дожал, пришел не нашол»²⁴⁸.

²³⁷ Очерки. С. 161.

²³⁸ Петр. галерея. С. 35.

²³⁹ Демокр. поэзия. С. 15.

²⁴⁰ Рус. ск. в Карелии. С. 209—212.

²⁴¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 45.

²⁴² Федотов О.И. Указ. соч. С. 99.

²⁴³ Очерки. С. 157.

²⁴⁴ Симони. С. 85; Петр. галерея. С. 48; Симони. С. 93.

²⁴⁵ Рус. сатир. сказка. С. 132.

²⁴⁶ Петр. галерея. С. 54; Симони. С. 29, 98.

²⁴⁷ Очерки. С. 158.

²⁴⁸ Симони. С. 108.

Встречаются звуковые переклички с ритмичкой суффиксально-флективных глагольных форм (так называемая *примитивная рифма*): «Видали — слышали».

В повести: «Где видали, где слышали плута, бражника ерша?»²⁴⁹.

Поговорка: «Под носом видиш, а под носом не слышиш»²⁵⁰.

Очень много таких примеров содержится в сказках: *бычище — головище — котлище — глазища; дворишко — клитишко — коробышко; брюшина — образина; не едали — не пивали — не видали*²⁵¹ и т.д.

В основе большинства пословиц лежит звуко-смысловая игра слов, основным принципом ритмической организации которых является свободное варьирование стихов со сходным ритмическим окончанием (клаузулой); на конце синтаксических рядов в клаузуле образуется *эмбриональная рифма*²⁵². Такая рифма очень широко представлена в повести и сказках о Ерше.

В повести: *бридишь — видишь — обидишь; быти — пособити — добыти; говорят — творят; просят — не бросят*²⁵³ и т.д.

В сказках: *стоит — говорит*²⁵⁴ и т.д.

Варьирование стихов со сходным ритмическим окончанием можно выявить и в других *примерах с однородными глагольными и именными предикативными группами*.

1. «Говорят — творят».

В повести: «Первые рыбы говорят, настоящую правду творят»²⁵⁵.

Паремии: «Как там говорить где не дадут и рта отворить»; «Как тут говорить, где не велят и рта отворить»; «Овин горит, господину печаль творит»²⁵⁶.

2. «Бридишь — видишь».

В повести: «Ерш... много ли ты бридишь, далеко ли видишь»²⁵⁷.

Паремии: «Как видит, так и бредит»; «Чего глаз не видит, тово и язык не бредит»; «Что видит, то и бредит»²⁵⁸.

3. «Гроши — вши».

В сказке: «Ах, Акуля, были у тебя копейки да гроши, очутились одне вши...»²⁵⁹.

Поговорка: «Вош что заемной грош — спать долго не даст»²⁶⁰.

²⁴⁹ Очерки. С. 158.

²⁵⁰ Симони. С. 193.

²⁵¹ Сев. Двина. С. 104; Очерки. С. 160; Яросл. фольклор. С. 39; Там же. С. 40.

²⁵² Федотов О.И. Указ. соч. С. 51.

²⁵³ Очерки. С. 158, 160, 159, 157.

²⁵⁴ Яросл. фольклор. С. 42.

²⁵⁵ Очерки. С. 157.

²⁵⁶ Симони. С. 116; Паус. С. 44; Симони. С. 129.

²⁵⁷ Очерки. С. 158.

²⁵⁸ Петр. галерея. С. 54; Симони. С. 156.

²⁵⁹ Гура. С. 218.

²⁶⁰ Симони. С. 87.

Встречается в наших текстах и *рифма, построенная на звуко-смысловой перекличке корня и суффикса*:

«Близко — низко».

В повести и сказках: «Идет ерш близко, клянется ниско»; «Окунь-рыба приходила близко, кланялась низко»²⁶¹.

Паремии: «Антихрист близко, а солнце ниско»; «Антихрист близко и солнце низко»²⁶².

Рифма также свободно переходит на префиксы, содержащие рифмующиеся звуковые соответствия. Такая *префиксально-флективная рифма* особенно широко представлена в сказках о Ерше: разбери — рассуди; засадил, затворил, заколотил; вытарачил — выскочил; попировать — покушать — послужать²⁶³; побижать — попускать; разжился — распоселился; прижилось — прискудалось²⁶⁴; застукотал — загромотал; побегал — потерял; переночевал — передневал — пересушил — пересмотрел²⁶⁵ и т.д.

Так же в сказках о Ерше встречаются *повторяющиеся предлоги и отрицательная частица -не-*, которые в соединении с флективной рифмой однородных членов предложения достаточно отчетливо членят текст на относительно соизмеримые отрезки — элементарные единицы потенциально-стихотворного сказового ритма: по ельничку, по березничку; по мхам, по болотам, по тухлым местам; поплыл по рекам, по водам; над большой, над маленькой, над уклничкой²⁶⁶; не едали, не пивали; не бывал — не ставал; не умею — не могу²⁶⁷.

Придают речи своеобразную размеренность и ритм и многочисленные *повторы*, встречающиеся в сказках: свою силою, свою отчиною; сам буду большой, сам наибольший; ночь ночевал, другу ночевал и третью ночевал²⁶⁸ и т.д.

Таким образом, присутствие неточной префиксально-корневой рифмы, различных повторов дает установку на «сказовый» балагурный тон высказываемых «в лад» суждений.

Очень много встречается в сказках и повестях о Ерше *«книжных» рифм*, которые в окружении каламбурно-пословичных созвучий тоже получают комический стилистический оттенок: мечется — прячется; валяется — выхваляется; вечеряетца — опочеватца — обночеватца²⁶⁹ и т.д.

Рифмы книжные, глагольные стилистически нейтральны в том смысле, что сами по себе не создают комического эффекта; они тра-

²⁶¹ Очерки. С. 158; Озаровская. С. 214; Бахтин—Ширяева. С. 77.

²⁶² Симони. С. 173, 73.

²⁶³ Афанасьев 1957. С. 113, 114, 113.

²⁶⁴ Ончуков. С. 2; Яросл. фольклор. С. 40, 39.

²⁶⁵ Прибалтика. С. 236; там же; Рус. сатир. сказка. С. 131.

²⁶⁶ Яросл. фольклор. С. 48; Карелия. Альманах. С. 114; Ончуков. С. 2; Гура. С. 217.

²⁶⁷ Яросл. фольклор. С. 40, 38; Афанасьев 1957. С. 112.

²⁶⁸ Сахаров. С. 161; Гура. С. 217; Рождественская, 1941. С. 111.

²⁶⁹ Очерки. С. 159; Русск. сатир. сказка. С. 132; Очерки. С. 159.

диционны и представляют собой застывшие формулы эмоциональной деловой прозы²⁷⁰.

Таким образом, «перевернутый» мир повести и сказок о Ерше создается с помощью *балагурного языка*, которому находятся соответствия и в русских поговорках того времени. Большая часть пословиц, приведенных для подтверждения этой мысли, взята нами из труда «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий» Павла Симони (СПб., 1899), в который включены пословицы из рукописного собрания пословиц XVII века Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел и рукописного сборника пословиц Петровского времени (конца XVII — начала XVIII столетия). Найдено 46 прямых соответствий пословичным рифмам повести и сказок. Во всех других сборниках обнаружены лишь единичные варианты. Поэтому можно с уверенностью сказать, что основной строй языка повести и сказок о Ерше сложился в XVII веке.

Влияние книжной поэзии на *сказителей XIX века* было минимальным. Используемая ими фольклорная рифма совершенно традиционна («балагурная» рифма). Особенно показательны в этом отношении варианты, записанные от Т.О. Кобелевой²⁷¹, Ф.А. Конашкова²⁷², А.В. Чупрова²⁷³ и А.А. Пономаревой²⁷⁴.

Т.О. Кобелевой в 1925 году было 70 лет. О.Э. Озаровская тогда записала от нее ряд сказок, в том числе и сказку «Ерш». Жила она в д. Юбра Труфановской волости по р. Пинеге в семье, знала много сказок и песен. Несмотря на свою слепоту, была общительна и весела. Ее сказка отразила особенности северного рыболовства: почти все породы рыб, о которых говорится в сказке, обитают во многих северных (и пинежских) водоемах; живо, со знанием дела, воспроизведена в ней и сцена свадьбы, типичная для многих северных деревень. Вся сказка построена на «раешной рифме». Бросаются в глаза и левые каламбурные (или пословичные) рифмы: «Перша — вершу», «Лазарь — слазил», «старец — ставец», «Ондрюша — разрушил» и т.д. Многие особенно полюбившиеся выражения сказочница повторяет до трех раз: «Призвали рака, приставного дьяка. Приходит рак, писал пристав, посылал пристав с ельцом-стрельцом. Елец идет — сорогу ведет. Сорога-рыба приходила близко, кланялась низко, говорила смело: “Есть дело”». Весь интерес этого отрывка в названиях, которые даются рыбам. Рифмовка предопределяет их характеристику: рака — дьяка, ельцом — стрельцом. Некоторые выражения срифмованы по образцу пословиц: «Шука, ты востра, ешь меня, ерша, с хвоста».

Вариант, зафиксированный от *Алексея Васильевича Чупрова*, был записан в Усть-Цильме, самом крупном центре на Низовой Печоре

²⁷⁰ Федотов О.И. Указ. соч. С. 96.

²⁷¹ Рождественская 1952. С. 52—55; Озаровская. С. 213—216.

²⁷² Карелия. Альманах. С. 114; Померанцева. С. 62—64.

²⁷³ Ончуков. С. 2—3.

²⁷⁴ Сев. Двина. С. 104—106.

(Архангельская губерния). На момент записи Чупрову «было 70 лет, слеп». По мнению собирателя, сказки знал твердо, рассказывал их прекрасно, складно, строго соблюдая то, что А.Н. Афанасьев называл «обрядностью»: из слова в слово повторяя, обыкновенно до трех раз, описание отдельных действий и сцен, особенно удачные выражения и обычные эпитеты. Сказки его очень длинны, хотя и содержат немного действия, не отличаются особым разнообразием сюжета. По мнению собирателя он религиозно настроен. Однако религиозность не помешала ему, впрочем, включить в нашу сказку очень скабрёзный эпизод: «Я думал ты чесна вдова щука, а ты стерва <...>-сука. — А ты, ерш, с головы кослив, с дыры дрислив, сам, как <...> мозоль». Но и этот эпизод, по воспоминаниям собирателя, он рассказывал строго и серьезно, с сознанием, что делает он не совсем пустое дело: передает он, старик-то, что сам когда-то слышал от стариков, и не его вина, если в старину так сложили сказку. В данном случае бранные слова выполняют функцию «смехового снижения», о которой мы говорили в предыдущем параграфе. В сказке А.В. Чупрова много былинных выражений и эпитетов, да и саму сказку он стремится излагать рифмованным слогом: карася — палача, «сундака» — ростильщика, бес — ез, ёрдан — бог дал, Денис — на низ, Савва — сплавал и т.д.

От известного сказителя былин *Федора Андреевича Канашкова* из с. Семеново Пудожского района Карелии был записан вариант «Сказки про Ерша Ершовича»²⁷⁵, он весь выдержан в стиле «скоморошьего» языка: «Ершишка-плутишка, худа головошка, слюнявый нос, хореватый хвост, на лбу кожа, как елова кора, собрался ершишка со своей женой, с детишками на вербовы дровишки...». Сказка веселая, задорная, характеризуется повторяемостью основных эпизодов. Например, три раза повторяется характеристика гарьюса (хариуса): «У гарьюса губки тоненькие, платьице беленькое, походочка господская, разговорухи московские». Это изображение рыбы построено на реалистическом описании наружности хариуса. Повторы даются сказителем со все более возрастающим наращивание аналогичных мотивов. Большую роль в сказке играет диалог, который нередко дается в песенно-стихотворной форме: «послушай ты меня: лещи, жильцы ростовские, жалуются на тебя...». В диалоге заметнее проявляется творческая индивидуальность сказочника, богатство его словаря, остроумие, находчивость, изобретательность:

« — *Ершишка-плутишка! Палтус-рыба велела тебя в суд вести.*

Ерш расширил свои рупачи к трещине и повернулся. И говорит трещине:

— *Рыбу-треску порют и полощут по песку.*

Трещине стыдно стало и она назад уплыла».

Таким образом, вся сказка представляет собой комическую байку. Социальная острота здесь сглажена. Тяжба идет не между крестья-

²⁷⁵ Карелия. Альманах. С. 114.

нином и боярским сыном, а просто между смиренными домоседами и нахальными пришельцами.

Сказочный репертуар Северной Двины никогда не служил предметом специального собирания и изучения; тем больший интерес представляют для нас сказки, записанные в этом крае. Большую их часть характеризует сильно развитый юмористический, прибауточный язык, чем-то близкий скоморошьему. Об этом свидетельствует и сказка про ерша²⁷⁶, записанная в 1962 году от *Авдотьи Андреевны Пономаревой*, 75 лет, жительницы д. Борок, Белослудского сельсовета, Красноборского района Северной Двины. По ее словам, она раньше знала много сказок, но теперь стала забывать. Она очень строга к себе и не считает возможным рассказывать то, что знает плохо. Текст сказки о ерше знала твердо. По окончании записи потребовала, чтобы ей прочли, и проверила, все ли ладно записали. Сказочница — наследница скоморошной традиции. Эта связь обнаруживается не только в концовке сказки (она приводит 17 звуковых соответствий к собственным именам), от скоморохов у нее идет любовь к рифме и ритму: «И стал он Леща, Лещёва сына, своима щегинами колоть, и стал Леща, Лещёва сына из своего из дома выживать...». Чтобы усилить «перевернутость», абсурдность описываемого мира рыб, А.А. Пономарева привносит в сказку элемент фантастики. В повествование включаются и элементы небылицы: «Взял бусого кота запряг, водяного воробья в задни цу посадил и сам сел и поехал в Ладожское озеро». В целом, в сказке используется очень много художественно-изобразительных средств, в том числе ступенчатое сужение образов и суффиксы субъективной оценки *-ищ-* и *-ишк-*.

Таким образом, проанализированные сказки о ерше характеризуются стремлением превратить сатирическую сказку в юмористическую, снижением социальной направленности, дальнейшим развитием диалога, склонностью исполнителей к «складной», рифмованной речи («скоморошьему ясаку») с оснащением рассказа многочисленными сентенциями, построенными по модели пословиц и поговорок. Такая речь усиливает комический эффект сказки, переносит нас в нереальный, несуществующий мир, в котором всё возможно: немые рыбы не только говорят, но даже судятся между собой.

* * *

Подведем некоторые *итоги* нашего исследования сказок, повестей и литературных обработок о Ерше Ершовиче.

Итак, мы выяснили, что изучение сюжета о Ерше началось много лет назад, но не выработаны единые точки зрения на время, условия и среду возникновения повести-сказки. Многие исследователи относят возникновение повести-сказки к XVI веку (И.П. Сахаров, А.Н. Афанасьев, И.М. Снегирев), другие — к XVII веку (А.Н. Пыпин, В.П. Адрианова-Перетц, И.П. Лапицкий, И.И. Шляпкин).

²⁷⁶ Сев. Двина. С. 104—106.

В 60-е годы XIX века А.Н. Афанасьев опубликовал в своем труде пять вариантов сказки о Ерше. Появление этого сборника оживило интерес к сказке и отозвалось на научном ее изучении. А.Н. Пыпин в своей книге утверждал, что повесть — явная сатира на делопроизводство (подобие которого сохраняется в сказке), не принадлежащая к сказочному эпосу — это чисто литературная сатира.

К проблеме международных соответствий обращается А.Н. Веселовский, который указывает на типологическое сходство сказки с византийской повестью, утверждая, что «она больше близка по замыслу к животным поэмам Западной Европы, чем к звериной сказке».

И.А. Шляпкин первый посвятил этой повести специальную статью, он говорил, что сюжет повести соотносится с тяжбами, которые возникли после смуты, а в основе повести лежат наблюдения над жизнью рыб.

Также в XIX веке были предприняты лубочные издания повести о Ерше в сборниках И.М. Снегирева и Д. Ровинского. Но объяснений по вопросу о генезисе сказки-повести о Ерше, как самобытного русского произведения, их замечания не давали.

Н.П. Андреев впервые привел перечень сказок о ерше, указав на десять их вариантов. Составление такого указателя по русскому сказочному эпосу было необходимо для развития отечественной науки о сказке.

Большое значение для выяснения вопросов, касающихся происхождения повести о Ерше и ее истории в читательской среде, имеют работы В.П. Адриановой-Перетц. Она распределила списки повести по четырем редакциям, дала к ним историко-литературный, реальный и текстологический комментарий, установила полный репертуар судебных формул, использованных в сказке. Относительно происхождения повести она считает, что земельные тяжбы XVII века подсказали содержание повести, которая из рукописи перешла в лубочные издания и затем в фольклорную среду.

На связь повести с фольклором обращали внимание Т.Л. Романова и В.В. Митрофанова, исследовавшие народные сказки о Ерше, они пришли к выводу, что все сказки находятся в зависимости от литературной повести, хотя восходят к разным ее редакциям. В.В. Митрофанова пытается провести параллели и усмотреть сходные мотивы между сказкой и повестью, но приходит к выводу, что таких мотивов практически нет. Однако это не так, можно выявить в сказках о Ерше не менее 9 общих мотивов.

По-разному трактовалось отношение сюжета повести к сказочному. И.А. Шляпкин обратил внимание на необычность сюжета и высказал предположение, что повесть создана на основе отдельных коморошских пародий. Он же обратил внимание на то, что сюжет о Ерше имеет общие мотивы с византийской легендой о рыбах. Исследователи сюжета о Ерше либо игнорировали указанную параллель, либо отвер-

гали без мотивировок. В.П. Адрианова-Перетц считает, что сюжет мог иметь фольклорную основу. Большая же часть исследователей полагает, что сказка утвердилась в устной традиции путем многократных встреч сказителей с рукописными текстами редакций.

Но никто из писавших о Ерше не обратил внимания на уникальность сюжета, алогичность его основы, нехарактерной для сказок о животных. Это не повесть и не сказка, а «небылица», в основе которой лежит необычный мотив говорящих рыб.

Мы можем говорить о том, что сюжет о Ерше возник в русле древних скороморшых традиций.

В нашей работе рассмотрена история сюжета о Ерше Ершовиче. Этот сюжет послужил основой для выявления множества фольклорных и литературных источников, среди которых были рассмотрены двадцать четыре русских и один украинский варианты сказок и литературные переложения данного сказочного сюжета.

Сравнивая русские варианты сказок о Ерше, мы подробно рассмотрели их мотивы, сравнили с украинской сказкой. Выявили, как один сюжет реализуется в текстах разных народов. В украинском варианте мы видим, что ерш не является захватчиком, здесь ерши были хозяевами озера до тех пор, пока чабаки их не прогнали. Ерши подают в суд, а царь-окула приходит к выводу, что они могут остаться в этом озере.

Обзор содержания устных вариантов сказки о Ерше показывает, что в композиционном отношении все они состоят из двух частей, обнаруживающих тенденцию к более тесному логическому объединению. Первая часть состоит из экспозиции (описания самого ерша или сообщения, откуда он появился), которой иногда предшествует зачин-прибаутка («В некотором царстве...» и т.д.). Далее начинается центральная часть повествования, содержащая ряд мотивов (описание ерша, просьба ерша пустить переночевать, обиды от расплодившихся ершей, совет рыб, посылка понятых за ершом, судебное разбирательство, предъявление обвинения, ответ ерша, вызов свидетелей).

Однако сказки редко дают полное развернутое повествование, они не всегда удерживают полностью весь сюжет, восполняют детали фантазией. Чаще всего забывается конец первой части (судебное разбирательство).

Кульминацией сказки является вынесение приговора ершу. За ней следует развязка — описание побега ерша от судей.

Все перечисленные элементы композиции первой части сказок свидетельствуют о том, что данная сказка представляет собой законченное произведение, цельное, имеющее определенную завязку, развитие действия и развязку (это напоминает нам композицию сатирических или волшебных сказок).

Но при любой краткости первой части сказки вторая часть ее, рассказ о ловле и приготовлении Ерша, всегда присутствует (эта часть очень похожа на формульные сказки о животных интересом к веселой

игре словом и тяготением к рифме). Из литературных сказок в сказку о Ерше перешла любовь к развернутым характеристикам рыб, такого нет в сказках о животных.

Что касается литературных переложений сказки о Ерше Ершовиче, то их очень мало. Нами рассмотрены литературные обработки данного сюжета Б.В. Шергина «Судное дело Ерша с Лещом», П.П. Ершова «Конек-Горбунок», М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», Г.И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы». Изучив их, мы выяснили, что сюжет трансформировался по-разному. Обнаружены общие позиции в толковании образа, и выявлены различия в переработке сюжета. Так, Б.В. Шергин берет за основу весь сюжет и вносит его в литературное произведение, П.П. Ершов эпизодически рассматривает образ забияки-ерша. М.Е. Салтыков-Щедрин высмеивает суд над пискарем, а Г.И. Успенский показывает героя по имени Ерш и с помощью художественно-изобразительных средств создает образ задорного человека, который сердится, топорщится, ершится.

Глава 3

СКАЗКА
«СОКРОВИЩА РАМПСИНИТА»
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
ВАРИАНТАХ
И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Восточнославянские варианты сказок типа «Сокровища Рампсинита» в сравнительном освещении

История сказочного сюжета «Сокровища Рампсинита» (АТ 950) неоднократно привлекала внимание представителей различных фольклористических школ как в России, так и за рубежом. Тот факт, что варианты этого сюжета распространены во всем мире, заставлял исследователей по-разному объяснять их сходство.

Представители мифологической школы искали в их сходстве намеки на происхождение сказок от общего корня. Странник этой школы А. Де-Губернатис возводит сказку о ловких ворах (АТ 950) к мифологическому источнику¹. Он отождествляет вора с солнечным героем, а владельца сокровища — со злым демоном ночи и мрака, держащим в заключении похищенное сокровище — солнце. Эту же версию поддерживает Р.Л. Эрлих. Исследователь считает, что исторический предок Прометея, похитившего огонь на небе, — это Ажи Дахак, открывающий свои три пасти, чтоб поглотить неугасимый свет, а исторический потомок Прометея на земле — ловкий русский вор, обкрадывающий царя².

Странники теории заимствования видели в сходстве вариантов указание на влияние одних произведений на другие либо на видоизменение одних и тех же произведений, приобретших в процессе своей модификации видимость различных. Большинство представителей этой теории искали родину сюжета АТ 950 на Востоке (А. Шифнер³ и др.). Традиционную египетскую сказку видели в этом

¹ *Клинггер В.* Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев: Изд. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1903. С. 179—181.

² *Эрлих Р.Л.* Сказка о ловком воре // Научно-исследовательский институт речевой культуры. Язык и литература. Л.: Изд. АН СССР, 1932. Т. VIII. С. 195—203.

³ *Schiefner A.* Über einige morgenländische Fassungen der Rhampsinite-Sage // Бюллетень Академии Наук. СПб., 1870. Т. XIV. С. 299—316.

сюжетном типе А. Вайдеман⁴, Р. Келер⁵, Г. Масперо⁶, И. Вуртейм⁷. В. Клингер⁸ считал вероятным существование данного мотива на почве древнего Вавилона.

Сравнительно-историческая школа подвела итоги изучения истории сюжета. Сравнительно-исторический метод, разработанный А.Н.Веселовским и синтезировавший в себе лучшие стороны мифологической школы, теории заимствования и самозарождения, позволил ученому сделать ряд важнейших замечаний относительно истории сюжета АТ 950. Ученый высказал интересное мнение о меньшей архаичности геродотовой версии о Рампсинитовых сокровищах сравнительно с записями позднейшего времени. А.Н. Веселовский уделяет внимание не только сопоставлению и сравнению различных вариантов, как это было в работах предшественников, но и рассматривает историю сюжета⁹.

Несомненный интерес также представляет мнение В.Я. Проппа, который сделал попытку проследить историю сюжета на различных ступенях общественного развития (принцип стадийного изучения).

Сказочный плут, он же мудрец и озорник-острослов, или, как обычно называют, трикстер, — один из самых любимых фольклорных персонажей. Трикстериада — весьма существенная часть мирового повествовательного фольклора. Одним из его разделов являются сказки о ловких ворах. Сильный, самоуверенный характер сказочного ловкого вора, далеко не соответствующий бытовой реальности, издавна привлекал внимание исследователей.

Тема воровства имеет глубокие исторические корни. Р.Г. Назиров утверждает, что в первоисточке всех «эпических краж» лежит одно и то же — добывание сокровищ в царстве Смерти. Он относит время зарождения сюжетов о хитрецах, трикстерах, побеждающих могучего, но недалекого зверя, или бога, или смерть, к эпохе, когда человечество жило охотой, изобретая ловчие ямы и западни для мамонтов и носорогов. Только хитрость могла победить силу; обкрадывая смерть, человек возвращал отнятое у него же¹⁰.

Этнографических данных, относящихся к более позднему времени, тоже достаточно много. Еще Плутарх обратил внимание на древний обычай спартанских мальчиков добывать средства к жиз-

⁴ Altägyptische Sagen und Märchen / Deutsch von A. Wiedeman. Leipzig, 1906. S. 147.

⁵ Köhler R. Aufsätze über Märchen und Volkslieder. Berlin, 1894. S. 19—21.

⁶ Maspero M.G. Le conte de Rhampsinite // Les contes populaires de l'Égypte. Paris, 1889. P. 180—181.

⁷ Клингер В. Указ. соч. С. 176.

⁸ Там же. С. 178.

⁹ Веселовский А.Н. [Рец. на кн.: Prato S. La legenda del tesoro di Rampsinit... Como, 1882.] // Веселовский А.Н. Собр. соч. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1938. Т. 16. С. 185—190.

¹⁰ Назиров Р.Г. Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1984. С. 19—33.

ни кражей — неумелое воровство малолетних спартанцев считалось большим позором. Русский писатель-этнограф второй половины XVIII века М.Д. Чулков в «Словаре русских суеверий» отметил: «У всех диких народов, кроме камчадалов, воровство похвально, и у них поступают жестоко не за кражу, а за неумение красть»¹¹. Из имеющихся многочисленных этнографических материалов целый ряд исследователей, в том числе и Ю.И. Юдин, убедительно делают вывод о том, что сказки о ловких ворах восходят к первобытной культуре, имеют генетическую связь с первобытным мышлением¹². Между тем общественное осуждение воровства, как отмечалось в научной литературе, возникло лишь с развитием частнособственнических отношений. Изменения в трактовке образа ловкого вора отражали исторический процесс общественного развития, но в основе сказочного изображения похождения ловкого вора поныне обнаруживается его древнейшая основа — представление о воровстве как о вызывающем сочувствие проявлении находчивости, ловкости. Эта основа в той или иной мере осложнилась мотивами социального протеста. В этом отношении показательны древнейшие по происхождению и поныне весьма широко бытующие сказки международного сюжетного типа «Сокровища Рампсинита» — АТ 950.

* * *

Сказочный сюжет о сокровище фараона Рампсинита полнее всего дошел до нас в версии, пересказанной в «Истории» Геродота¹³. Геродот слышал ее в Египте в 440 году до н.э. от ливийца Эвгиммона. Это дало основание А. Видеману (Wiedeman) увидеть в повествовании Геродота традиционную египетскую сказку¹⁴. Другой немецкий исследователь Р. Келер (Köhler) полагал, что повествование о сокровищах Рампсинита относится к составленной Геродотом исторической хронике Египта и отражает реальные события 1200 года до н.э.¹⁵. Эти суждения нельзя считать убедительными. Французский историк Г. Масперо доказывал, что «Сказка о Рампсините» была распространена в Египте задолго до фиксации ее Геродотом. Само имя Рампсинит, по его мнению, связано с греческой приставкой «нит» к имени «Рамсес»¹⁶.

¹¹ Высказывания Плутарха и Чулкова цитируются по статье: *Юдин Ю.И.* Из истории русской бытовой сказки // Русский фольклор. Л.: Наука, 1972. Т. XV. С. 88—89.

¹² *Юдин Ю.И.* Указ. соч.; *Назирова Р.Г.* Указ. соч.; *Турсунов Е.Д.* Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата, 1973. С. 118, 123.

¹³ *Геродот.* История в 9 книгах. Л.: Наука, 1972. С. 116—118 (кн. II, §121) и с. 313 (примеч.)

В научной литературе неоднократно высказывались предположения, что в этой сказке повествуется о сокровищнице фараона Рамсеса II (конец XIV — середина XIII в. до н.э.) или Рамсеса III (XII в. до н.э.), однако документальных данных для этих предположений нет.

¹⁴ *Altägyptische Sagen und Märchen...* С. 147.

¹⁵ *Köhler R.* Op. cit. S. 19—21.

¹⁶ *Maspero M.G.* Op. cit. P. 180—181.

Кроме версии Геродота, известны еще два греческих извода о царской сокровищнице. Первый из них — в передаче Килаппа-беотянина — о сокровищнице царя Гирея. У Калиппа сюжет заимствовал Павзаний (III в.). Согласно Павзанию, сокровищницу царя Гирея обворовывают сыновья Орхоменского царя Эргина — Трифоний и Агамед. Второй извод сохранился в одной из сносок Аристофана и принадлежит пергамскому жрецу Хараксу, который жил еще до Павзания. У Харакса Агамед, правитель аркадского Стимфала, со своими сыновьями Керкионом и Трофонием (превращенным уже в незаконнорожденного сына) обворовывают хранилище элидского царя Авгия¹⁷.

Голландский ученый И. Вуртейм (Vurtheim) считал, что сказание о воровстве в царской сокровищнице было обработано уже Эвгиммоном Киренским в Телегонии. Поэтому можно предположить, что оно, имея египетский источник, было введено им в греческую литературу¹⁸. К. Миллер в «Истории греческих племен» поддерживал приоритет греческой версии. В. Клиnger, присоединяясь, в основном, к суждениям Р. Келера и И. Вуртейма, отмечал, что сюжет о сокровищнице Рампсинита был известен одновременно в Египте и Вавилоне. При этом он ссылается на следующее сообщение Геродота (II, §150): «Огромные сокровища Сарданапала, сына Нила, хранимые в подземном склепе, задумали украсть воры. И вот, они от собственного дома хитро повели подкоп под царский дворец, выкапываемую землю каждую ночь бросали в реку и, наконец, достигли того, чего хотели». «Рассказ этот весьма краток, — пишет Клиnger, — но и он делает вероятным существование данного мотива на почве древнего Вавилона»¹⁹.

Немецкий историк Бутман (Buttman) в «Мифологии» относит происхождение сюжета «Сокровища Рампсинита» к ряду стран Востока. Это предположение разделял А. Шифнер, обративший внимание на особенности, характерные для индийских, тибетских и татарских сказочных вариантов сюжета типа «Сокровища Рампсинита»²⁰. Многочисленные арабские варианты данного сюжета сопоставил Г. Масперо²¹. На особенности грузинских вариантов обратил внимание А. Глонти²². обстоятельный обзор европейских сказок типа АТ 950 дан впервые в итальянской монографии о данном сюжете С. Прато²³. В рецензии на эту книгу А.Н.Веселовский писал, что работа Прато выгодно отличается от остальных богатством привлеченного материала и тщательностью

¹⁷ *Клиnger В.* Указ. соч. С. 176.

¹⁸ См. там же. С. 177.

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ *Schiefner A.* Über einige... С. 299—316.

²¹ *Maspero M.G.* Sur une version arabe du conte de Rhapsinite // *Journal Asiatique*. V. 6. Paris, 1885. P. 149—159.

²² Глонти. С. 349—354 (Примечания).

²³ *Prato S.* La legenda del tesoro di Rampsinite nelle varie redazioni e straniere. Como, 1882. P. 1—52.

его характеристики²⁴. Но она не удовлетворила Веселовского, так как, по его мнению, исследователь не должен останавливаться на сравнительном анализе вариантов сюжета, он должен попытаться определить его возникновение и историю. Веселовский поставил перед исследователями проблему изучения сюжета «Сокровища Рампсинита».

Сказки типа АТ 950 (имя фараона Рампсинита в них не упоминается) распространены в Средней, Центральной и Малой Азии, на Тибете и в Северном Китае, в Аравии, Индии и сопредельных с ними странах, в Северной Африке, в Западной Европе. Наиболее полный обзор сказок типа АТ 950 разных частей света с учетом публикаций до второго десятилетия XIX века дали Больте и Поливка²⁵. В их указателе перечислены различные европейские варианты — французские и итальянские, португальские и греческие, болгарские и польские, латышские, финские и др., а также цыганские варианты и сказки народов Севера. Большое внимание исследователи уделили восточному материалу (кроме турецких сказок были рассмотрены татарские, арабские, индийские и тибетские). Существенно дополнены данные Больте и Поливки во втором издании международного указателя Аарне—Томпсона²⁶, составленном по данным середины XX века. Томпсон указывает на варианты из Германии, Австрии, Испании, Чехословакии, Эстонии, Литвы, а также с острова Сицилия. Далее он приводит варианты кавказских народов, народов Лаоса, Сирии, Островов Зеленого Мыса (Кабо Верде), Чили, Доминиканской Республики и Аргентины. Последней фундаментальной работой о международном сюжете АТ 950 стала монография В. Алю, посвященная детальному изучению «Истории» Геродота²⁷. В связи с Геродотовой версией сюжета АТ 950 Алю рассматривает и истории о «Рампсинитовых сокровищах». В своей книге немецкий ученый ставит вопрос о положении и месте данного сказания в кругу других сюжетов, говорит о близости сказания Геродота другим народным рассказам.

Исследователя интересуют данные о количестве сюжетов, их соотношении в народном бытовании и поэтическом творчестве. Ученый дает анализ работ предшественников и современников Геродота. Алю приобщил к известным для него материалам новые, к тому времени собранные исследователями.

Работа Алю отличается более основательным, более теоретическим характером, но, к сожалению, лишь в плане формальной теории литературы. Задачи, в сущности, остались не разрешенными. Наиболее

²⁴ *Веселовский А.Н.* [Рецензия...]

²⁵ *Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm / Bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka.* Leipzig, 1918. S. 395—406. (Далее: Bolte, Polivka).

²⁶ *Thompson St.* The types of Folktale. A Classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC No. 3) translated and enlarged. Second revision (FFC No. 184). Helsinki, 1961 (№ 950).

²⁷ *Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen... Göttingen, 1921. S. 1—326.

полные сведения о восточнославянских вариантах типа АТ 950 даны в книге «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка»²⁸. Сводку современного состояния «Сказки о Рампсините» дают в своих примечаниях к III тому «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков²⁹.

Здесь имеются указания на 26 русских, 18 украинских, 5 белорусских вариантов. Встречаются сказки данного типа и в фольклоре многих других народов СНГ: например, у татар — 4 сказки, башкир — 4 сказки, казахов, узбеков, бурят, народов Кавказа, чеченцев и ингушей, а также в героических песнях вайнахов — илли.

Литературная судьба этого сюжета связана с восточными сборниками «Типитака», «Катхасаритсагара», «Панчатантра» и с латинским сборником конца XII века «Dolopathos» Иоганна де Альта Сильвы, а также со средневековыми фавль, новеллами³⁰. Сюжет о грабителе сокровищницы Рампсинита использовали в своих произведениях Г. Гейне³¹, У. Шекспир, итальянский новеллист Банделло, немецкий драматург Август Платен³² и другие. Относительно подробный указатель литературных обработок сюжета можно увидеть в книге Больте и Поливки³³. Русских литературных обработок сюжетного типа АТ 950 очень мало, они даны в сборниках XVIII века: «Спутник и собеседник веселых людей...»³⁴ лубочного типа в «сером» издании и сборнике В.А. Левшина «Сказки XVI—XVIII веков»³⁵.

Попытаемся сделать с учетом имеющихся отечественных и зарубежных исследований о происхождении, истории, международном распространении и литературных обработках сказок типа «Сокровища Рампсинита»:

- 1) сопоставительный анализ на международном фоне русских, украинских и белорусских вариантов этого сюжетного типа;
- 2) сопоставительный анализ тюркоязычных (в основном башкирских и татарских) вариантов;
- 3) сопоставительный анализ восточнославянских (особенно русских) и тюркоязычных (особенно башкирских и татарских) вариантов.

При этом предполагается обратить внимание на историческую обусловленность, закономерности общего и особенного в сопоставля-

²⁸ СУС. № 950.

²⁹ Афанасьев 1985. III. С. 390 (Примечания).

³⁰ Там же. С. 390.

³¹ Полн. собр. соч. Г. Гейне в переводе русских писателей / Под ред. П.В. Быкова. СПб., 1900. Т. IV. С. 11—13.

³² Platen A. Der Schatz des Rhampsinit. Leipzig, o.J. S. 1—75.

³³ Bolte, Polivka. С. 395—406

³⁴ Спутник и собеседник веселых людей... М., 1773, № 95. Ч. 1. С. 156—163.

³⁵ Левшин В.А. Сказки XVI—XVIII веков // Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.В. Новикова. М.; Л., 1961. С. 32—53; Левшин. № 4.

ющем сказочном материале и на процесс взаимодействия этнических фольклорных традиций. Существенное внимание будет по возможности уделено рассмотрению фольклорных текстов выдающихся сказочников.

* * *

Сказки этого сюжетного типа имеют широкое международное распространение. В «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» сюжетная схема *восточнославянских вариантов* типа АТ 950 представлена следующим образом:

- 1) дядя и племянник обворовывают сокровищницу царя;
- 2) дядя попадает в западню и не может спастись; чтобы замести следы, племянник рубит ему голову и уносит ее;
- 3) жена дяди должна оплакать и похоронить труп; племянник помогает ей это сделать (этот мотив отсутствует в версии Геродота);
- 4) несмотря на все хитрости, к которым прибегают для поимки племянника, он остается на свободе.

Восточнославянские и западноевропейские варианты сюжетного типа АТ 950 имеют много общих особенностей: в большинстве восточнославянских и западных вариантов воры обворовывают сокровищницу царя. Хотя ловкий вор в восточнославянских вариантах забирается в сокровищницу разными способами, некоторые из этих способов идентичны тем, которые применяют воры в западноевропейских вариантах; так, воры, чтобы попасть в хранилище, или пробивают отверстие в стене³⁶, или проникают туда через крышу³⁷.

Капкан в качестве западни в восточнославянских вариантах встречается редко³⁸; в большинстве вариантов в этом случае используется чан со смолой. Жертвой хитрости становится обыкновенно старший вор; нередко это мотивировано тем, что младший, как бы предчувствуя опасность, советует товарищу идти первым³⁹. Попавшему в западню вору его сообщник отрезает голову⁴⁰.

Так же, как и в сказках восточнославянских народов, в западноевропейских вариантах вор перед похищением тела поит стражей⁴¹, а затем передевает их в монашеские ризы⁴²; в одном русском варианте

³⁶ Сказки XVI—XVIII вв. № 4, С. 444; Малинка. № 57, С. 262; Шейн. № 96. С. 203; Schiefner 1906. S. 300—305 (тибетский вариант).

³⁷ Кожемякина. С. 134; Riviere. P. 14 (франц. вариант).

³⁸ Никифоров. № 47. С. 114.

³⁹ Афанасьев 1985. № 390. С. 176; Етногр. зб. Т. 8. № 73. С. 142; Шейн. № 95. С. 204; Chelchowski. № 39. P. 946.

⁴⁰ Зеленин. № 49. С. 300; Гирик. С. 103; Шейн. № 96, С. 207; Riviere. P. 15.

⁴¹ Чубинский. II. № 80. С. 603; Чернышев. № 80; Клинггер. С. 172 (немецкая редакция у Zingerle и две бретонских у Luzel'a).

⁴² Карнаухова. № 119. С. 224; Шейн. № 96, 95; Етногр. зб. Т. 9. № 56. С. 100; Prato S. Op. cit. P. 4, 34.

ловкий вор глумится над сторожами, обривая им головы⁴³ — у Геродота в той же ситуации вор стрижет стражам правую сторону бороды⁴⁴.

Потерпевший иногда следует советам старого вора, личности весьма примечательной. Появление этой фигуры подготовили древние греки — уже Харакс в своем изводе упоминал о хитроумном Дедале⁴⁵. В западных вариантах это обычно старый, слепой вор, находящийся на иждивении царя. В восточнославянских сказках личность старого вора обретает налет таинственности: это или волшебник, или ворожец⁴⁶, или просто вещей вор⁴⁷. С помощью советов старого вора, а иногда и без него, применяют самые разнообразные средства для поимки вора: разводят внутри здания огонь из сырого горючего материала и, закрыв все двери и окна, по выходящему наружу дыму находят щель⁴⁸; водят по городу какое-нибудь редкостное животное с грузом дорогих товаров или без него⁴⁹ — в восточных (тюркских) сказках вместо козла⁵⁰ фигурирует верблюд или лань⁵¹. После этого мотива идет следующий: царь рассылает по городу нищих искать мясо животного, вор заманивает нищенку, убивает, а оставленный ею знак переносит на все другие ворота⁵².

Как в восточнославянских, так и в некоторых западноевропейских вариантах царь прибегает, наконец, к помощи дочери: он созывает гостей, укладывает их спать неподалеку от спальни царевны; дочери же дается указание отметить всякого, кто к ней приблизится. Вор, догадавшись, что его отметили, отмечает таким же образом всех присутствующих⁵³.

Исчерпав все свои силы и средства, царь предлагает тому, кто чистосердечно раскается в своих преступлениях, руку принцессы, а вместе с ней и престол в наследство⁵⁴. На этом обычно завершаются как западноевропейские, так и восточнославянские варианты.

⁴³ Никифоров. № 47. С. 114.

⁴⁴ Геродот. Указ соч. С. 116.

⁴⁵ *Клинггер В.* Указ соч. С. 171.

⁴⁶ *Этногр. зб.* Т. 14. № 56. С. 288; Чубинский. № 80. С. 602.

⁴⁷ *Гиряк.* С. 99.

⁴⁸ *Господарев.* № 4. С. 140; Чубинский. № 80. С. 602; Prato. P. 27—28.

⁴⁹ *Клинггер В.* Указ соч. С. 173 (немецк. редакция у Zingerle); Riviere. P. 18.

⁵⁰ *Ончуков.* № 168. С. 422; Чубинский. II. № 80. С. 603; Шейн. № 96. С. 208.

⁵¹ *Радлов.* С. 332—333; ТХИ. III. № 44; КНС. I. С. 264; Глонти. С. 73 (грузинск. вариант), Marzolph. S. 178 (персидские варианты); Eberhard, Boratov. No 342. S. 374; Chauvin V. № 225.

⁵² Prato S. Op. cit. P. 4 (ливорн. ред.). С. 41 (см. параллели); Чубинский. № 80. С. 604; *Господарев.* С. 605; *Романов.* № 19. С. 413.

⁵³ Prato S. Op. cit. P. 41; *Левченко.* № 587. С. 530; Шейн. № 95. С. 205—206; *Чернышев.* № 80.

⁵⁴ *Клинггер В.* Указ соч. С. 175 (кипрская новелла); Riviere. P. 18; Шейн. № 95. С. 206.

* * *

И в истории, и в языке, и в фольклоре, и во всей духовной культуре *русских, белорусов и украинцев* есть много общего. Сказочный эпос Киевской Руси явился формирующей основой, на которой сложились и выросли русские, украинские и белорусские сказки⁵⁵. Поэтому для большинства восточнославянских вариантов типа АТ 950 характерны многие особенности, присущие как русским, так и украинским и белорусским сказкам данного сюжетного типа.

Так, например, в большинстве восточнославянских вариантов ловкий вор является крестьянским сыном.

Мотив совершенствования воров своего мастерства встречается в сказках трех восточнославянских народов, так же как и эпизод испытания дядей своих племянников (он выбирает себе в помощники более ловкого)⁵⁶. Только в восточнославянских сказках сюжет типа «Сокровища Рампсинита» нередко контаминируется с эпизодом кражи у крестьянина быка, коровы или барана, когда вор применяет уловку с сапогами, которые он поочередно оставляет на дороге (АТ 1525)⁵⁷. Также нехарактерен для сказок других народов мотив кражи яиц из-под утки (сороки)⁵⁸. Пока дядя ползет к гнезду, племянник снимает с него штаны⁵⁹ или отрезает подметки⁶⁰ в доказательство своей большей ловкости, чем у дяди.

Только в восточнославянских вариантах⁶¹ и одном татарском варианте⁶² встречается такая подробность: вместе с ловким воров грабит царскую сокровищницу целая шайка разбойников, один из которых (или все разом) попадает в ловушку — смоляной котел⁶³ (или герой убивает по одному всех разбойников)⁶⁴.

Во многих восточнославянских вариантах сохраняется древнейший мотив данного сюжета. Родственники обезглавленного вора стремятся во что бы то ни стало добыть и похоронить его тело, оплакать погибшего. Вор учит тетю, жену вора, плакать, не вызывая подозрения — она должна разбить на площади горшок с молоком⁶⁵, а потом уже плакать. В сказке отразились черты мировоззрения человека, убежденного в необходимости сопровождать мертвого на тот свет обрядом оплаки-

⁵⁵ *Бараг Л.Г.* Белорусские народные сказки // Славянский филологический сборник. Уфа: БГУ, 1962. С. 368.

⁵⁶ Етногр. зб. Т. 8. № 5, 73; Коргуев. № 63. С. 402.

⁵⁷ Klich. II. С. 82; Гирык, I. С. 100—101; *Веселовский А.Н.* Сказки об Иване Грозном // *Веселовский А.Н.* Собр. соч. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1938. Т. 16. С. 155.

⁵⁸ Балашов. С. 214; Романов. № 19. С. 410; Етногр. зб. Т. 9. № 56. С. 98.

⁵⁹ Сказки XVI—XVIII вв. № 23. С. 74.

⁶⁰ Романов. № 19. С. 410; Балашов. С. 214.

⁶¹ Калин. С. 26—30; Етногр. зб. Т. 9. № 56. С. 98—101; Шейн. № 95. С. 205—206.

⁶² ТХИ. № 80

⁶³ Калин. С. 28; Етногр. зб. Т. 9. № 56; Шейн. № 95.

⁶⁴ ТХИ. № 80.

⁶⁵ Етногр. зб. Т. 14. № 56; Чернышев. № 80; Афанасьев. № 390.

вания. Другое представление, идущее от первобытных времен и нашедшее отражение как в древних вариантах сказочного сюжета, так и в вариантах нового времени, в частности восточнославянских, заключается в том, что тело мертвого должно быть похоронено целиком⁶⁶. Примечательно, что в одном из русских вариантов стражники ждут, не принесет ли кто голову для погребения⁶⁷. В другом русском варианте вор, напоив стражей, прикладывает к туловищу принесенную с собой голову и уходит⁶⁸. В украинском варианте вор крадет тело, чтобы похоронить его рядом с головой⁶⁹. Обычно герой восточнославянских сказок вязнет в грязи недалеко от стражи и просит помочь вытащить телегу. Стражники охотно помогают ему, в награду за помощь вор поит их вином. Когда стража засыпает, ловкий вор беспрепятственно увозит тело⁷⁰.

После ряда неудачных попыток поймать ловкого вора царь в восточнославянских вариантах прибегает к последнему средству. Только в русских⁷¹, белорусских⁷² и украинских⁷³ вариантах развивается такой мотив: царь созывает пир и оставляет гостей ночевать. Перед постелью принцессы обычно роют яму, попав в которую, вор решает спровоцировать пожар, благодаря чему счастливо избегает поимки.

Характерен для восточнославянских вариантов такой заключительный эпизод — царь объявляет, что выдает свою дочь замуж за неуловимого ловкого вора, если он явится к нему добровольно. Вор приходит к царю, и тот женит его на царевне⁷⁴. Иногда этот эпизод осложняется своеобразными особенностями: например, вор является к царю только тогда, когда получает от него письменное обязательство выдать дочь за него⁷⁵. Или: царь соглашается выдать за ловкого вора дочь после того, как тот вернет украденную царскую корону, и выполняет свое обещание⁷⁶.

В сказках всех восточнославянских народов встречаются контаминации сюжета «Сокровища Рампсинита» со следующими сказочными сюжетами: АТ 1525Д («Ловкий вор обманывает прохожих»), АТ 1525Е («Воры и их ученик»). Изредка в восточнославянские сказки типа «Сокровища Рампсинита» входят мотивы сюжета «Кому должна достаться украденная дорогая вещь», например, шуба⁷⁷ или царская корона⁷⁸ — АТ 1525К^x.

⁶⁶ Рус. сатир. сказка. С. 15—16.

⁶⁷ Чернышев. № 80.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Калин. С. 27.

⁷⁰ Малинка. № 57. С. 340; Никифоров. С. 115; Шейн. № 96. С. 207.

⁷¹ Зеленин. № 49; Господарев. С. 139; Куприяниха. № 49. С. 188.

⁷² Шейн. № 95. С. 206.

⁷³ Етногр. зб. Т. 9. № 56; Гиряк. С. 108.

⁷⁴ Чернышев. № 80; Левченко. № 587; Шейн. № 95.

⁷⁵ Господарев. № 4. С. 144.

⁷⁶ Klich. II. С. 83.

⁷⁷ Чернышев. № 80; Етногр. зб. Т. 8. № 73; Романов. № 19.

⁷⁸ Klich. II. С. 82—83.

* * *

В *русских* сборниках опубликовано 26 вариантов сюжетного типа АТ 950. Русские сказки о Рампсинитовом сокровище еще называют сказками о «Дяде и племяннике», так как в подавляющем большинстве вариантов (20 из 26) они и являются главными действующими лицами. Героями двух сказок являются городской и деревенский воры⁷⁹, в одной сказке — это два брата⁸⁰, еще в одной — купеческий сын и солдат⁸¹.

В части, предшествующей краже царских сокровищ, нередко повествуется о детстве и юности вора, когда начали появляться его воровские наклонности. У вора оказывается родственник — дядя, способствующий развитию способности воровать, — со временем первый обгоняет в искусстве воровать своего учителя (АТ 1525Е). Но обычно племянник с самого начала превосходит своего дядю в ловкости и не нуждается в его поучениях. Так, в одном варианте он с издевкой рассказывает, как дядя учил его воровать: он бросил свою фуражку, потом стал к ней подкрадываться, полз, полз — все колени стер, схватил ее и в пазуху: «Никто, — говорит, — не видал!»⁸². Иногда, когда дядя пробует украсть гусей, племянник незаметно прорезает подметки его сапог (АТ 1525Н)⁸³. В других вариантах вор крадет у дяди одежду⁸⁴ или золотые часы⁸⁵.

Когда же во всех этих состязаниях в краже племянник берет верх над дядей (один вор берет верх над другим), тот соглашается взять его на сложное воровское дело. Чаще всего они обкрадывают «государеву казну»⁸⁶ или банк⁸⁷. В вариантах более позднего (советского) времени нередко кража происходит в складе⁸⁸, амбаре⁸⁹ или магазине⁹⁰. Причем в склад, амбар или магазин воры обычно проникают не через подземный ход, а через крышу⁹¹ или окно⁹², а то и проламывают стену⁹³. В одном варианте воры, чтобы проникнуть в банк, два раза подкупают стражу, только во второй раз денег требуется вдвое больше⁹⁴. За исключением одного варианта⁹⁵, в других опубликованных русских сказ-

⁷⁹ Ончуков. № 168; Балашов. № 61.

⁸⁰ Никифоров. № 14.

⁸¹ Зеленин. № 54.

⁸² Зеленин. № 49. С. 300.

⁸³ Ск. Поморья. № 29.

⁸⁴ Коргуев. С. 404.

⁸⁵ Куприяниха. № 49. С. 185.

⁸⁶ Коргуев. С. 403.

⁸⁷ Ск. Поморья. № 29; Ончуков. № 168; Чернышев. № 80.

⁸⁸ Господарев. С. 139; Башк. Ур. № 12.

⁸⁹ Господарев. С. 603—606; Кожемякина. С. 135.

⁹⁰ Зеленин. № 49.

⁹¹ Ончуков. № 168; Кожемякина. С. 135.

⁹² Сказки XVI—XVIII вв. № 23; Куприяниха. № 49.

⁹³ Сказки XVI—XVIII вв. № 4.

⁹⁴ Ончуков. № 168.

⁹⁵ Никифоров. С. 116.

ках воры не пользуются знанием тайны о подвижном камне в стене царской сокровищницы (версия Геродота).

Воры берут сокровища и проникают в казнохранилище несколько раз, пока там не обнаруживается пропажа части сокровищ (ценных вещей). Приемы, применяемые владельцами сокровищ для поимки воров, творчески многообразно варьируются народными рассказчиками. Приведем некоторые варианты: пол покрывают песком, чтобы узнать, с какой стороны воры ходят⁹⁶; на пути воров к сокровищу ставят чан со смолой; иногда чан со смолой ставят над бревном, смазанном салом, чтобы вор на нем поскользнулся⁹⁷; подпиливают подворотню, чтобы она упала на голову вора⁹⁸; сооружают ловушку в виде сложного механизма⁹⁹... Иногда оставляют в виде приманки какую-нибудь вещь¹⁰⁰ или еду¹⁰¹ на видном месте, чтобы вор, позарившись на них, попал в западню.

Обычно ловкий вор, отрубив голову сообщника, уносит ее, но в русском материале имеются варианты, в которых он забывает унести отрубленную голову¹⁰². Случается, что вор, желая высвободить попавшегося, отрывает ему голову¹⁰³.

Вор учит родственницу покойного плакать, не вызывая подозрения, — например, разбить на площади дорогие чашки¹⁰⁴. В некоторых русских и украинских вариантах вор как бы нечаянно обжигает кипятком ребенка¹⁰⁵, после чего плач женщины получает объяснение. В ряде вариантов задача ловкого вора — достать тело убитого сотоварища и предать его погребению — выполняется благодаря ловкой выдумке: вор спаивает сторожей и крадет у них тело¹⁰⁶. В русском варианте из сборника Ончукова переодетый в царский мундир Барма сам заставляет часовых похоронить тело¹⁰⁷. Иногда тело погибшего вора хоронят, не найдя скорбящих по нему, по указанию царя¹⁰⁸.

После ряда неудач, связанных с попытками поймать ловкого вора, царь прибегает к новым хитростям. Он велит застлать улицу¹⁰⁹ или

⁹⁶ Там же. С. 119.

⁹⁷ Балашов. № 61.

⁹⁸ Рус. сатир. сказка. С. 15.

⁹⁹ Ончуков. № 160

¹⁰⁰ Ончуков. № 59.

¹⁰¹ Балашов. № 61.

¹⁰² Ончуков. № 160; Зеленин. № 50.

¹⁰³ Етногр. зб. Т. 8. № 5; Башк. Ур. № 12; *Клинггер В.* Указ. соч. С. 171 (кипр. и сирийск. ред.).

¹⁰⁴ Господарев. С. 138.

¹⁰⁵ Карнаухова. № 119; Чубинский. № 80.

¹⁰⁶ *Веселовский А.Н.* Сказки об Иване... С. 157; Сказки XVI—XVIII вв. № 4; Зеленин. № 49; 54.

¹⁰⁷ Ончуков. № 160.

¹⁰⁸ Куприяниха. № 49.

¹⁰⁹ Левшин. № 4; Ончуков. № 59; Куприяниха. № 49.

«комнату в гостиной»¹¹⁰ серебряными рублями — кто наклонится, тот, значит, вор. Вор, намазав свои подошвы смолой¹¹¹ или варом¹¹²; собирает деньги, не наклоняясь. Чтобы уличить вора в краже, ищут по домам смоляные лапти; в этом варианте по лаптям находят вора и казнят его¹¹³. Иногда посылают мальчиков искать деньги по карманам гостей, но вор успевает положить каждому по две, три монеты¹¹⁴. В другом варианте ловкий вор ничем не мажет свою обувь, он просто прорезает свои подметки, а в дырках собирает деньги. Когда же начинают осматривать гостей, вор, уронив под стол ножик, прорезает подметки у всех присутствующих¹¹⁵.

Иногда рядом с отлитым из золота бараном ставят ведро с вином: вор, напившись, засыпает. Ему бреют полголовы. Он, чтобы не быть узнанным, так же бреет встречающих за плату¹¹⁶.

Если в сказках других народов водят по городу какое-нибудь редкостное животное, навьюченное богатствами, то в русских сказках в данном случае предпочтение отдается козлу, которого всячески украшают. Ему втирают в рога алмазы¹¹⁷ или покрывают их золотом¹¹⁸, накрывают его парчовой тканью¹¹⁹, золотом¹²⁰ и водят на серебряной цепочке¹²¹ — всё для того, чтобы прельстить вора. Вор действительно решает украсть козла, прибегая при этом к разнообразным уловкам: воспользовавшись невнимательностью стражи, привязывает к веревке вместо козла тяжелую гирию¹²² или отвлекает их внимание. Положив в мешок мышей, крыс, лягушек¹²³ или птиц заморских¹²⁴, он идет мимо стражи. Те, любопытствуя, выпускают живность и, пока ловят ее, вор преспокойно уводит козла. В двух других вариантах¹²⁵ он в качестве именинника приглашает стражу к себе на обед и кормит всё тем же козлом. Иногда посылают повара искать, где пахнет жареной козлятиной¹²⁶, но чаще ищут рога¹²⁷ или мясо козла¹²⁸. Мать случайно про-

¹¹⁰ Зеленин. № 49; *Веселовский А.Н.* Сказки об Иване... С. 159; Рус. сатир. сказка. С. 16.

¹¹¹ Господарев. С. 605; Ончуков. № 17; Зеленин. № 54.

¹¹² Зеленин. № 49.

¹¹³ Афанасьев 1985. № 390.

¹¹⁴ Господарев. № 4. С. 136—144.

¹¹⁵ Карнаухова. № 119.

¹¹⁶ Сказки XVI—XVIII вв. № 4; Ончуков. № 17, 59; Рус. сатир. сказка. С. 16.

¹¹⁷ Сказки XVI—XVIII вв. № 4.

¹¹⁸ Афанасьев 1985. № 390.

¹¹⁹ Господарев. С. 605.

¹²⁰ Зеленин. № 54.

¹²¹ Ончуков. № 168.

¹²² Господарев. № 4. С. 140.

¹²³ Чернышев. № 80.

¹²⁴ Сказки XVI—XVIII вв. № 4. С. 44.

¹²⁵ Ончуков. № 168; Карнаухова. № 119. С. 224.

¹²⁶ Карнаухова. № 119. С. 225.

¹²⁷ Сказки XVI—XVIII вв.. № 4. С. 45.

¹²⁸ Господарев. № 4. С. 140.

говаривается, и на их воротах ставится отметина. Вор так же помечает другие ворота¹²⁹.

Царь использует еще много уловок, пока не решается прибегнуть к последнему средству. В одном русском и в одном украинском варианте, а также в некоторых западных вариантах принцессе дается указание отметить того, кто осмелится с ней танцевать¹³⁰. И в одной русской сказке сохранился мотив, известный нам по редакции Геродота: царь рассылает везде бумаги, чтобы каждый посетил царевну и рассказал ей о наиболее примечательных событиях своей жизни. Ловкий вор, вручив дочери царя руку мертвеца, успевает бежать¹³¹. В большинстве же русских вариантов царь созывает пир и оставляет гостей ночевать в смежной комнате со спальней царевны¹³², надеясь, что только у вора хватит смелости подойти к ней. Царевна должна спящему поставить метку. В одном из русских вариантов царевна обмазывает вора смолой и обсыпает пухом¹³³. Иногда у кровати принцессы разбирают пол и роют большую яму, а затем засыпают ее пухом, чтобы вор не убился. Вор в этом случае начал по этому пуху махать пиджаком; а когда пух полетел по всем комнатам, он стал кричать: «Убегайте, горим!». Все гости, испугавшись, побежали и попали в яму¹³⁴.

В варианте более позднего времени одевают во всё хорошее барышню и велют ей ходить по базару. Вор замечает ее и, проводив до дому, смотрит, где она спит... Но к его приходу успевают вырыть яму перед кроватью и наполнить ее смолой. Ничего не подозревая вор попадает в яму с оглушительным шумом, от которого задремавшие караульщики с испугу валятся прямо в смолу. Вор оказывается все-таки неуловимым¹³⁵.

Среди опубликованных текстов выделяются варианты таких сказочников, как М.М. Коргуев¹³⁶ и А.К. Барышника¹³⁷. В варианте замечательного народного сказочника советского времени М.М. Коргуева контаминируются 3 сюжета. Основной сюжет — «Шут» (АТ 1539) — очень распространён в русском репертуаре и в европейском. Сюжет «Сокровища Рампсинита» (АТ 950) в таком соединении встречается редко. Обычно этот сюжет встречается самостоятельно. Сказка имеет острую социальную направленность. Бедняк, которого все считают дураком, сам дурачит все время поповичей и барина. Данный вариант близко примыкает к другой Коргуевской сказке «Про Нестера, у которого было ребят шестеро» (№ 62).

¹²⁹ Чернышев. № 80; Ончуков. № 168; Господарев. № 4. С. 141; *Prato S.* Op. cit. P. 41.

¹³⁰ Етногр. зб. Т. 9. № 56; Зеленин. № 49; *Клинггер В.* Указ. соч. С. 174 (шотланд. ск. Campbell'a).

¹³¹ Никифоров. С. 117.

¹³² Чернышев. № 80; Зеленин. № 49; Господарев. С. 140.

¹³³ Чернышев. № 80.

¹³⁴ Господарев. С. 140.

¹³⁵ Куприяниха. № 49.

¹³⁶ Коргуев. № 63.

¹³⁷ Куприяниха. № 49.

В варианте широко известной воронежской сказочницы 1920—1930-х годов Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи) вор обкрадывает своего учителя-вора. Данный вариант сравнительно менее распространен. Образ ловкого вора в сказке Куприянихи также социально заострен, хотя сказительница здесь разрабатывает широко известные традиционные сюжеты, часто чередующиеся по-другому. Хотя вор и обкрадывает своего учителя-вора, но Куприяниха подчеркивает, что этот учитель «богатый». И она с удовольствием передает целый ряд проделок ловкого вора, совсем разорившего своего учителя, у которого было «всё золото», «гардероб с золотыми вещами» и т.д. Интересно отметить вторжение современных слов в традиционный сюжет: вора хотят застрелить из нагана; у учителя имеется гардероб; по базару водят барышню; вор придумывает фокус со стаканами и т.д.

Только в одном русском¹³⁸ и в ряде украинских вариантов¹³⁹ встречается контаминация АТ 950 с типом АТ 676 («Али-Баба»).

Очень многие контаминации АТ 950 с другими сюжетными типами характерны только для русского сказочного материала: это прежде всего сюжеты о ловких ворах типа АТ 1525а («Ловкий вор»), 1525В («Нужда»), а также АТ 922 («Беззаботный монастырь»), 951В («Царь и вор»), 1358А («Любовник в виде чёрта»), 1537 («Мертвое тело»), 1539 («Шут»), 1737 («Поп в мешке»), 1920Н^x («Огонь в обмен на небылицы»).

Общая картина контаминаций сюжета «Сокровища Рампсинита» с сюжетами или отдельными мотивами сказок других типов представлена на рис. 4.

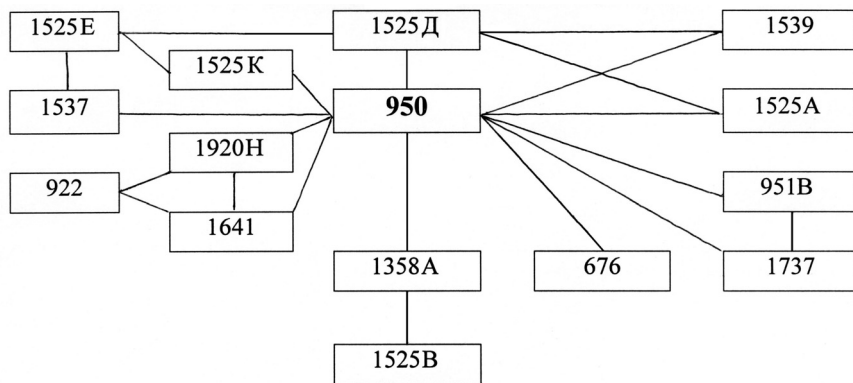

Рис. 4. Схема контаминаций русских вариантов сюжетного типа «Сокровища Рампсинита» АТ 950 с другими сюжетными типами сказок.

¹³⁸ Рус. ск. в Карелии. С. 143—144.

¹³⁹ Демьян. С. 41—43; Лінтур. С. 203—208; Сухобрус—Юзвенко. С. 262—268.

* * *

Исторической судьбой и географическим положением Белоруссии определилась ее роль связующего звена между восточной и западной частями славянского мира.

Белорусские бытовые сказки в своем большинстве имеют острую социальную направленность: для них характерно резкое противопоставление героев помещикам, попам, купцам и царям.

В белорусских сборниках опубликовано 5 вариантов сюжетного типа АТ 950, в украинских — 26¹⁴⁰.

В двух белорусских¹⁴¹ и пяти украинских вариантах¹⁴² вор является царским сыном. Только в одной белорусской¹⁴³ и одной украинской сказке¹⁴⁴ в роли ловкого вора выступает солдат. Своеобразно объясняется в одном белорусском¹⁴⁵ и в одном украинском¹⁴⁶ вариантах, почему герой стал вором: у царя не было детей, он просит ведьму, чтобы она помолилась за него богу. В одном из белорусских вариантов воровские способности царевича испытывает его отец, и только после этого царевич начинает промышлять воровством¹⁴⁷. В другом варианте способности героя испытываются разбойниками, которые затем становятся его сообщниками¹⁴⁸.

В отдельных белорусских вариантах царская сокровищница, которую ловко обкрадывают воры, находится на острове¹⁴⁹. В другом белорусском варианте воры крадут царскую корону (мотив, напоминающий сказки типа «Барма-ярыжка») — АТ 485¹⁵⁰.

В одном из белорусских вариантов воры забираются в царскую сокровищницу по веревочной лестнице¹⁵¹, такая же лестница была у вора из русской сказки¹⁵². В белорусской сказке данного типа сборника Шейна ловушку для вора устраивают под окном (там в яму попадает один из воров)¹⁵³. В другом белорусском варианте один из воров попадает в вырытую по приказу царя яму¹⁵⁴. В западнобелорусском варианте из сборника Е. Клиха ловушка для воров устраивается по приказу царя дважды. В первый раз котел со смолой ставят в яме око-

¹⁴⁰ Белорусские народные сказки. М.: ГИХЛ, 1958. С. 4; Славянский филологический сборник... С. 367—368.

¹⁴¹ Шейн. № 96.

¹⁴² Чубинский. II. № 80; Гириак. I. С. 97—109; Етногр. зб. Т. 3. № 30; Т. 25. № 56; Левченко. № 467.

¹⁴³ Шейн. № 95.

¹⁴⁴ Етногр. зб. Т. 14. № 56.

¹⁴⁵ Шейн. № 96.

¹⁴⁶ Левченко. № 467.

¹⁴⁷ Klich. S. 82.

¹⁴⁸ Гириак. С. 97.

¹⁴⁹ Шейн. № 96.

¹⁵⁰ Klich. S. 82—83.

¹⁵¹ Шейн. № 95.

¹⁵² Ончуков. № 168.

¹⁵³ Шейн. № 95.

¹⁵⁴ Шейн. № 96.

ло постели принцессы. Вор, угодив в котел, кричит: «Пожар!». Тогда прибегают царские гости и тоже попадают в тот котел — вор теряется среди них. В другой раз в бочку со смолой попадает товарищ ловкого вора, которому более ловкий вор отрезает голову¹⁵⁵.

В одной из белорусских сказок сборника Шейна царь, пытаясь изловить ловкого вора, пускает по улицам города козла, украшенного драгоценными камнями, которого удастся безнаказанно похитить ловкачу. Он благополучно варит и съедает мясо этого козла¹⁵⁶.

Весьма своеобразное развитие получает действие в белорусской сказке из сборника У.В. Аниченко, относящейся в общем к типу «Сокровища Рампсинита»: удачно грабят склад два вора, никто из них не попадает в западню; самый ловкий из них, притворившись мертвым, пытается избежать дележа добычи с товарищем. Здесь сюжет получает социальную заостренность. Ловкий вор является бедняком и занимается воровским ремеслом, потому что «его дзетки голые», нужно купить муки и накормить их¹⁵⁷. Многие традиционные звенья сюжета в данном варианте опущены, что связано с контаминацией сюжетного типа АТ 950 с сюжетным типом «Разбойники в часовне» (АТ 1654).

Среди опубликованных текстов выделяются варианты выдающегося белорусско-русского сказочника, активного участника революционных событий 1905 года Ф.П. Господарева¹⁵⁸. Действие в этих вариантах развивается в обстановке русского крестьянского быта начала XX века. У Господарева не только едко высмеивается царь, которого обокрали воры, но и сатирически обличается весь господствующий социальный строй. Сказочник и его герои уверены, что своим существованием эксплуататорские классы обязаны исключительно трудовому народу: «Если б я эту работу не работал, — заявляет один из мужиков государскому сыну, — то мы б все с голоду сдохли. Не пошил бы ты такого пиджака на себе»¹⁵⁹. Варианты изложены сочным, метким языком, включают в себя ряд пословиц и поговорок.

В белорусском сказочном материале встречаются следующие сюжетные контаминации типа АТ 950 с типами, контаминируемыми с данным сюжетом в русском и украинском материале: 1525Д («Ловкий вор обманывает прохожих»), 1525Е («Воры и их ученик»), 1525К^x («Кому должна достаться шуба»), исключительно в белорусских сборниках встречаются контаминации АТ 950 + 1654 («Разбойники в часовне») и АТ 950 + 1740 («Свечи на спинах раков»).

Общая картина контаминаций сюжета «Сокровища Рампсинита» с сюжетами или отдельными мотивами сказок других типов представлена на рис. 5.

¹⁵⁵ Klich. S. 82—83.

¹⁵⁶ Шейн. № 96.

¹⁵⁷ Беларускі казачны эпас. Складальнік У.В. Анічэнка. Мінск, 1976 (Публикация рукописного сборника Э. Дмуховской, составленного в 1898 г. и разысканного В.В. Аниченко в библиотеке Польской АН в Кракове в 1973 г.). С. 161—164.

¹⁵⁸ Господарев. С. 113—144, 603—606.

¹⁵⁹ Там же. С 115.

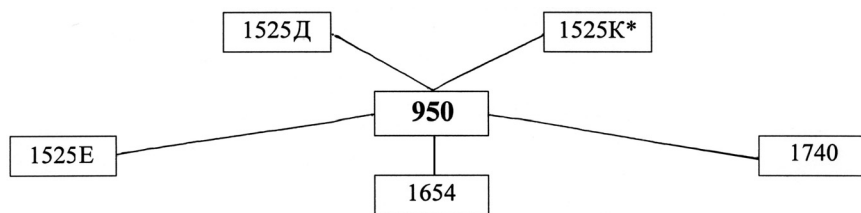

Рис. 5. Схема контаминаций белорусских вариантов сюжетного типа АТ 950 с другими сюжетными типами сказок.

* * *

Сюжет «Сокровища Рампсинита» представлен в украинском фольклоре 18 вариантами¹⁶⁰.

Если русские сказки о Рампсинитовом сокровище иначе можно было назвать сказками о «Дяде и племяннике» (таких сюжетов было большинство), то украинские сказки отличаются разнообразием действующих лиц: в одной сказке это два брата¹⁶¹, а в большей части случаев они вообще не родственники, а случайно встретившиеся люди. Напарник героя — или из шайки разбойников¹⁶², или просто вор-одиночка¹⁶³, а иногда даже полуслепой старик, у которого вор остановился переночевать¹⁶⁴. Герой в некоторых случаях — царский сын¹⁶⁵, а иногда, как в большинстве русских сказок, человек из простолюдинства¹⁶⁶.

В пяти вариантах вор — царский сын, поэтому здесь ни о каких воровских наклонностях в детстве нет и речи. Тут народная фантазия прибегает к другой мотивировке. Царский сын, познав все науки и ремесла, не хочет садиться на трон, не научившись еще и воровству¹⁶⁷. А иногда и сам царь говорит сыну: «Треба, щоб ти знав воровать, та тоді царем становить ця»¹⁶⁸. И только в одном варианте царю еще до рождения сына предсказывают, что он будет вором. Царь не верит этому до тех пор, пока на балу со стола не пропадает золотой кубок. Тогда царь сажает сына в крепость во избежание зла, но тот убегает, подкупив слуг¹⁶⁹.

Герой отправляется учиться воровству. Повстречав товарища, он не сразу идет в казнохранилище. Воры, как в русских и украинских

¹⁶⁰ СУС. С. 242. № 950.

¹⁶¹ Демьян. С. 41.

¹⁶² Калин. С. 26—30.

¹⁶³ Жапов. № 20.

¹⁶⁴ Етногр. зб. Т. 14. № 56.

¹⁶⁵ Етногр. зб. Т. 3. № 30; Т. 14. № 56; Чубинский. II. № 80; Левченко. № 467; Гирик. С. 97—109.

¹⁶⁶ Етногр. зб. Т. 9. № 56; Т. 8. № 5; Левченко. № 587; Етногр. зб. Т. 8. № 73; Сухобрус—Юзвенко. С. 262—268; Калин. С. 26—30.

¹⁶⁷ Етногр. зб. Т. 3. № 30; Гирик. С. 97—109.

¹⁶⁸ Етногр. зб. Т. 14. № 56. С. 285.

¹⁶⁹ Левченко. С. 467.

сказках, совершенствуют мастерство. Тут и ставший уже классическим эпизод с дикой уткой, из-под которой нужно вынуть яйца, не потревожив ее. Чтобы научиться этому, герою одной из сказок понадобилось больше двадцати лет! Он нанимается служить к разбойникам с условием научиться красть и каждые семь лет сдает своеобразный экзамен. Но ему только в третий раз удается вынуть из-под утки яйца, не побеспокоив ее (АТ 1525Н)¹⁷⁰. В другой сказке ловкий вор крадет у крестьянина корову с помощью золотой монеты, которую он оставляет на дороге, предварительно непотребно испачкав ее. Крестьянин брезгует брать, но увидев вторую монету (теперь уже чистую), решает сбегать за первой¹⁷¹ (ср.: АТ 1525Д — «Ловкий вор бросает на дороге один сапог, потом другой»). Ни в русских, ни в белорусских вариантах не упоминается об отношении вора к своей жертве. Между тем, в одном из украинских вариантов оказывается, что и вор не лишен элементарного сочувствия. В этой сказке он говорит: «Ни буду йя його бити, ани загубити, бо ун майи дьїти, та треба дьїти годовати». И выходит, что вор, украв корову таким образом, поступает даже гуманно. А это признает и сама жертва, примирившись с пропажей: «Хвала тобі, господи, шо моїх семеро дітей не осиротили»¹⁷².

Воры не всегда сразу решают идти в казнохранилище. Так, в двух украинских сказках¹⁷³ они не раздумывают, к кому идти воровать — к богатому или к царю. В конце концов они принимают решение, рассуждая при этом так: «Ми не будемо у мужиков брать денег; будет мужик плакать ця на нас, бо робів його дід, батько і він сам, а ми поїдемо у город до своего царя, казначейства, да там і возьмемо денежок, скілько нам треба; так там твоя копїэчка, та моя, та того копїэчка, так ми нікого не обидим»¹⁷⁴. Здесь украинские сказки только отчасти перекликаются с русскими. Так, в одной из русских сказок воры говорят: «Не всё господ обиждать, надо и до государя взяться, у него деньги темные»¹⁷⁵.

Грабят воры казначейство¹⁷⁶ или цареву кассу¹⁷⁷, в двух случаях вор похищает сокровища разбойников, случайно узнав место их хранения¹⁷⁸. Но всегда воры крадут помногу — мешками, возами... А в одном из украинских вариантов развивается целый ряд эпизодов воровства: вор, против обыкновения действующий в одиночку, крадет только по одному предмету, будь то золотая ложка, похищенная им с бала, или перстень принцессы¹⁷⁹.

¹⁷⁰ Етногр. зб. Т. 9. № 56.

¹⁷¹ Гирик. С. 100—101.

¹⁷² Там же. С. 101.

¹⁷³ Етногр. зб. Т. 14. № 56; Малинка. № 57.

¹⁷⁴ Етногр. зб. Т. 14. № 56. С. 287.

¹⁷⁵ Господарев. № 4. С. 136.

¹⁷⁶ Чубинский. II, 80; Левченко. № 467; Гирик. С. 103.

¹⁷⁷ Етногр. зб. Т. 9. № 56; Калин. С. 27; Малинка. № 57.

¹⁷⁸ Лінтур. С. 202; Демьян. С. 41.

¹⁷⁹ Janow. № 20.

Но до денег не всегда оказывается так просто добраться. В одном из украинских вариантов царь прячет свои деньги под водой¹⁸⁰, в двух других воры спускаются в пролом по веревке¹⁸¹, а иногда воры проникают в сокровищницу, произнеся волшебные слова: «Дверці, одчиніться!», так похожие на русские слова: «Сезам, откройся»¹⁸². В одном варианте изобретают своеобразный механизм¹⁸³. И только в единичном украинском варианте воры спаивают стражей, чтобы без помех добраться до сокровищницы¹⁸⁴. Этот эпизод обычно встречается в другой ситуации, при краже тела, а в данном случае произошло перенесение. Но, даже напоив стражей, не так просто оказывается добраться до хранилища. Вору приходится выбивать ямки в стене, опираясь на которые, он может добраться до окна. Ямки потом замазываются¹⁸⁵.

Воры крадут сокровища и проникают в казнохранилище еще несколько раз, пока там не замечают пропажи и не начинают строить козни против них.

В украинских сказках тоже есть старый вор, дающий царю советы, как изловить вора¹⁸⁶. Только в украинских сказках обращает на себя внимание такая особенность. В одной из сказок старый вор сначала помогает царскому сыну: он, как умудренный опытом старый разбойник, учит его воровству и вводит в круг своих товарищей по ремеслу. Потом этот старый вор дает себя схватить царским слугам и здесь уже дает советы царю, как поймать вора¹⁸⁷. Такая двуличность старого разбойника труднообъяснима.

Лаз воров определяют разными способами. В одной украинской сказке старый вор советует простукать стены хранилища¹⁸⁸. Перед лазом ставят какую-нибудь западню — например, хитрый механизм, как в одной из украинских сказок¹⁸⁹. В другом варианте этим же целям служит икона, богато изукрашенная серебром и золотом. Когда вор, забравшись в пещеру, где разбойники хранили свои богатства, попытался снять ее, сработал какой-то механизм, и двери закрылись, наглухо замуровав грабителя¹⁹⁰. Разбойники здесь оказались изобретательнее царя и даже «вещего вора». Итак, вор попадает в западню, и его товарищу не остается ничего, как отрубить ему голову. Обычно он это делает, не спросив согласия у товарища¹⁹¹, но иногда и по его

¹⁸⁰ Гиряк. С. 103.

¹⁸¹ Етногр. зб. Т. 8. № 73; Т. 9. № 56.

¹⁸² Лінтур. С. 204; Дем'ян. С. 41.

¹⁸³ Сухобрус—Юзвенко. С. 263.

¹⁸⁴ Етногр. зб. Т. 14. № 56. С. 288.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Чубинский. II. № 80; Janov. № 20; Етногр. зб. Т. 14. № 56.

¹⁸⁷ Гиряк. С. 97—109; Етногр. зб. Т. 3. № 30.

¹⁸⁸ Калин. С. 27.

¹⁸⁹ Левченко. № 587.

¹⁹⁰ Сухобрус—Юзвенко. С. 266.

¹⁹¹ Чубинский. II. № 80; Малинка. № 57; Етногр. зб. Т. 14. № 56.

просьбе¹⁹². Один из героев так мотивирует свою просьбу: «Отрубай ми голову, а голову возь, йак мйа тут найдут, та мйа не познайут»¹⁹³. В двух других вариантах¹⁹⁴ разбойники сами карают вора, найдя его в своей сокровищнице. Они его или закалывают, или рубят на куски. Здесь, видимо, не так важно, что они видят его лицо, узнать вора они все равно не могут.

Жена вора должна оплакать умершего. Оставшийся в живых вор советует ей разбить рядом с телом горшки¹⁹⁵, позолоченные тарелки¹⁹⁶, кувшин с вином¹⁹⁷ и плакать над ними. Иногда вор, не успев предупредить женщину, при ее плаче все же успевает выпутаться из беды: иногда он наносит себе рану в руку¹⁹⁸, а то советует женщине самой отрубить ногу¹⁹⁹. И лишь в одном варианте, чтобы жена друга вдоволь наплакалась, герой спаивает стражей. Пока они вповалку спят, она беспрепятственно совершает обряд оплакивания и уходит²⁰⁰.

Ловкий вор крадет у стражей тело убитого, а в насмешку наряжает их в монашеские рясы²⁰¹. Редко в украинских вариантах объясняется, почему именно в монашеские. Дело тут, вероятно, не только в глумлении, но и в другом. В одной сказке солдаты, проснувшись уже монахами и не найдя трупа, решают утопиться, но перед тем поют похоронный гимн. В ответ на их пение во всех костелах начинают звонить колокола²⁰². В другой сказке монахи поют перед тронном царя, желая обратить на себя внимание и вымолить у царя прощение. В обоих случаях этим пением и звоном колоколов они, сами того не зная, отпевают покойного. Верит этому в одном варианте и сама жена убитого²⁰³.

Не сумев уберечь обезглавленное тело попавшего в ловушку вора, царь прибегает к различным хитростям, чтобы поймать вора во чтобы то ни стало. Царь решает устроить бал и пригласить на него всех желающих: он не сомневается в том, что вор обязательно будет среди присутствующих. Созывая бал, он надеется, что вор попытается что-нибудь украсть. В ряде вариантов вор крадет золотую ложку, ожерелье²⁰⁴ или монеты. В эпизоде с рассыпанными золотыми монетами, когда вор собирает их насмоленными подошвами, ему отрывают каблук. Ловкий вор, не растерявшись, так же поступает и с другими²⁰⁵. Но и в том, и в другом варианте поймать вора не удастся.

¹⁹² Етногр. зб. Т.9. № 56.

¹⁹³ Там же. С. 99.

¹⁹⁴ Лінтур. С. 205; Демьян. С. 42.

¹⁹⁵ Етногр. зб. Т. 8. № 5.

¹⁹⁶ Калин. С. 27.

¹⁹⁷ Сухобрус—Юзвенко. С. 268.

¹⁹⁸ Левченко. № 587.

¹⁹⁹ Малинка. № 57.

²⁰⁰ Чубинский. II. № 80. С. 604.

²⁰¹ Левченко. № 587; Малинка. № 57; Етногр. зб. Т. 9. № 56; Гиряк. С. 97—99; Калин. С. 29.

²⁰² Гиряк. С. 97; Етногр. зб. Т. 14. № 56.

²⁰³ Гиряк. С. 97—98.

²⁰⁴ Жапов. № 20.

²⁰⁵ Етногр. зб. Т. 9. № 56; Чубинский. II. № 80.

Только теперь следует обыкновенно эпизод с девушкой. В четырех вариантах²⁰⁶, например, дело представляется таким образом. Царь дает пир, после которого гостей кладут спать в комнате, смежной с опочивальней его дочери: предполагается, что у одного вора хватит смелости посетить девушку. Но не всегда царь устраивает бал — например, в одном из опубликованных украинских вариантов он помещает свою дочь в корчму²⁰⁷. Царевне дается указание — столкнуть в яму, выкопанную перед постелью, всякого, кто войдет к ней в комнату. Перед тем принцесса должна отметить незнакомца²⁰⁸. Очутившись в яме, ловкий вор из украинских сказок или воеет по-волчьи, или кричит во всю глотку: «Люди, меня бьют!». Гости, испуганные или привлеченные исходящими из ямы криками, падают в яму. Вор всех отмечает подобно себе²⁰⁹ или просит себя высадить, мотивируя свою просьбу тем, что поможет им избежать смерти²¹⁰. Вор опять перехитрил царя.

Контаминации сюжетного типа АТ 950 с другими сюжетными типами в украинском материале, как и в белорусском, менее разнообразны, чем в русском. Только в украинском и русском материале имеются контаминации АТ 950 и АТ 676 («Два брата и 40 разбойников»). Сюжетные контаминации типа АТ 950 с другими типами, встречающиеся исключительно в украинских сказках, не отмечены. Общая картина украинских контаминаций представлена на рис. 6.

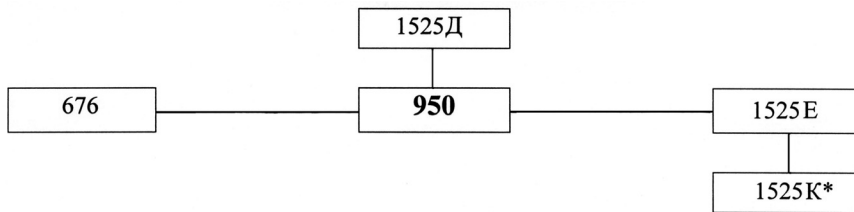

Рис. 6. Схема контаминаций украинских вариантов сюжетного типа АТ 950 с другими сюжетными типами сказок (676 — «Два брата и 40 разбойников»; 1525Д — «Ловкий вор обманывает прохожих»; 1525Е — «Воры и их ученик»; 1525К* — «Кому должна достаться украденная дорогая вещь»).

* * *

Подведем некоторые *итоги* (на основании приведенного выше сравнительного анализа русского, белорусского и украинского материала, относящегося к сюжетному типу АТ 950).

Сравнительное изучение сюжетов бытовых новеллистических сказок восточнославянских народов убеждает нас в цельности восточно-

²⁰⁶ Левченко. № 587; Чубинский. II. № 80; Гирыак. С. 98; Калин. С. 29.

²⁰⁷ Етногр. зб. Т. 9. № 56.

²⁰⁸ Левченко. № 587; Чубинский. II. № 80; Гирыак. С. 98; Калин. С. 29.

²⁰⁹ Калин. С. 29—30.

²¹⁰ Чубинский. II. № 80.

славянского сюжетного репертуара и в особенной близости белорусского сказочного материала к украинскому²¹¹.

«Острая социальная направленность, классовое чутье, ненависть к угнетателям — одна из характерных черт русской новеллистической сказки, — пишет В.Я. Пропп. — Социальные мотивы в них выдвинуты на первый план, тогда как все зарубежные варианты смягчают социальную направленность рассказа»²¹².

То же самое можно сказать об украинских и белорусских сказках. Только в сказках этих народов еще острее чувствуется крайне бедственное положение разоренного крестьянства, которое становилось особенно восприимчивым к бунтарским веяниям. Так, доведенный до отчаяния бедняк говорит жене: «То де ти бачила, щоб убогому те було, що багатому, як говорять, що багатому чорт діти колише, то й правда!»²¹³. Но тяжело приходилось не только крестьянству, не лучше было и положение солдат. В одном из вариантов вор, переодетый священником, спрашивает служивых, собравшихся вечерять, что же едят они. На что солдаты отвечают: «А звісно, хліб казенний; вы знаете, батюшко, який казенний хліб? Чорний, як земля сьвята»²¹⁴.

И содержание, и форма сказки всегда имеют национальное своеобразие. Переходя от одного народа к другому, сказочные сюжеты и образы подвергаются изменениям, которые обусловлены историческими обстоятельствами. Обращает на себя внимание тот факт, что в сказках украинского и белорусского народов в качестве действующих лиц часто выступают разбойники. Это, вероятно, связано с тем, что социальный протест в некоторых областях Украины, Белоруссии особенно ярко проявлялся в набегах народных мстителей на панские имения. В подтверждение можно привести варианты сказок типа «Сокровища Рампсинита», где повествуется об облаве, которую устроили разгневанные крестьяне на разбойников. Почему они разгневаны, можно понять из самой сказки: «Бо е много разбойников і кожного обкрадають: від м'ясароша украли ялівку, а від людей — від кого воли, від кого корову, від жидів із склепів гроши покрали»²¹⁵.

Но не всегда разбойники — это воры, которые не разбирают, что красть и у кого. Иногда это вполне благородные разбойники, которых народ уважает, так как они не дают спуска богатым. Их в народе называют «пришниками», гайдамаками. Мужик в одной из сказок, случайно увидевший их, рассуждает так: «Е, так це то ті гайдамаки, що у нас, у сем, кожний рік обдирають пана; що пан розживеться — набере з людей, — то вони прийдуть та й обдеруть до сорочки: вози понабирають, а пан і пани повтикають. Вони людей не займають»²¹⁶.

²¹¹ Славянский филологический сборник... С. 382.

²¹² Пропп В.Я. Русская сказка... С. 328—332.

²¹³ Сухобрус—Юзвенко. С. 262—263.

²¹⁴ Етногр. зб. Т. 14. № 56. С. 250.

²¹⁵ Сухобрус—Юзвенко. С. 263.

²¹⁶ Там же. С. 263.

Сравнительное изучение тюркоязычных вариантов сюжета «Сокровища Рампсинита»

В тюркоязычных сказках типа АТ 950 можно выделить следующие характерные для них эпизоды:

- 1) два вора обкрадывают сокровищницу хана;
- 2) хан установил ловушку, в которую попадает один из воров;
- 3) другой вор отсекает голову попавшему в западню вору;
- 4) оставшийся в живых вор помогает вдове, матери, сестре или дочери оплакать и похоронить погибшего;
- 5) водят по улицам верблюда с грузом дорогих товаров; вор, не маскируя себя, крадет животное;
- 6) применяют еще целый ряд хитростей для поимки вора; он остается на свободе;
- 7) согласно клятве, вор должен принести хана другой страны; вор является к тому хану в виде ангела и привозит его в ящике.

Татарские и башкирские варианты сюжета АТ 950 имеют много общих особенностей с европейскими вариантами и вместе с тем тяготеют к восточному сказочному материалу. Так, например, в двух татарских вариантах¹ вор крадет тело обезглавленного, а в одном башкирском² и киргизском варианте³ — мешок с золотом, применяя одну и ту же уловку — он надевает белую одежду, берет белого коня и мажет один его бок и одну сторону своей одежды черной краской или грязью. Проскакав мимо стражей во весь опор, он уносит с собой труп. Стража потом долго спорит — черный или белый конь у незнакомца? Заметим, что в итальянской редакции вор поступает похожим образом: пользуясь тем, что стража по одну сторону виселицы была в черном, а по другую — в белом платье, выкрашивает себя с одной стороны в черный, с другой — в белый цвет и незаметно достигает виселицы, принятый стражами за своего⁴.

¹ Васильев. № 49; ТХИ. III. № 44.

² БХИ. V. № 50.

³ Глонги. С. 351 (примеч.).

⁴ Prato S. Op. cit. P. 4—9.

Царь в башкирской⁵ и татарской⁶ сказках приказывает насыпать груды золота в надежде соблазнить вора. Вор поступает так же, как герои сирийской и кипрской сказок⁷, — он мажет клеем подошвы и незаметно похищает много монет. А ловкий вор в афганской сказке оказался сообразительнее — он намазал клеем ноги верблюдов и провёл их по площади⁸.

Во многих западноевропейских и восточнославянских вариантах дочь царя должна поставить метку на воре, чтобы потом распознать его. В татарской⁹ и мингрельской (грузинской)¹⁰ сказках принцесса обрезаёт вору один ус. В башкирском¹¹ и афганском вариантах¹² ус вору подрезает слуга бая или царя.

И, наконец, в одном татарском¹³ и одном башкирском вариантах¹⁴ сохранился факт признания вора в своих преступлениях, известный нам по версии Геродота. Царь в татарской сказке так же, как и в египетской, восклицает: «Нигде не отыщешь человека лучше тебя!» и выдает свою дочь за вора¹⁵.

Башкирские и некоторые татарские варианты сюжета «Сокровища Рампсинита» имеют свои соответствия и в восточнославянском материале. Так, в одной башкирской¹⁶ и одной татарской¹⁷ сказках главным героем, как и во многих восточнославянских вариантах¹⁸, является царский сын. Только в восточнославянских вариантах¹⁹ и одном татарском варианте²⁰ встречается такая подробность: вместе с ловким вором грабит царскую сокровищницу целая шайка разбойников, один из которых попадает в ловушку (смоляной котел), ловкий вор отрубает ему голову.

В трех башкирских²¹ и одном татарском варианте²² владелец сокровищ ставит перед лазом воров чан со смолой, нигде, кроме восточнославянских вариантов, не встречающейся. Такой же смолой вор

⁵ БХИ. V. № 48.

⁶ Радлов. IV. С. 337.

⁷ *Клинггер В.* Указ. соч. С. 172—173.

⁸ Riviere. С. 17.

⁹ ТХИ. III. № 44.

¹⁰ *Клинггер В.* Указ. соч. С. 174.

¹¹ БХИ. V. № 49.

¹² Riviere. С. 18.

¹³ Васильев. С. 156.

¹⁴ БХИ. V. № 50.

¹⁵ ТХИ. III. № 44.

¹⁶ БХИ. V. № 51.

¹⁷ Васильев. № 49.

¹⁸ Гирик. 1. С. 97—109; Етногр. зб. Т. 14. № 56; Чубинский. № 80; Шейн. II. № 96; Етногр. зб. Т. 3. № 30.

¹⁹ Етногр. зб. Т. 3. № 30; Гирик. 1. С. 97—109.

²⁰ ТХИ. I. № 80.

²¹ БХИ. V. № 48, 50, 51.

²² ТХИ. III. № 44.

из башкирских сказок мажет подошвы, чтобы собрать рассыпанное золото²³.

В чан со смолой попадает один из воров, в одной татарской²⁴ и одной башкирской сказках²⁵ другой вор отрезает ему голову (см. множество параллелей в восточнославянских сказках). В некоторых западноевропейских вариантах он отрывает голову сообщнику случайно, желая высвободить его из западни²⁶.

При сопоставлении башкирских и татарских вариантов с восточным материалом можно найти ряд общих черт, характерных только для народов тюркоязычной группы. Главным героем одной татарской²⁷ и одной башкирской²⁸ сказок является Таз-плешивый, действующий также в сказках тюркоязычных и некоторых других народов Востока.

Для двух из четырех татарских вариантов²⁹ характерен эпизод с верблюдом, который развивается и в большинстве восточных вариантов типа АТ 950³⁰. Царь велит вести по улицам верблюда, нагруженного дорогими товарами. В татарском сибирском варианте из сборника Радлова вор появляется ночью с бутылкой водки и угощает мальчика, который ведет верблюда, пока тот не падает пьяным³¹. В восточных вариантах ловкий вор вместо мальчика спаивает стражей. Когда стража засыпает, вор уводит верблюда.

В другой татарской сказке эпизод с верблюдом является следствием злключения с трупом погибшего вора. У хана был верблюд, очень чувствительный к запахам. И хотя вор, похитив и похоронив тело сообщника, предусмотрительно покрывает могилу старым дерном, верблюд начинает принюхиваться к новой могиле, что может навести на след преступника. Поэтому вор убивает верблюда³².

Хан велит искать верблюжье мясо. Во всех восточных вариантах найти мясо животного вызывается нищенка — старуха³³ или знахарка³⁴. Мотивирует она свою просьбу дать ей мясо его якобы лечебными свойствами: по словам одной из них, оно может помочь от лишая на голове ребенка³⁵, по словам другой — от лихорадки³⁶.

²³ БХИ. V. № 48.

²⁴ Васильев. № 49.

²⁵ БХИ. V. № 51.

²⁶ *Клинггер В.* Указ. соч. С. 171 (кипрск. и сирийск. ред.).

²⁷ ТХИ. III. № 44.

²⁸ БХИ. V. № 49.

²⁹ Радлов, IV. С. 332—343; ТХИ. III. № 44.

³⁰ КНС. I. С. 263—268; Глонти. С. 69—77 (грузинск. вар.). С. 351 (киргизск. вар.); Marzolph. S. 178 (персидск. варианты); Eberhard, Boratov. S. 373—374, № 342 (турецк. варианты).

³¹ Радлов. IV. С. 337.

³² ТХИ. III. № 44.

³³ Eberhard, Boratov. С. 373—374; Marzolph. S. 178; Глонти. С. 351 (киргизск. вар.).

³⁴ ТХИ. III. № 44.

³⁵ Радлов. IV. С. 338.

³⁶ Глонти. С. 69—77 (грузинск. вар.).

Вор убивает старуху, заманив ее обратно в дом. Иногда она успевает поставить на воротах знак — тогда вор таким же образом помечает другие ворота. От остальных восточных вариантов данный эпизод в татарской сказке³⁷ отличается тем, что он связан с другим мотивом, когда царь решает использовать для поимки вора свою дочь. Вор приносит к ней под плащом руку, отрезанную у старухи-нищенки. У вора в других восточных вариантах это рука или погибшего друга³⁸, или мертвеца с кладбища³⁹, или мясника, у которого вор обманом отрезает руку⁴⁰.

В башкирских вариантах эпизод с верблюдом тоже сохранился; в одном из татарских вариантов он заменен бараном⁴¹.

Как татарские и башкирские сказки⁴², так и сказки многих других тюркоязычных народов заканчиваются тем, что ловкий вор крадет хана другого царства, нередко в отместку за его насмешки. Например, хан-соперник из татарской сказки прислал обманутому «коллеге» свой брючный шнурок как знак приказа повеситься на нем⁴³. Таким же образом поступали реальный фараон или султан в восточных деспотиях. Например, турецкий султан посылал провинившемуся министру или подчиненному с посланником дохлую мышь и шелковый шнурок, предлагая ему повеситься на нем, — иначе он сам его повесит. Царь же в башкирской сказке грозит пойти на соседа войной, если тот не пришлет к нему вора⁴⁴.

Своим одянием вор хоть и старается походить на ангела смерти, однако больше похож на шамана. Он надевает или шкуру, сшитую из 60 сорок⁴⁵, или шубу, к каждой шерстинке которой, как и к гриве коня, подвешивает колокольчики⁴⁶. Иногда вор сразу приходит к хану с ящиком и велит ему с женой голыми залезть в него. Те из страха повинуются. Хан отмщен и возвращает брючный шнурок своему соседу⁴⁷. Иногда вор дает еще три дня отсрочки — тогда хан с женой сами заказывают огромный сундук и, желая спрятаться, запираются в нем. Ловкий вор увозит сундук и, открыв его, до тех пор бьет хана кнутом, пока тот, смалодушничав, не уступает ему свое царство⁴⁸. В казахской сказке ловкий вор для большего позора заставляет хана с женой голыми плясать перед гостями⁴⁹.

³⁷ Радлов. IV. С. 338.

³⁸ БХИ. V. № 50.

³⁹ Riviere. P. 18.

⁴⁰ КНС. I. С. 263—268.

⁴¹ Васильев. № 49.

⁴² Радлов. IV. С. 342; БХИ. V. № 51.

⁴³ Радлов. IV. С. 342.

⁴⁴ БХИ. V. № 51.

⁴⁵ Радлов. IV. С. 342.

⁴⁶ БХИ. V. № 51.

⁴⁷ Радлов. IV. С. 342.

⁴⁸ БХИ. V. № 51.

⁴⁹ КНС. I. С. 268.

Как в татарских, так и в башкирских сказках встречаются контаминации сюжета «Сокровища Рампсинита» со следующими сказочными сюжетами: АТ 1525Н («Два искусных вора») и АТ 1737 («Царь в ящике»).

* * *

Сюжет этот бытует в *татарской* народной среде давно. Первая публикация датируется 1872 годом, когда В.В. Радлов поместил в своем сборнике сказку о воре Ешигельди, записанную в Сибири⁵⁰. В 1924 году М.А. Васильев опубликовал вариант сказки типа АТ 950 о своем сборнике «Памятники татарской народной словесности»⁵¹. Еще две сказки вошли в I и III тома антологии на татарском языке «Татарское народное творчество», вышедших в 1977 и 1981 годах⁵². В примечаниях к этому сборнику⁵³ имеются данные о неопубликованных вариантах типа АТ 950, хранящихся в фонде Казанского филиала АН. Татарские сказки, находящиеся в этом архиве, записаны в разное время в различных областях нашей страны. В Татарстане зафиксированы варианты, записанные от жителей Муслимовского района д. Теленче в 1940 году; района Морт, д. Б. Шурняк в 1947; Азнакайского района, пос. Азнакай в 1966; района Камско-Устьинского, д. Яшельча в 1974 году. Также бытует сюжет данного типа на татарском языке в Оренбургской области (Готский район, 1959 г.), в Горьковской области (район Красный Октябрь, д. Пица, 1962 г.), в Омской области (район Тевриз, д. Туйчы) и, вероятно, это далеко не полный перечень имеющихся архивных материалов.

Главными героями татарских сказок стали сын царя Алий⁵⁴, плешивый Таз⁵⁵, вор Ешигельди⁵⁶ и крестьянский сын из аула. Этот-то крестьянский сын и стоит особняком по отношению ко всем прочим. Герой — не вор, не грабитель, а обманщик-ловкач. Он спасает от разорения дворец царя, и ему обязаны своими жизнями царь и его дочери. В этом варианте мотивы чисто бытовые, присущие сюжету АТ 950, тесно переплетаются с мотивами волшебных сказок (см.: АТ 950 + 952 + 953А^x + 956А^x, АТ 654, АТ 653, АТ 574, АТ 530, АТ 300). Так, братья, после смерти отца вынужденные идти по миру, по отцовскому совету каждую ночь охраняют сон друг друга. В первую ночь старший из братьев побеждает змея, во вторую ночь средний из них убивает змеиху, пришедшую отомстить за мужа, младший брат в третью ночь ловко расправляется с тридцатью девятью ворами, намеревающимися ограбить царский дворец. Из дворца он берет разные предметы (платки трех царевен, отрезает по одному уху у 39 убитых им воров), с помо-

⁵⁰ Радлов. IV. С. 332—343.

⁵¹ Васильев. № 49.

⁵² ТХИ. III. № 44. I. № 80.

⁵³ ТХИ. III. № 44 (коммент.). I. № 80 (коммент.).

⁵⁴ Васильев. № 49.

⁵⁵ ТХИ. III. № 44.

⁵⁶ Радлов. IV. С. 332—343.

шью которых доказывает, что он спаситель (ср.: АТ 304 — «Охотник»). Царь выдает своих дочерей за трех братьев⁵⁷.

Главным героем варианта сборника Васильева является царевич Алий. Царь-отец больше всего дорожил своим кинжалом, который резал железо. Когда царевичу исполнилось восемнадцать лет, и захотел он повидать белый свет, отец ему обещал подарить кинжал, но только в том случае, если он будет защищать слабых и угнетенных. Царевич Алий приходит в соседнюю страну, царь которой обложил жителей непосильными налогами. Алий задумал помочь бедным жителям — решил выкрасть у царя золото и раздать его бедным⁵⁸.

Такая социальная мотивировка действий главного героя напоминает чеченскую сказку типа АТ 950. Сказка повествует о двух сыновьях достойного отца; в ней сказительница с самого начала подчеркивает, что воровали братья золото не для себя, а для бедных жителей аула. В песенном варианте описывается картина жестоких действий князя, который требует непосильный ясак, чужую невесту и юношей, чтобы продать их в рабство. Братья решают стать заступниками народа, они уносят царскую казну и раздают ее бедным⁵⁹. В отличие от чеченского варианта, в татарском этот эпизод не получает развития. Алий, задумав похвальное дело, не осуществляет его. О раздаче денег бедным в сказке не упоминается, а обещанный в награду кинжал к концу сказки забывается⁶⁰.

После ряда краж царь приказывает окружить свою сокровищницу ровом, наполненным дегтем. В грузинском и осетинском вариантах дегтем заполняется яма перед лазом воров.

Как в польском⁶¹, так и в татарском варианте сборника Васильева⁶² жертвой хитрости становится старший вор; младший, как бы предчувствуя опасность, советует товарищу идти первым. Подобным же образом поступает ловкий вор в некоторых восточнославянских вариантах⁶³. Алий, вор из татарской сказки сборника Васильева, хитростью заманивает хозяина квартиры на кражу и советует прыгать первым. Сын царя наступает тонущему в дегте сообщнику на голову, перепрыгивает через ров, а на обратном пути отрезает ему голову.

Жена умершего по совету Алия роняет чашку с просом на мосту и, собирая его, рыдает. Она не возбуждает подозрения у часовых, так как, по ее словам, плачет о рассыпанном просе.

Но если для большинства восточнославянских вариантов характерен мотив глумления вора над стражами, то в татарских сказках он не получил своего развития. Только в одной татарской сказке сборника

⁵⁷ ТХИ. I. № 80.

⁵⁸ Васильев. № 49.

⁵⁹ *Сунаев И.Б.* Сказочные мотивы в героико-исторических песнях (илли) вайнахов // Фольклор народов РСФСР. Уфа: БГУ, 1979. С. 126—132.

⁶⁰ Глонти. С. 69—77. С. 351 (Примеч.).

⁶¹ Chelchowski. I. № 39. С. 246.

⁶² Chelchowski. I. № 39. С. 246.

⁶³ Афанасьев 1985. № 390.

Васильева ловкий вор переодевает охрану в хохляцкие козухи и увозит труп⁶⁴. В западноевропейских и восточнославянских вариантах он переодевает стражу в монашескую одежду.

Третий вариант помещен в сборнике ТХИ (III, 44). Главным героем здесь является Таз. Именно он, обделенный природой и презираемый людьми, оказывается в этом варианте удачливее своих братьев.

Мотив кражи яиц из-под птицы, встречающийся в восточнославянском материале (ср.: АТ 1525Е), в татарском варианте предстает в несколько измененном виде: старушка-мать ставит перед своими сыновьями задачу — достать из-под соловья яйцо, не потревожив птицу. Удастся это сделать только младшему, и он решает посвятить себя воровскому ремеслу. Та роль, которую играет здесь мать, необычна для сказок о ловком воре. Но в двух украинских вариантах подстрекает героя, подобно тому, как делает это в татарской сказке мать, отец героя⁶⁵.

В ловушку попадает старший брат ловкого вора. Таз-плешиный помогает оплакать брата. Он кладет в телегу кувшин с кислым молоком и едет с матерью к воротам. Подъехав, он колет лошадь иголкой, и когда она, рванувшись, разбивает кувшин, мать может, не опасаясь, плакать о сыне.

После того, как царю не удалось поймать вора с помощью верблюда, крайне чувствительного к запахам, и после того, как вор убивает старуху-нищенку, пришедшую просить мясо верблюда, — следует эпизод с царской дочерью. В этом варианте он является следствием поставленного старухой знака на воротах. Царь приказывает схватить всех, чьи ворота отмечены, и запереть их в одну комнату. Дочери же своей он велит ночью зайти туда, приметить того, кто не спит, и незаметно отрезать ему ус. Считается, что вор не будет спать. Вору действительно не спится, и дочь царя, заигрывая с ним, незаметно обрезает ему ус. В мысли Таза, по всей видимости, обладающего не совсем привлекательной внешностью, закрадывается подозрение — чем могла привлечь царскую дочь его особа и не сотворила ли она над ним злую шутку. Посмотрев в зеркало, он убедился в этом — один ус у него был обрезан. Таким же образом он обкорнал всех присутствующих. Царю приходится отдать свою дочь за вора⁶⁶.

В татарском сибирском варианте сборника Радлова эпизод с дочерью царя ближе к восточному материалу. Вор запасается рукой убитой им старухи, пришедшей за верблюжьим мясом, берет мочевого пузырь верблюда, наполненный водой, шило и идет к дочери царя. Царевна, схватив его за руку, сразу же хочет звать стражу, но вор упрашивает ее подождать до утра. Утром вор просит у царевны разрешения на некоторое время выйти за дверь. Она не соглашается. Но когда вор предлагает держать его при этом за руку, она отпускает его. Хитрый

⁶⁴ Васильев. № 49.

⁶⁵ Гирик. I. С. 97—109; Етногр. зб. Т. 16. № 56.

⁶⁶ ТХИ. III. № 44.

вор, вручив ей руку старухи или мясника⁶⁷, выходит за дверь и, проколов шилом брюшину или мочевого пузыря, уходит восвояси. Когда девушка, устав ждать, дергает вора за руку, — она убеждается в том, что держит лишь руку мертвеца⁶⁸. От вариантов западных этот мотив отличается рядом особенностей. Во-первых, хотя здесь и сохранен мотив с отрезанной рукой, он дополняется в данном контексте оригинальной выдумкой с мочевым пузырем или брюшиной, наполненной водой. И если в западных вариантах вор, вручив руку мертвеца принцессе, спешит скрыться, то здесь вор выгадывает для себя некоторое время, пока не вытечет из брюшины вода, и может уйти, не торопясь.

Многие контаминации АТ 950 с другими сюжетными типами характерны только для татарского сказочного материала: это прежде всего АТ 952 («Солдат и царь»), АТ 953 А («Парень у разбойников»), АТ 956А («Человек у разбойников»), а также АТ 654 («Три искусных брата»), АТ 653 («Семь Симеонов») и АТ 300 («Победитель змея»). Общая картина контаминаций сюжета «Сокровища Рампсинита» с сюжетами или отдельными мотивами сказок других типов представлена на рис. 7.

Рис. 7. Схема контаминаций татарских вариантов типа АТ 950 с другими сюжетными типами сказок (АТ 1525Н — «Два искусных вора»; АТ 1737 — «Царь в ящике»).

* * *

Опубликованные *башкирские* варианты о ловком воре по своему сюжетному построению больше напоминают нам восточнославянские варианты, нежели тюркоязычные. Обмен сказок между местными башкирами и великорусами вполне допустим. Еще Д.К. Зеленин, собиравший на дореволюционном Урале русские и башкирские сказки, заметил это явление. Учитывалось такими собирателями-исследователями, как Д.К. Зеленин, М.К. Азадовский, и то, что «приютами и лабораториями сказки» (выражение М.К. Азадовского) стали солдатские казармы, нередко многонациональные по составу обитателей, и многонациональные, например, на Урале и Сибири, артели бурлаков, сплавщиков, лесорубов, приисковых рабочих. Отсюда разносилась по

⁶⁷ КНС. I. С. 263—268.

⁶⁸ Радлов. IV. С. 340.

разным нерусским селениям русская сказка, а украинская, белорусская и «иностранческая» сказка проникала в русскую народную среду. Поныне в репертуаре нерусских рассказчиков часто встречаются солдатские сказки и другие типы социально-групповых сказок, своеобразно преломленных в местной среде⁶⁹.

Башкирских вариантов сюжета «Сокровища Рампсинита» четыре. Один из них записан в 1861 году тюркологом-языковедом Н. Ильминским от башкира рода кыпсак⁷⁰. Другие три записаны уже в последние годы студентами БГУ в Макаровском районе (д. Сайраново, 1963 г.), в Баймакском районе (д. Мирасово, 1973 г.) и в Мелеузовском районе (д. Зириклино, 1979 г.) от людей старшего поколения (1907, 1917 г.р.)⁷¹.

В трех вариантах воры не связаны между собой родственными узами и только в одном — это братья⁷². Тогда как в большинстве восточнославянских вариантов воры — дяди и племянник.

Иногда воры сталкиваются случайно — один из воров, припозднившись, идет на свет и «встречает себе товарища»⁷³, в другой сказке они встречаются на дороге⁷⁴, а в третьей — воры, прознав о мастерстве друга, решают пойти познакомиться и удостовериться, не преувеличивают ли люди виртуозность его коллеги⁷⁵. Данный вариант похож на русскую сказку «Шиш Московский и Барма Деревенский»⁷⁶. Только, в отличие от русского варианта, городской вор предлагает деревенскому перевезти в город еще и жену.

Но, как и в сказках других народов, в любом случае, встретившись, воры начинают демонстрировать свое мастерство и стараются перешеголять один другого. Так, здесь мы видим уже встречавшийся нам в восточнославянских вариантах эпизод кражи яиц из-под утки, другой вор в это время незаметно для товарища отрывает каблук его сапога. Только птица здесь берется не совсем обычная, а из волшебных сказок. Но волшебные свойства птицы теряют свое значение⁷⁷. В другом варианте вор незаметно крадет у другого портянки⁷⁸. Также нашел отражение в башкирском материале и сюжет АТ 1525Д — ловкий вор крадет у обозников быков и товар с телег, применив уловку с сапогами, оставляемыми поочередно на дороге (см. восточнославянские варианты)⁷⁹.

Проверив друг друга, они начинают действовать уже вдвоем. Но, что характерно для башкирских сказок, воруют они преимущественно

⁶⁹ Фольклористика в Советской Башкирии. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 1—5.

⁷⁰ БХИ. V. № 51.

⁷¹ БХИ. V. № 48, 49, 50.

⁷² БХИ. V. № 49.

⁷³ Там же.

⁷⁴ БХИ. V. № 50.

⁷⁵ БХИ. V. № 48.

⁷⁶ Балашов. № 61.

⁷⁷ БХИ. V. № 48.

⁷⁸ БХИ. V. № 49.

⁷⁹ СУС. С. 242.

но кур и скот — коз, овец, лошадей, коров... В одном варианте произошло переосмысление традиционного сюжета на башкирской почве: воры воруют не сокровища из царской казны, а только скот⁸⁰, в то время как в других башкирских вариантах воровство скота служит ворами средством повышения своего мастерства перед кражей казны у царя. Башкиры — кочевой народ. Поэтому главным мерилом ценностей для них является скот. В этом варианте⁸¹ воры крадут у бая сначала жеребенка, потом корову. Бай не может найти похитителей, поэтому он хватается за самых подозрительных людей и запирает их в сарае — это новый поворот событий. Что интересно, он сажает рядом с ними лазутчика, нигде до этого в других сказках не встречавшегося. Воры, не зная, что среди них сидит доносчик бая, опять выходят ночью из сарая на кражу. Украли и съели самую жирную корову, они возвращаются в сарай. А лазутчик, следуя приказу бая, осторожно отрезает у них кончики усов. Воры, увидев, что их усы подрезаны, также подрезают усы у остальных спящих подозреваемых. В татарской сказке вору режет ус дочь царя, желая отличить его от остальных⁸².

Но большей частью воры не удовлетворяются воровством скота и решают идти грабить магазин бая⁸³ или дворец царя⁸⁴: они или делают дыру в задней части дворца⁸⁵, или забираются туда через крышу (при «посредничестве» голубя)⁸⁶.

Они беспрепятственно грабят царя или бая, пока тот не замечает пропажи. Тот же совет, как обнаружить лаз воров, что дает во многих западноевропейских и восточнославянских сказках старый вор, в башкирской сказке дает баю вор-арестант: предлагает, закрыв окна и двери, зажечь в магазине огонь и по направлению дыма определить, где находится лаз воров⁸⁷.

Перед лазом ставят бочку со смолой. Один из воров попадает, и другому приходится отрезать ему голову. Но так бывает не всегда⁸⁸. В одном башкирском варианте вор отрезает другу не голову, а руку, так как по мере того, как они грабили казну и им приходилось спускаться все глубже, они уже держали один другого за руку. Когда вор попадает в смолу, он поневоле начинает тянуть туда и друга, и его товарищу приходится отрезать ему руку по самое плечо⁸⁹.

⁸⁰ БХИ. V. № 49.

⁸¹ Там же.

⁸² ТХИ. III. № 44.

⁸³ БХИ. V. № 48. № 51.

⁸⁴ БХИ. V. № 50.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ БХИ. V. № 51.

⁸⁷ БХИ. V. № 50.

⁸⁸ БХИ. V. № 48, 51.

⁸⁹ БХИ. V. № 50.

Царь или бай приколачивает труп к воротам⁹⁰ или вывозят его на базар⁹¹. Жена вора просится посмотреть на мужа; вор советует ей взять с собой кувшин с катыком⁹² или молоком⁹³ (см. восточнославянские варианты) и, уронив его, плакать. Стража ни о чем не догадывается.

Потом пробуют еще вырыть ров вокруг дворца. Ловкий вор действует так же, как и герой восточнославянской сказки, — он зажигает весь хлам на дне ямы и кричит: «Пожар!». Однако вор не только не попытался скрыться, выбравшись из ямы, — он вместе со всеми тушит пожар и только после этого уходит⁹⁴. Эти мотивы имеют свои соответствия в восточнославянском и тюркоязычном материале.

Только один из способов, примененных баем для поимки вора, оригинален. Бай выставляет корзину с бараниной, считая, что вор прельстится ею. Вор действительно решает украсть ее. Он берет с собой корзину с цыплятами и, дойдя до стражей, роняет ее наземь. Пока стражники догоняют цыплят, вор уносит корзину с мясом⁹⁵. В русских же вариантах вор, пользуясь любопытством стражей, заставляет их ловить выпущенных из короба якобы заморских птиц. Пока стража занимается этим, вор уводит козла⁹⁶. В башкирском варианте после исчезновения корзины с бараниной появляется старуха, пожелавшая найти мясо. Наевшись в доме вора баранины, она отмечает его ворота крестом — он помечает все другие. В башкирском варианте вор не убивает старуху.

Сохранился почти без изменений в одном из башкирских вариантов эпизод с дочерью царя, которой он велит не выпускать вора до утра. Ловкач дает ей подержать руку своего мертвого друга, а сам скрывается (см. версию Геродота)⁹⁷.

Обычно в восточнославянских вариантах после сюжетного типа АТ 950 часто следует тип АТ 951 В («Царь и вор»). В башкирском варианте⁹⁸ тоже присутствует этот мотив: царь переодевается солдатом и предлагает вору идти воровать к царю. Пусть с незначительными нюансами, но реакция вора на предложение одна и та же. Герой башкирской сказки восклицает: «Разве такого царя можно грабить?», ловкий вор из русской сказки вторит ему: «Что ты, подлец, кого хлеб-соль ешь, того и воровать хочешь!»⁹⁹. Обычно ловкий вор сопровождает свои слова оплеухой, хлопком по затылку, а вор из башкирской сказки ударяет царя кнутом. Все это говорит о темноте и забитости крестьянства, воплотившего в сказках облик доброго царя.

⁹⁰ БХИ. V. № 50.

⁹¹ БХИ. V. № 51.

⁹² БХИ. V. № 50.

⁹³ БХИ. V. № 48.

⁹⁴ БХИ. V. № 50.

⁹⁵ БХИ. V. № 48.

⁹⁶ Сказка XVI—XVIII вв. № 4.

⁹⁷ БХИ. V. № 50.

⁹⁸ БХИ. V. № 51.

⁹⁹ Ончуков. № 168.

Только для башкирских вариантов характерны контаминации АТ 950 с сюжетными типами АТ 725 («Нерассказанный сон») и АТ 1537 («Мертвое тело»). Общая картина контаминаций представлена на рис. 8.

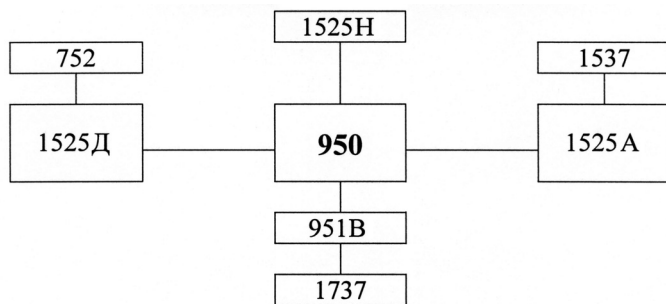

Рис. 8. Схема контаминаций башкирских вариантов типа АТ 950 с другими сюжетными типами сказок (1525Н — «Два искусных вора»; 1525Д — «Ловкий вор обманывает прохожих»; 1525А — «Ловкий вор»; 951В — «Царь и вор»; 1737 — «Царь в ящике»).

* * *

Башкирские и татарские сказки отражают быт нерусской деревни: так, мать или жена погибшего вора плачут над телом, разбив сосуд с катыком¹⁰⁰; бай просит вора выкрасть у него войлок, на котором он спит¹⁰¹; обращает на себя внимание обилие лошадей (вор крадет жеребенка из табуна)¹⁰², воры, направляясь грабить дворец царя, намереваются угнать у него опять же табун¹⁰³.

Сопоставляя имеющийся опубликованный башкирский и татарский материал, можно сделать заключение о близости татарских вариантов прежде всего к восточному материалу, а башкирских — к восточнославянскому. Но и в башкирских вариантах встречаются элементы восточного происхождения — это мотив кражи ловким вором хана другого царства. В башкирских сказках, как нигде в других, отразился скотоводческий быт. Скот в эти сказки для башкир выступает мериллом ценностей: именно его пытаются украсть воры в одном из вариантов, а не казну из сокровищницы царя¹⁰⁴. В основном же башкирские варианты сходны с восточнославянскими.

Как видно по публикациям татарских вариантов типа АТ 950, выявляется их преимущественная связь с восточными традициями. Мотивы с верблюдом и украденным ханом из другого царства, характерные для татарских вариантов, имеют бесспорно восточное происхождение.

¹⁰⁰ БХИ. V. № 50; ТХИ. III. № 44.

¹⁰¹ БХИ. V. № 48.

¹⁰² БХИ. V. № 49.

¹⁰³ ТХИ. I. № 80.

¹⁰⁴ БХИ. V. № 49.

Обращает на себя внимание близость некоторых татарских вариантов к волшебным сказкам (заметим, что и древняя египетская версия сюжета «Сокровища Рампсинита», и многие восточные варианты также весьма близки к волшебным сказкам). В одном из татарских вариантов наряду с ворами действуют и чудесные противники — змей-аждаха и его змеиха. И если по законам волшебной сказки герои должны каждую ночь сражаться с более сильным противником, то в бытовой сказке в этой роли выступают тридцать девять воров. В восточнославянских вариантах и сказках других народов в начале сюжета развивается мотив совершенствования ворами своего мастерства, а предыстория татарской сказки начинается с повествования о борьбе героев с чудовищными змеями.

Варианты других тюркоязычных народов потеряли свое волшебное звучание — например, представление о мифологическом свирепом верблюде, охраняющем вход в царство мертвых, с которым связывает Е.Д. Турсунов происхождение эпизода с верблюдом в сказках типа АТ 950¹⁰⁵, в бытовых сказках не сохранилось (хотя в вариантах восточного происхождения остается эпизод с умерщвлением вором верблюда).

В тюркоязычных вариантах, по мнению Е.Д. Турсунова, выявляются по крайней мере два пласта — один местный, основной, идущий из волшебной сказки о герое, выкрадывающем у дива или ведьмы чудесные предметы (сам волшебный-сказочный сюжет, по Турсунову, в свою очередь восходит к шаманской легенде о похищении у прародительницы рода магических вещей (которые обращаются в скот), или души больного человека, унесенного в мир мертвых). Другой — заимствованный; он связан с сюжетом типа Геродотовского о сокровищах Рампсинита и пришел, вероятно, к нам от южных соседей¹⁰⁶.

* * *

Сделаем общие наблюдения относительно **происхождения** сюжета «Сокровища Рампсинита». В пользу египетского происхождения сказания о сокровищах Рампсинита говорит ряд фактов, приведенных Г. Масперо.

В рассказе Геродота обезглавленный труп вора царь приказывает повесить на стене. Хотя египтяне, говорят, были очень щепетильны в исполнении своих обрядов и очень религиозны, их гражданский закон разрешал подобное выставление тела казненного напоказ; после исполнения приговора тело возвращалось в семью для мумифицирования. В пользу египетского происхождения этого обычая говорит также переведенный отрывок со стеллы Аменхотепа II, где рассказано, что фараон выставил тела нескольких сирийских вождей на стенах города (в качестве примера) для устрашения сопротивляющихся. И если ре-

¹⁰⁵ Турсунов Е.Д. Указ.соч. С. 121—122.

¹⁰⁶ Там же. С. 118.

альный фараон не рассматривал подобные действия как исключительные, то царь в сказке мог это сделать тоже¹⁰⁷.

Другим мотивом, вызвавшим споры о неправдоподобности, был эпизод с помещением царевны в дом блуда. Однако тот же исследователь-историк утверждает, что, видимо, египтяне находили поступок фараона естественным, так как известно, что дочь Хеопса получила от своего отца приказание открывать двери своего дома для первого встречного за деньги¹⁰⁸.

Какие же мотивы египетского сказания дошли до нас, а какие изменились под влиянием времени и народов, передававших его из уст в уста?

Если сказание Геродота начинается прямо с кражи в казнохранилище, то восточнославянские, тюркоязычные и другие варианты начинаются с рассказа о детстве, юности вора, о начинающихся проявляться воровских наклонностях в его поведении. Воры совершенствуют свое мастерство рядом краж и только после этого идут в казнохранилище. О подвижном камне сказки не знают. В восточнославянских вариантах используется в качестве западни чан со смолой. Крестьяне, топившие смолу для своих нужд, не могли не заметить, что, застывая, она намертво схватывает все предметы, попавшие в нее. И это наблюдение непосредственно воплотилось в сказках. То, что смола стала применяться для столь негуманного действия — это не ново, стоит вспомнить осады средневековых крепостей, со стен которых осажденные поливали горячей смолой головы своих врагов. В некоторых вариантах вместо смолы используется деготь или клей, а в арабских — расплавленный свинец¹⁰⁹.

Другой вор попавшему в западню отрезает голову. Эпизод этот имеет не менее древнее происхождение. Чем же объяснить то, что ловкий вор отрезает голову своему сообщнику, ничуть не задумываясь? Истоки такого противного естеству человека действия — на Востоке, откуда дошла до нас одна из самых древних записей исследуемого сюжета. При раскопках Иерихона археологи обнаружили культурный слой старше V тысячелетия до н.э. При этом бросалось в глаза, что в древнейших могилах большей частью находили скелеты без головы. Черепа отделяли от трупов и хоронили отдельно.

Э. Церен утверждает, что многим народам мира было известно культовое отрубание головы и охота за головами, сохранившаяся вплоть до нашего времени. А в Иерихоне археологи, вероятно, подошли к источнику этого культа. Восемь-десять тысяч лет назад перед погребением отделяли головы от трупов и предпочитали их хоронить отдельно. Это делали, возможно, подражая происходящему на небесах. Ведь и луна изо дня в день убывает, уменьшается, пока вся ее «голова» или «лицо»

¹⁰⁷ *Maspero M.* Op. cit. P. 182.

¹⁰⁸ Там же. С. 184.

¹⁰⁹ Chauvin. VIII, № 225.

полностью не скроется. Отрезанная «голова» луны возрождается вновь, каждый месяц новая луна начинает новую жизнь¹¹⁰.

И этот обычай, скорее всего, люди перенесли и на специально умерщвляемых ими врагов или преступников. Еврейский историк Иосиф пишет, что филистимляне распяли первого царя Израиля Саула и его сыновей на стене в Бет-Сане, отрубив им предварительно головы¹¹¹. Это уже ближе к нашей легенде. Зная все это, возможно предположить, каким образом этот эпизод вошел в наше сказание и почему воры, отрезая головы своим товарищам, не испытывают отрицательных эмоций.

Старая египетская версия, рассказанная Геродотом, не является самой полной из всех существующих, в ней есть пропуск. В геродотовой легенде сказано, что царь Рампсинит велел наблюдать и хватать всякого, кто вздумает оплакивать или сетовать о покойнике, но это последствия этого распоряжения царя в легенде не описаны. В сказках же (в том числе и восточнославянских), вор помогает тетке оплакать убитого мужа. Для народных сказок этот эпизод традиционен и имеет, возможно, не менее древнее происхождение, чем мотивы, известные по геродотовой версии.

Другой эпизод в «Истории» Геродота повествует о дочери царя, которую он помещает в публичный дом с приказанием принимать всякого, кто сознается ей в самой скверной и хитрой из своих проделок. Вора она должна предать страже. Этот мотив в силу своей драстичности рано подвергся смягчению в западноевропейских вариантах. В шотландской версии¹¹², например, принцесса должна пометить того, кто осмелится танцевать с ней. В ливорнской редакции Прато от всего этого мотива остался только бал, на котором стражи, видевшие этого вора, обязаны отметить его при входе во дворец. Но даже в такой форме этот мотив на Западе встречается очень редко, в то время как в восточном материале (в том числе в татарских и башкирских сказках) до настоящего времени сохраняется в первоначальной форме.

С рассмотренным мотивом у Геродота теснейшим образом связан эпизод отрезанной руки. Этого эпизода не встречаем ни в средневековых, ни в современных западных редакциях, он сохранился лишь в устной традиции Востока¹¹³.

Исторические корни сказок о ловких ворах типа «Сокровища Рампсинита» восходят к мифологическим представлениям разных народов. К похитителям принадлежит Прометей, похищающий огонь с неба и приносящий его людям. Античность дает пример обожевления вора в лице бога Гермеса, укравшего еще в младенчестве пятьдесят голов

¹¹⁰ *Церен Э.* Библиейские холмы. М.: Правда, 1986. С. 283.

¹¹¹ Там же. С. 276.

¹¹² *Клинггер В.* Указ. соч. С. 174.

¹¹³ Версию о происхождении мотива мертвой руки в фольклоре см. в статье Р.Г. Назирова «Сказочные талисманы невидимости» (в кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1984. С. 19–33).

скота из божественного стада, которое пасет Аполлон. Исторический предок Прометея на небе — Ажи дахак (из иранских мифов), открывающий свои три пасти, чтобы поглотить неугасимый свет¹¹⁴. Урал-батыр из башкирского эпоса похищает у дивов живую воду.

Следовательно, сюжет типа АТ 950 восходит к древним мифологическим представлениям о похитителях, приносящих магические вещи, предметы и т.д. из царства мертвых.

Генезис сказок типа «Сокровища Рампсинита» связан с некогда широко распространенным в первобытном обществе обрядом посвящения юношества при наступлении половой зрелости. Подростки в этот период уже не подчиняются обычным законам племени, а имеют право в течение месяца заниматься разбоем, в частности, воровством и вымогательством продуктов питания, домашней птицы, любых предметов, принадлежащих непосвященным. Смысл этого разрешения, по-видимому, заключается в том, что в мальчишке — воине и охотнике — надо развить оппозицию к прежнему дому, к женщинам и земледелию. Разбой есть прерогатива посвященного, а таким является и молодой герой¹¹⁵.

Другое предположение базируется на утверждении В.Я. Проппа о том, что в первобытном обществе в известных случаях часть мужского населения, а именно юноши, начиная с момента половой зрелости и до вступления в брак, уже не живут в семьях своих родителей, а переходят жить в большие, специально построенные дома, каковые принято называть «мужскими домами» или «домами холостых». Здесь они живут особого рода коммунарами¹¹⁶. Сказка сохранила отголоски таких представлений. Особенно четко это выявляется в украинских вариантах типа АТ 1534, так как известно, что именно на Украине пережиточно сохранялась эта древняя традиция. Украинские сказки сохраняют чрезвычайно ясные следы института мужских домов. Герой, выйдя из родительского дома, часто направляется в лес и вдруг видит перед собой дом. Обычно в этом доме живут разбойники (вспомним, что посвящаемым предоставлялось право разбоя), с которыми и остается жить ловкий вор. Вот, например, как происходит завязка действия в сказке из сборника И.И. Чубинского: «...іде той царевичь, да й іде. Оть стоїть у ліску хата, він зайшовь у ту хатку. Оть тамь чоловікь обідає...»¹¹⁷. Или в другом варианте: «Натрафила го ныч, зашой до йедного лыса, там било дванацать збійниківі...»¹¹⁸ и т.д. Старший в «мужских домах» обычно выбирается после того, как кто-либо из них возьмет верх в состязании на ловкость и силу. Видимо в этом и заклю-

¹¹⁴ Эрлих Р.Л. Указ. соч. С. 205.

¹¹⁵ Schrutz H. Altersklassen und Mannerburde. Berlin, 1902. S. 107.

¹¹⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. С. 113.

¹¹⁷ Чубинский. II. № 80. С. 601.

¹¹⁸ Етногр. зб. Т. 9. С. 5.

чается причина того, что в сказках воры перед тем, как идти воровать, испытывают друг друга на ловкость (см. сюжетный тип АТ 1525А).

Другой момент в обрядовой практике инициации, привлечший наше внимание, касается особенностей брачных отношений. Мужской дом запрещен женщинам в целом, но этот запрет не имеет обратной силы: женщина не запрещена в мужском доме¹¹⁹. В этих домах обычно имеется одна или несколько незамужних девушек, которые часто являются временной собственностью молодых людей¹²⁰. Групповой брак в «Мужском доме» имеет тенденцию заканчиваться индивидуальным браком. Женщины пребывают в домах только временно, впоследствии они выходят замуж. «Мужчина может предложить девушке во время ее служения выйти за него, и это делается часто»¹²¹. Сюда же можно отнести эпизод, повествующий о помещении дочери царя в корчму или избушку с тем, чтобы всякий желающий мог иметь к ней доступ. Дочь должна отметить или задержать того, кто расскажет ей о самой хитрой из своих проделок. В данном эпизоде прослеживаются основные элементы обряда инициации: лесной дом, групповой брак, стремление женщины превратить брак в постоянный, нежелание этого брака со стороны мужчины, бегство его, возвращение.

Итак, сказочный сюжет о ловких ворах типа АТ 950 имеет египетское происхождение, что подтверждается рядом фактов из истории и этнографии. Его генезис связан с некогда широко распространенным в первобытном обществе обрядом инициации и мифологическими представлениями о похитителях, приносящих магические вещи и предметы из царства мертвых.

---

¹¹⁹ *Пронн В.Я.* Исторические корни... С. 122.

¹²⁰ *Webster H.* Primitive Secret Societies. New York, 1908. P. 169.

¹²¹ *Пронн В.Я.* Исторические корни... С. 123.

Литературные переложения сюжета «Сокровища Рампсинита»

Литературная судьба сказочного сюжета «Сокровища Рампсинита» начинается с *Геродота*¹ (V в. до н.э.). В дальнейшем он был литературно обработан в восточных сборниках «Типитака», «Сомадева», «Катхасаритсагара», «Панчатантра»², латинском сборнике конца XII века «Dolorathos» Иоганна де Альта Сильвы, а также в средневековых фавль, новеллах. Сюжет о ловких ворах — грабителях сокровищницы Рампсинита — использовали в своих произведениях Г. Гейне³, У. Шекспир, итальянский новеллист Банделло, польский писатель С. Хелховский⁴, немецкий драматург А. Платен⁵ и другие. Русские литературные обработки сюжета вошли в сборники XVIII века: «Спутник и собеседник веселых людей...»⁶ и «Сказки XVI—XVIII веков» В.А. Левшина⁷.

Первая русская литературная обработка сказки о «Сокровищах Рампсинита» появляется в 1773 году в сборнике «Спутник и собеседник веселых людей»⁸. В XVIII веке увидела свет серия подобных публикаций: «Забавные вечера, или собрание нравственно увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам» (1789 г.), «Веселый рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести» (1791 г.), «Не любо, не слушай, а лгать не мешай» (1794 г.) и т.д. Они характеризуются несомненной связью с западноевропейскими образцами и нарочитым следованием устной народной традиции. Как правило, составители сборников подчеркивают, что их цель — позаба-

¹ *Геродот. История...* С. 116—118 (кн. II, § 121). С. 513 (примеч.).

² Панчатантра. М., 1958. Кн. 1. С. 65.

³ *Гейне Г.* Собр. соч. в 10 т. / Под общ. ред. Н. Берковского, М. Жирмунского, Я. Металлова. Т. 3. Романсеро. Поздние поэмы и стихотворения. М.: Изд. худ. литературы, 1957. С. 7—9.

⁴ Новеллу С. Хелховского см. в кн.: *Клинггер В.* Указ. соч. С. 182—184.

⁵ *Platen A.* Op. cit. S. 376.

⁶ Спутник и собеседник веселых людей. Ч. 1. М., 1773. № 95. С. 141—148.

⁷ Левшин. С. 32—53.

⁸ Спутник и собеседник... С. 141—148.

вить читателя, разогнать скуку, избавить от бессонницы, одним словом, дать в руки читателю легкое чтение⁹.

Составитель сборника «Спутник и собеседник веселых людей» пересказал старейшую древнеегипетскую письменную версию, изложенную в «Истории» Геродота, о сокровищнице фараона Рампсинита. Именно текст Геродота послужил источником для публикации. Приведем ниже для сравнения эти тексты:

Текст Геродота

Строитель же коварно обманул царя и придумал вот что: он сложил камни так, что один из них можно было с легкостью вынуть и даже одному человеку.

Мать его пришла в негодование. Она обратилась к оставшемуся сыну и велела ему каким бы то ни было способом отвязать и привезти домой тело брата.

Текст из сборника «Спутник и собеседник веселых людей»

Строивший оную Архитектор в наружной стене с умыслом заклад один четверугольный камень так, что одному человеку можно было легко его вынимать и опять вставлять.

Мать, узнав про то, и не могла скрыть своей тоски, требовала от оставшегося сына, чтоб он, во что бы то ни стало, принес домой туловище.

Подобные параллели можно было бы продолжить. Сборник XVIII века последовательно сохраняет все элементы повествования Геродота, включая даже пропуск мотива оплакивания попавшего в западню вора. Это свидетельствует о том, что анонимный автор сборника не был еще настолько творчески самостоятельным, чтобы существенно менять источник.

Тем не менее буквального сходства между этими текстами нет. Так, автор вносит в текст незначительные изменения. Например, царь велит поставить среди кладовой не капканы, а силки; вор перед кражей тела обрезает у солдат усы (у Геродота — выбривает каждому стражнику правую щеку наголо); он же, чтобы его не задержала принцесса, подает ей отрубленные руки мертвеца и уходит (в древнеегипетской версии фигурирует одна рука) и т.п.

Итак, автор не сумел создать своей самостоятельной композиции, не нашел новых красок и образов, а ограничился пересказом египетского сказания Геродота, заменив какие-то детали и добавив некоторые подробности. Обработка слабее оригинала в художественном отношении. Популярностью она, видимо, не пользовалась: переизданий не было.

Другое литературное переложение нашей сказки содержится в одной из первых публикаций народных сказок, осуществленной *В.А. Левшиным* в издании «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочия, оставшиеся чрез пересказывания в памяти приключения» (1780—1783).

⁹ *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. С. 39—40, 42.

Сказка о воре Фомке включена составителем сборника в раздел текстов, объединенных подзаголовком «Разные, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Это значительно олитературенный пересказ подлинной народной сказки. Пересказ явно направлен на то, чтобы сохранить ее простонародный характер. Этим, очевидно, объясняется обилие несколько наивных натуралистических подробностей в тексте сказки¹⁰. Дядя учит племянника воровать из-под сороки яйца, а последний в это время «весьма искусным образом облупил у дядиных сапог подошвы и снял с него портки, так что он ничуть сего не почувствовал»¹¹. Фомка крадет корову у крестьянина, подкидывает ему порознь сапоги на дороге, ворует у соседнего дворянина рубашку и постель, а затем коня. Воевода рассудил дело в пользу Фомки, показывающего ему, подобно герою «Шемякина суда», камень за пазухой. Фомка обкрадывает королевскую казну, раскрывает государственную измену. «И так Фомка из бедного вора учинился знатным Вельможею. Фортуна нередко делает таковые игрушки»¹².

Обработка отличается своей демократической направленностью, в ней мы находим эпизоды, раскрывающие мздоимство чиновников: «Всякое ремесло имеет расположение и мало-помалу доходит до совершенства. Например, подъячий, притесняя челобитчиков, берет сначала только алтынами, достигнув в Секретари счет его составляют рубли. А есть ли учинится он судьей, что и необходимо с теми, кои искуснее грабили, тогда уже целые мешки управляют его совестью»¹³. С этой обличительной репликой перекликается и эпизод в суде, в частности, мотивировка, которая дается решению судьи: «Завидливые судейские глаза разгорелись, страсть ко взяткам принудила его делать все в пользу Фомкину»¹⁴.

Автор использует сказочный зачин: «В одном месте жил...». Язык близок к общенародной разговорной речи. Обиходные разговорные и просторечные слова (например, «вылакали», «облупил подошвы» и т.д.) составляют наиболее типичный для этого произведения лексико-фразеологический слой.

Живой народный язык сочетается здесь со стремлением автора следовать книжной языковой культуре (такие слова, как «оних», «кои», «нежели», «яко», «почасту» и т.д. встречаются в основном в авторской речи).

Таким образом, стиль данной литературной обработки является сплетением двух линий — фольклорной и литературной.

Литературная судьба сюжета связана с восточными сборниками «Трипитака», «Сомадева», «Катхасаритсагара» и «Панчатантра». Более

¹⁰ Левшин. С. 32—53.

¹¹ Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки... С. 47.

¹² Левшин. С. 34—35.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 43.

известна в нашей стране «Панчатантра»¹⁵. Один из рассказов этого сборника повествует о ловком воре по имени Ашадхабхути, который решает похитить в одном святилище богатства подвижника Девашармана, разбогатевшего от продажи одеяний, приносимых ему в жертву. Все свои деньги подвижник хранит в суме, которую не выпускает из рук ни днем, ни ночью. Ашадхабхути был искусный в своем ремесле вор, поэтому он не стал ни долбить стену святилища (уж больно она толста), ни перелезть через ворота (уж слишком они высоки). Он решает льстивыми речами вкрасься в доверие к подвижнику и обращается к нему с просьбой взять его в ученики — наставить на путь истинный. Вор принимает обет и ведет обычную жизнь ученика. Проходит много времени, но вору не удается убедить Давашармана расстаться с сумой. И когда Ашадхабхути уже подумывает о возможности отравления или убийства подвижника, ему представляется удобный случай. Учителя и ученика приглашают на обряд возложения венков. По пути им нужно было пересечь реку. Подвижник, решив совершить омовение и помолиться, отдает постеречь свою суму ученику. А тот, подхватив ее, пускается прочь. Такова фабула этого рассказа.

Таким образом, из всей серии мотивов здесь сохраняется только один: кража богатств в святилище. Вор, против обыкновения действующий в одиночку, оказывается смысленнее своих собратьев по ремеслу и из всех возможных способов кражи выбирает наименее хлопотный. Однако, хотя в этом рассказе и говорится о том, что обобранный пускается на поимки вора, он почти ничего не предпринимает для его поимки, а потом и совсем прекращает свои поиски. Вора характеризует лицемерие и двуличие. Так, обращаясь к учителю со словами: «О господин, твои повеления святы. С твоей помощью я сумею достичь высшего блага», — он одновременно замышляет против него дурное.

Эта литературная обработка лишь отчасти относится к нашему сюжету, так как имеет мало точек соприкосновения со сказами типа «Сокровища Рампсинита».

Польская литературная параллель к сюжету АТ 950 находится в сборнике Станислава Хелховского «*Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza*»¹⁶.

Сказка является здесь в сильно измененной форме. Юноша, называемый «прекрасным Яном», пристает к разбойникам. Убив человека, он страдает угрызениями совести. По совету разбойников он идет ночью на могилу жертвы и слышит там разговор. Голос из могилы просит Бога наказать убийцу. Бог обещает это, но лишь по истечении семи лет. Это легендарное введение к концу новеллы совершенно забывается, и мы не знаем, постигает ли вора предсказанное возмездие или нет. В первом мотиве, в противоположность всем нам известным, вор не отрезает голову товарищу, а лишь обезображивает ее до не-

¹⁵ Панчатантра... С. 65.

¹⁶ См. сказку в кн.: *Клинггер В.* Указ. соч. С. 182—184.

узнаваемости. Второй мотив — похищение выставленного публично тела погибшего — отсутствует здесь совершенно или, лучше сказать, появляется совершенно неожиданно после третьего мотива (сцена в спальне) и переносится на перевешанных разбойников, о погребении которых начинает вдруг беспокоиться вор. Место второго мотива заменяет здесь новое обворовывание кассы с помощью крепкой водки. Момент переодевания, заменивший более древнюю черту бритья бороды, из глумления над противником превратился здесь в совершенно ненужную деталь: не стражей, а похищенные тела переодевает вор. Троекратное повторение бала не следует считать искажением: это вполне закономерное развитие данной черты в духе сказки. Совершенно новым в новелле — помимо введения — является сведение личных счетов вора со слепым атаманом, чем объясняется проявляемая последним настойчивость преследования. Новым оказывается и эпизод с украденной ложкой. Вполне нова, наконец, и вполне оригинальна та роль, которую при отыскивании вора играет его малолетний сын.

Другое литературное переложение принадлежит *Генриху Гейне*¹⁷. Стихотворение «Рапсинит» входит в цикл «Романсеро», написанный в последний период жизни поэта (1848—1851).

Г. Гейне использовал в качестве источника текст Геродота. В стихотворении более полное освещение получает образ Рапсинита, он дан в развитии на примере одного мотива безуспешной попытки поймать вора с помощью дочери фараона. Остальные мотивы сюжета поэтом не привлекаются. Интересно композиционное решение стихотворения: оно построено на разговоре Рапсинита с дочерью наутро после того, как ей не удалось задержать вора, и на тексте опубликованного в тот же день рескрипта фараона, который публично был оглашен глашатаем. Именно из рескрипта мы узнаем о краже в сокровищнице и последовавшем за ней решении Рапсинита.

Все литературные источники мы подразделяем на две группы: 1) литературные обработки сюжетов, сделанные мало известными в литературном мире авторами; 2) литературные приложения, принадлежащие перу классиков. Каждая из этих групп имеет свои особенности.

Первая группа характеризуется следующим: в них, как правило (если сравнивать со сказками), гораздо меньшее количество смысловых сгущений. Но это и понятно: ведь сказки создаются многими поколениями людей, а литературные приложения — одним автором.

Вторая группа, принадлежащая классикам, чаще всего характеризуется наличием инвертирования, то есть перевертывания (для объяснения этого понятия можно привести в пример «инвертированный мир сатаны», мир, в котором всё перевернуто наоборот: в мире Сатаны всё горькое сладко, всё белое черно). В таких литературных переложениях обязательно должно быть инвертирование, причем оно бывает различных видов. Проиллюстрируем инвертирование (инвертированный

¹⁷ Гейне Г. Указ. соч. С. 7—9.

мир) примером из Генриха Гейне. Гейне заинтересовала сама личность фараона Рампсинита. Чем же она привлекала его внимание? Представим себе такую ситуацию. У фараона грабят сокровищницу. Вполне понятны чувства, которые должны у него возникнуть: обида, горечь, злость, желание отомстить. Грабеж продолжается, и Рампсинит жертвует самым дорогим, что у него есть: он помещает свою дочь в публичный дом с тем, чтобы каждый посетитель рассказал ей о самой хитрой и ловкой из своих проделок. Грабителя сокровищницы она должна предать страже. Но ловкий вор обманывает и дочь. И тут происходит что-то странное и необъяснимое в сознании Рампсинита. Он поступает вопреки всякой рациональной логике и не мстит за причиненный ущерб и оскорбление, а наоборот — не только чувствует уважение к вору и преклонение перед его ловкостью, но даже женит его на своей дочери и делает своим преемником.

По нашему мнению, именно это инвертирование мышления Рампсинита привлекло Гейне. Это подтверждается и эпиграфом к данному произведению:

*Wenn man an dir Verrat geübt,
Sei du um so treuer;
Und ist deine Seele zu Tode betrübt,
So greife zur Leier.*

(«Когда изменят тебе, поэт,
Ты станешь еще вернее, —
А если в душе твоей радости нет,
За лиру возьмишь живее!»)¹⁸.

Драматическая обработка этого сюжета принадлежит *Августу Платену*¹⁹, одному из известных поэтов Германии начала XIX века, творившему в области сатиры, лирики, драматургии. Литературная обработка А. Платена, опубликованная в 1843 году в Германии, до сих пор не становилась предметом специального исследования, нет ее переводов на русский язык. Это произведение не упоминается в указателях в связи с литературной историей сюжета типа АТ 950.

Пьеса «Сокровище Рампсинита» отличается большим объемом. Архитектоника пьесы очень стройная; произведение состоит из пяти актов. Помимо известных нам героев — короля Рампсинита — правителя города Мемфис, его дочери Диоры, архитектора, двух его сыновей и жены — добавляются новые персонажи. Это принц из города Нубьен — жених Диоры — со своим слугой, казначей Рампсинита, подруги детства Диоры и другие.

Обработка А. Платена — самостоятельное поэтическое произведение на сюжет Геродота. Сюжетная канва та же, что и у Геродота: архитектор открывает тайну сокровищницы сыновьям; один из них

¹⁸ Гейне Г. Указ. соч. С. 7.

¹⁹ Platen A. Op. cit. S. 1–75.

попадает в ловушку, другой отрезает ему голову и бежит с нею; потом, напоив сторожей, крадет тело брата; Рампсинит оглашает указ о награждении того, кто укажет ему похитителя тела; вор является к королю с повинной.

Есть в пьесе и отклонения от сюжетной линии Геродота: вор и дочь короля, случайно встретившись, влюбляются; вор в награду за явку с повинной просит у Рампсинита руки его дочери; убегая, оставляет приготовленную заранее руку мертвеца у преследовавшего его казначея (у Геродота ловкий вор вручает руку мертвеца принцессе). В пьесе отсутствует и мотив помещения дочери короля в дом блуда. Также осложняет сюжет появление принца из города Нубьен — жениха дочери Рампсинита, в конце пьесы она должна сделать выбор между принцем и вором и выбирает последнего.

Как и во многих литературных переложениях, большая роль отводится в пьесе пейзажу: действие происходит то в саду, то на реке Эрфт на рассвете. Описание природы автор вкладывает в уста только двух героев — Сиуфа и Диоры, и лишь тогда, когда они говорят о любви. Природа становится живой соучастницей, она им сопереживает.

Поэт психологически осмыслил композиционную роль точки зрения и движения взгляда, он вносит в эту последовательность образов отчетливый ритм. В рассказе Диоры о ее первой встрече о Сиуфом охват пространства совершается «снизу вверх»:

*Es duftete der blendende Jasmin,
Die Lüfte regten sich nur leis',
Der Himmel glöhte, tief und dunkelblau,
Der Mond, gespiegelt im entfernten Strom,
Betrachtete sein eigenes Phantom...²⁰*

(«Пахло жасмином,
Летали бабочки,
Небо сияло глубоко и темноглубым.
Луна в далеком свете
Рассматривала собственное отражение»).

Следовательно уже тогда, в начале XIX века, поэт предвосхитил открытия экзистенциалистов о том, что изображение идеального состояния возможно посредством описания времени и пространства (в нашем случае).

Сравним с другим отрывком из песни Диоры, в которой прослеживается обратное направление — «сверху вниз» (ступенчатое сужение образов, как в фольклоре):

*Durch die Lüfte, schmerzbeklommen,
Kommt der bleiche Mond geschwommen:
Weil erkein Ruhe findet...
Über goldner Erdenaue*

²⁰ Platen A. Op. cit. S. 185.

*Schwebt der Frühlingswind, der laue,
Über eh sich zeigt die Rose,
Freibt ihn fort ein fremder Wille*²¹.
(«По небесам плывет луна,
Она не может найти покоя;
То появляется, то исчезает...
По золотой заре несется весенний ветер,
Он привлекает к себе розу,
Но вырывает ее прочь чужая воля»).

Там душа озаряется, летит ввысь, а здесь она гаснет, спускается вниз. Эта песня «грустна, как сама душа Диоры», — по выражению ее камеристки Пирамис.

Кульминацией пьесы является сцена в склепе в третьем акте, в которой особенно выделяются размышления Сиуфа в момент кражи. Эти размышления удивительны тем, что герой думает не о деньгах, не о богатстве, а о Диоре:

*Mich lädt ein anderer Glanz, als der, Ihn wirft
Ihr schönes Bild zurück. Und jedesmal, Wenn ich allein bin,
Überfällt es mich, Wie einen Dichter die Begeisterung*²²<...>
*Und ist ein Gott am Ende seliger
Im hohen, blaugewöbten Himmelsraum,
Als ein Insekt in einer Glockenblume...*²³

(«Меня привлекает другой блеск, не этот, его отбрасывает твой прекрасный взгляд. И каждый раз, когда я один, снисходит он на меня, как на поэта вдохновение. И сейчас я смотрю только в вышину, на голубые небеса, как насекомое в золотом цветочке»).

Отличительной чертой речи принца является то, что в результате разговора с ним оттеняется остроумие других героев — его слуги Каспара, Диоры, Рампсинита, Пирамис и др. Особенно выгодно смотрится на его фоне слуга. Поэт наделил его говорящим именем Каспар. Именно так в Германии называли шутов. Каспар несколько сродни русским скоморохам. Наделив героя таким именем, автор хотел подчеркнуть глубоко народные истоки этого образа. Он умнее своего хозяина и иронизирует над ним. Его язык полон народного юмора, в каждой его реплике звучит пословица или поговорка. По приблизительному подсчету, в тексте пьесы от его лица приводится около пятнадцати паремий. Наиболее интересные из них такие: *Wer in die eine Hand wunscht und in die andere pfeift, der hat in einer so viel als in der andern*²⁴ («Кто в одну руку копит, а другой раздает, у того в одной

²¹ Ibid. S. 233—234.

²² Platen A. Op. cit. S. 210.

²³ Ibid. S. 211.

²⁴ Ibid. S. 221.

руке столько же, сколько и в другой»); *Besser ein Unglück, denn zwei*²⁵ («Лучше одно несчастье, чем два»); *Wer vor dem Richter weint, der verliert seine Zähne*²⁶ («Кто плачет перед судьей, тот зря проливает слезы»).

Одна из трагичнейших сцен в пьесе — это переживание скорбящей о погибшем сыне матери.

Наше утверждение о том, что любое классическое произведение должно содержать инвертирование, находит подтверждение в самом названии пьесы — «Der Schatz des Rhampsinit» («Сокровище Рампсинита»). Слово «сокровище» употребляется здесь в единственном числе. Автор подразумевает под сокровищем дочь Рампсинита Диору, которая для отца дороже любых богатств.

---

²⁵ Ibid. S. 220.

²⁶ Ibid. S. 220.

Своеобразие языка русских сказок типа «Сокровища Рампсинита» и некоторых других вариантов

Поэтика сказочного сюжета АТ 950 «Сокровища Рампсинита» не становилась предметом специального изучения. В основном исследователей привлекала фабула сюжета, его изменения и трансформация в вариантах разных народов. Мы же постараемся раскрыть внутренний мир героев сказки, определить языковые средства описания переживаний и душевных состояний персонажей через изображение их действий и выражение их мыслей во внутренних монологах.

Можно сказать, что сказка с помощью одних только внутренних монологов персонажей раскрывает свое напряженное психологическое содержание: обнажаются скрытые внутренние мотивировки поступков и действий, которые определяют поведение героев.

Заметим, что в более древних сказках («Сокровища Рампсинита» АТ 950) почти каждый вариант характеризуется наличием внутреннего монолога, во время которого идет отождествление рассказчика с описываемым. Более поздние сказки характеризуются полным отсутствием внутренних монологов, но зато в них присутствует ирония рассказчика, выражается его отношение к рассказываемому. Также в них обязательно существует дистанция между рассказчиком и повествуемым. Это объясняется не прихотью отдельных сказочников, а объективными социальными причинами, уровнем развития общества и т.д.

В сказках *внутренний монолог* — это один из элементов сказочной композиции, и его появление свидетельствует о проявлении в сказке тенденции усиления психологического начала.

В фольклористике к этому понятию обращаются не часто. Например, И.И. Крук считает, что внутренний монолог — это разговор, или скорее размышление, с самим собой¹. Н.И. Савушкина дает такое толкование внутренней речи: персонаж думает о своем состоянии, гово-

¹ Крук И. Указ. соч. С. 117–120.

рит о своих чувствах². Другое определение использует в своей работе В.П. Аникин: внутренняя речь всякий раз передает то, что наедине с самим собой думают персонажи³.

Попытаемся проследить типологию и особенности использования внутренней речи в сказках о животных «Ерш Ершович» и в бытовых сказках «Сокровища Рампсинита» и «Шемякин суд». Мы обратились к данным бытовым сказкам, так как в них конфликт между действующими персонажами отличается особой остротой, психологической напряженностью. Героев данных сюжетов часто преследуют неудачи, и они задумываются над возможностью исправления положения: то есть по ходу действия возникает ряд ситуаций, созданию и пониманию которых способствует активное использование сказочниками внутренних монологов. В сказках о животных внутренний монолог занимает незначительное место, однако и в них можно обнаружить интересные закономерности. Постараемся выявить наиболее типичные ситуации, требующие обращения к этой повествовательной форме.

Попыткой классифицировать внутренние монологи в сказках о животных следует считать классификацию И.И. Крука⁴. Он выделяет следующие наиболее типичные ситуации использования внутреннего монолога в сказках о животных:

- 1) его произнесение предвещает какой-то поступок, персонаж как бы «планирует» свои действия;
- 2) неожиданность увиденного (услышанного) вызывает соответствующую реакцию чувств у персонажа;
- 3) внутренний монолог компенсирует недостаток действия, сохраняя динамизм сюжета.

Эти ситуации действительно имеют место и в наших сказках, но, кроме них, мы обнаружили целый ряд неучтенных И.И. Круком разновидностей, видимо, более характерных для бытовых сказок.

Используя классификацию И.И. Крука и данные, полученные при анализе наших сказок, выделим следующие виды внутренней речи в сказках:

- 1) внутренняя мотивировка предвещает какое-либо действие, поступок;
- 2) внутренний монолог компенсирует недостаток действия;
- 3) немедленная эмоциональная реакция на только что состоявшееся событие;
- 4) отражение потока сознания персонажа;
- 5) краткая констатация, оценка какого-либо совершившегося факта, события;
- 6) ретроспективная оценка настоящего в виде развернутого размышления;

² Савушкина Н.И. Идеино-художественные особенности бытовой сказки и ее общественно-воспитательная роль в современности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. С. 150.

³ Аникин В.П. Искусство изображения в сказках о животных // Фольклор как искусство слова. М., 1969. С. 54.

⁴ Крук И. Указ. соч. С. 119.

7) аутодиалог;

8) герой ставит перед собой риторические вопросы.

Рассмотрим каждую из этих разновидностей.

Первая разновидность, когда внутренний монолог предваряет действие, — одна из наиболее распространенных. Таких внутренних монологов в сказках больше всего. Внутренний монолог в данном случае выполняет важную функцию. Развиваясь одновременно с сюжетным действием, он помогает слушателям расшифровать мотивировку поступков:

А Ванька был здоровенный ростом. Думает (сторож): «Не унести мне ведь одному-то его! Дай пойду еще кого-нибудь скричу!». Взял да ему полбороды и отстригнул: «Если проснется, пойдет, так мы все равно его без бороды-то все узнаем!»⁵.

Скучно бедному брату, ходит без причалу:

— Дай, хоть к брату пойду, в лес лошадь попрошу, может рюмочку поднесет»⁶.

Второй вид внутренней речи представляет собой компенсацию недостатка действия героем:

«Хоть бы скорее в деревню выйти», — сам себе думаю⁷.

«Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он⁸.

Третий вид — немедленная эмоциональная реакция на только что произошедшее событие, когда персонаж выражает свое удивление при виде чего-то, реагирует на что-то чрезвычайное:

У его хмель обдирать стало:

— Да, што, я ведь убил жону-то?⁹

Думал мужик: «Як цибе волк унес туды!» — разделся, одзеньне положил на березе, а сам полез по целя¹⁰.

Четвертая разновидность — это отражение потока сознания персонажа. Такая внутренняя речь строится по принципу ассоциативного «нанизывания» мыслей по мере их возникновения в сознании. Этим обуславливается, с одной стороны, структурная неполнота внутренней речи, а с другой — построение ее по специфическим моделям, регламентирующим спонтанное речепроизводство, а также возможность появления в процессе ее порождения окказиональных структур с самоперебивами, вставками, конструктивной незавершенностью:

Иван подвел ее к саням запрягать. «Ух, чорт, как же я буду запрягать без хомута, дуги и вожжей? Спросить — отнимет, что и дал, да еще и прогонит, — подумал Иван. — Что делать?»¹¹

⁵ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина. М., 1991. С. 369.

⁶ Куприяниха. С. 154.

⁷ Смирнов. С. 529.

⁸ Афанасьев. 1957. I. С. 8.

⁹ Коргуев. I. С. 410.

¹⁰ Шейн. II. С. 204.

¹¹ Бардин. С. 195.

Богатый с извощиком пошли в избу, а убогий стоит на морозе: смотрит — копает мужик колодец, и думает: «Не быть добру! Затаскают, засудят меня. Эх, пропадай моя голова!»¹².

Пятый вид — это краткая констатация какого-либо совершившегося факта, события:

Ну, дядя думает:

— Вот дурак, дак дурак и есть¹³.

Бедный идет и думает: «Плохое мое дело»¹⁴.

Шестой вид — это ретроспективная оценка настоящего в виде развернутых размышлений. В основном это пространные внутренние монологи по поводу какой-либо ситуации или изложение планов героя на будущее:

И подумал Ванька, што делать: «Бедного ограбить, што у его взять, да и жалко его, а богатого ограбить, ведь с ума сойдет, тоже жалко. — Лучче я пойду казну грабить, верней дело будет»¹⁵.

Седьмая разновидность — аутодиалог — это разговор героя с самим собой. В подавляющем большинстве случаев аутодиалог представляет собой вопросо-ответную систему. Это внутренняя борьба, сопровождающая принятие какого-то важного для персонажа решения так, как если бы два оппонента вели открытый, произносимый диалог.

М.М. Бахтин считает, что единицей внутренней речи являются некие целые высказывания, несколько напоминающие абзацы монологической речи¹⁶. Но больше всего они напоминают реплики диалога, недаром внутренняя речь представлялась уже древнейшим мыслителям как внутренний диалог (индивид во внутренней речи отвечает на внутренний же заданный самому себе вопрос). Это высказывание применимо и к нашим сказкам:

Попросился ночевать — не пускают. Где переночевать?

Посмотрел — в поповском доме огонек горит.

— Пойду к попу, авось пустит¹⁷.

Тот идет и думает: «Че жа, неужели мне им сказывать, чего со мной было? — Нет, не скажу! Дай обману!»¹⁸.

Восьмая разновидность включает в себя те внутренние монологи, в которых герой ставит перед собой риторический вопрос:

Взяло императора раздумье: «Што это за вор?»¹⁹

Ванька шел, шел: «Дай-ка я их примеряю: не в самый ли раз мне?»²⁰.

¹² Афанасьев 1861. V. С. 84.

¹³ Коргуев. I. С. 403.

¹⁴ Акимова. I. С. 360.

¹⁵ Коргуев. I. С. 413.

¹⁶ Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 333.

¹⁷ Бардин. С. 196.

¹⁸ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 373.

¹⁹ Ончуков. С. 421.

²⁰ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 368.

Следовательно, в бытовых сказках в различной степени задействованы все восемь видов внутренней речи, наиболее частотными в употреблении являются первый и шестой. В сказках о животных внутренний монолог встречается редко: в основном это первый, шестой, седьмой и восьмой виды.

Попытаемся посмотреть на внутреннюю речь в сказках с другого ракурса. М.М.Бахтин пишет, что общепринятым считается различение трех типов внутренней речи:

- 1) зрительной;
- 2) слуховой;
- 3) моторной²¹.

Внутри каждого из типов речь протекает тотальными импресси-ями высказываний (нерасчлененными еще впечатлениями от целого предмета) — зрительными, слуховыми, моторными. Всякое внешнее событие, какого бы рода оно ни было, со всех сторон омывается внутренней речью — сознанием. Процессы понимания какого бы то ни было явления, которое субъект видит, слышит, в котором принимает участие, не осуществляются без внутренней речи.

В сказках можно также выявить эти три разновидности внутренней речи:

1) зрительная — герой что-то видит, и на основе увиденного делает про себя выводы:

*Судья взглянув на бедняка, а тот поколотив у себя за пазуху да думает: что только осуди — зашибу!*²²

Ерш назад оглянулся,

А сам усмехнулся:

«Слава тебе, господи!

Вчера рыба семга

На ерша злым голосом кричала,

*А сегодня мужику в сеть попала»*²³.

2) слуховая — персонаж сказки слышит какие-то звуки или чужую речь и дает им свою оценку в реплике внутреннего монолога. Процессы, совершавшиеся между индивидами, участвующими в процессе речевого общения, становятся процессами «внутри» индивида, соответствующим образом преобразуясь. Переживания часто бывают неопределенными и получают определенность лишь в процессе речевых коммуникаций с другими:

— Ночуй! Лезь вон на палати против печи.

*А нет того, чтоб мене покормить!*²⁴

— Дядюшка, пособи мне лошадь выпростать, я тебе дам две гривенки за работу!

*Я загодя рассчитал, что себе два хунта хлеба куплю*²⁵.

²¹ Бахтин М.М. Тетралогия... С. 334.

²² Бардин. С. 195.

²³ Ярославский фольклор. С. 39.

²⁴ Смирнов. С. 529.

²⁵ Там же. С. 388.

3) моторная — субъект после или до осуществления каких-либо действий оценивает их:

Но тут он располохался сам и побежал с плеткой к брату.

— *Ладно, снесу брату, уж все равно, пусть всем отвецят*²⁶.

А была у их кобыла старая, да конь. Братья што думают:

— *Даем Ваньке кобылу, и пусть со сестрой живет*²⁷.

Результаты самонаблюдения героя в процессе самоуяснения непременно должны быть выражены сказочником вовне с помощью внутреннего монолога героя, который чаще всего выражается посредством прямой речи, но очень часто и с помощью косвенной. Внутренний мир персонажей может быть изображен и через интерпретатора — сказочника. При косвенной речи переход к внутреннему монологу осуществляется незаметно. Осознание слушателем того, что он находится в стихии чужого внутреннего мира, приходит ретроспективно, уже в процессе его познания. Это обеспечивает естественность и незаметность перехода в иной тип изложения:

*Те судьи обрадовались: они думали, что у него за пазухой деньги, что он их подарит*²⁸.

*Бедняк дорогою взяв пребольшушой камень, сунув ево за пазуху и думает, що не дамсе живой в руки, осудит судья, так убью и судью, и себя, все одно*²⁹.

*Тут Платону пришла мысль избавиться от суда: прыгнуть с моста на твердый лед и убиться*³⁰.

Внутренняя речь представляет собой планирование и контроль в уме речевых действий. В данном смысле внутренняя речь близка мышлению и может рассматриваться как одна из форм его реализации.

Интересной в этом отношении является теория, разработанная известным английским философом и психологом Р. Харре³¹. В настоящее время в развитии и эмпирической проверке этой теории принимает участие целый ряд ученых Англии, США и других стран.

Р. Харре разделяет психические процессы на 4 вида:

1) коллективные по способу их осуществления и публичные по форме их выражения;

2) коллективные по способу их осуществления и приватные по форме их выражения;

3) приватные по способу их осуществления и приватные по форме их выражения;

4) приватные, индивидуальные по способу осуществления, но публичные по форме их выражения.

²⁶ Коргуев. I. С. 410.

²⁷ Куприяниха. С. 155.

²⁸ Там же. С. 155.

²⁹ Бардин. С. 196.

³⁰ Народная поэзия Горьковской области / Сост. В. Потявин. Горький, 1960. Вып. 1. С. 163.

³¹ См.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 100.

Традиционно с внутренним миром или внутренней речью связывалось только то, что относится к третьему случаю. Однако выявленный в сказочных текстах материал дает нам основание утверждать о наличии во внутренних монологах сказок не только третьего, но и второго вида психических процессов.

Больше всего в сказках представлен второй вид: внутренний мир сказочного персонажа изображается только через его индивидуальное восприятие и оценку:

А барин подумал:

*— Да што ж, жонитьце разве на поповной, ведь попова доцька хороша, да и две тыщцы рублей возьму*³².

Однако в сказках встречаются и совершенно особые случаи, когда сказочником показывается внутренний мир собирательного образа, коллектива персонажей, размышления которых также передаются речью про себя — внутренним монологом. Особенно ярко представлены коллективные внутренние монологи в сюжетном типе «Ерш Ершович»:

Остальные стали вместе собираться, думать, гадать:

*«Надо, ребята, на ерша прошение подать»*³³.

*Стоят и думают: «Если его разбудить, все соскочут, взбулгачут, — он опять убежит.»*³⁴

Часто коллективный внутренний монолог выражается вопросом:

*Собрались рыбы большие и мелкие, думу думали — совет советовали: как ерша, пустить ли единую ночь ночевать?*³⁵

Иногда встречается в сказках о ерше коллективная внутренняя речь в вопросо-ответной форме:

*Палтус-рыба собрала рыб крупных и мелких. И стали думать, гадать, кого за ершом послать. Думали, гадали и рыбы избрали, избрали рыбугтреску*³⁶.

Таким образом, в связи с использованием внутреннего монолога в сказке очевидно можно говорить о новых возможностях создания художественного образа сказочного персонажа и трактовки его сущности. Сказка с помощью внутренней речи героев раскрывает свое напряженное психологическое содержание.

³² Коргуев. I. С. 411.

³³ Карелия. Альманах. С. 114.

³⁴ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 367.

³⁵ Рождественская 1952. С. 52.

³⁶ Там же. С. 52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные и проанализированные в работе около ста базовых восточнославянских и тюркоязычных вариантов сюжетов АТ 950 и АТ 1534 в сравнительном освещении с западноевропейским и восточным материалом позволяют сделать следующие выводы.

Сюжет о ловких ворах «Сокровища Рампсинита» (АТ 950) — наиболее древний по своему происхождению (440 г. до н.э.), «Шемякин суд» (АТ 1534) — более поздний сюжет, нашедший отражение в древнерусской повести XVII века.

Обе сказки приурочены к определенному историческому лицу (фараону Рампсиниту, князю Дмитрию Шемяке). И если в сюжете АТ 950 вначале (V в. до н.э.) у сказок было имя и потом оно утрачивалось, то в сюжете АТ 1534 имя Шемяка персонажу сказки уже присуждается на более позднем этапе. Может быть, влияние древнерусской повести сказалось и в этом.

Сюжеты иногда перекрещиваются в контаминации АТ 950 + АТ 1534. Например, это происходит в сказке «О племяннике Фомке» из сборника Н.В. Новикова «Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII веков». Эта сказка сложна по композиции, включает в себя ряд сюжетов и мотивов из двух циклов: «О разбойниках и ворах», «О хитрых и ловких людях». В начале идет сюжет АТ 950 о дяде и племяннике, затем сюжет АТ 1534. Проходя по городу, Фомка с умыслом учиняет драку, чтобы доставить дяде способ своровать что-нибудь из карманов у любопытных. Фомку как зачинщика ведут к воеводе. По дороге он поднимает большой камень и кладет за пазуху, потом показывает его во время слушания дела воеводе. Воевода в надежде на взятку изгоняет доносчиков, как пришедших из-за пустяков утруждать воеводу, и требует обещанное. После слов Фомки о том, что хотел он проломить ему камнем голову в случае признания его виновным, судья в шею прогоняет и вора. Далее идет окончание сказки, как в сюжетных типах АТ 950 «Сокровища Рампсинита» и АТ 951А, В — «Царь и вор».

В сюжетах есть общий мотив о вымоленном сыне, которым начинаются как сказки о Шемякином суде, так и варианты типа «Сокровища Рампсинита».

И в том, и в другом сюжетном типе герой — плут, ловкий человек. Ловкий вор применяет кучу уловок, чтобы перехитрить царя и его приближенных, бедняк из сказок о Шемякином суде — использует уловку с камнем за пазухой, чтобы избежать ответственности за содеянное. Персонажи этих сюжетов имеют мифологическую природу. Истоки сказок о Шемякином суде лежат в древнерусских мифологических персонификациях Суда и Судьбинушки, а генезис сюжета о ловких ворах типа «Сокровища Рампсинита» связан с мифологическими представлениями о похитителях, приносящих магические вещи и предметы из царства мертвых.

Также в состав этих сюжетов входят события, в поэтически переработанной форме воспроизводящие какие-то моменты древнейшей обрядовой практики инициации. Варианты типа АТ 950 связывает с этим обрядом то обстоятельство, что новопосвященным в этот период предоставлялись права разбоя, в частности, воровства и вымогательства. Сказки о ловких ворах сохранили следы института мужских домов и, по-видимому, какие-то особенности брачных отношений в обрядовой практике посвящения юношества. Обряд проглатывания и извержения человека тоже входил в систему инициации. На мотив поглощения и извержения человека наслои́лся мотив змеборства. А судилище, которое устраивалось для умершего перед проглатыванием его змеем, было прообразом судебной процедуры сказок о Шемякином суде.

Украинские сказки на эти сюжеты архаичнее, чем варианты других народов. Например, в сказках типа АТ 1534 мы находим мотив чудесного старца, а украинские варианты типа АТ 950 сохранили чрезвычайно ясные следы института мужских домов. Это объясняется тем, что на Украине пережиточно сохранялась древняя устная традиция, стершаяся или вытесненная в других славянских регионах.

Сопоставление имеющегося опубликованного башкирского и татарского материала названных сюжетов позволяет делать вывод о близости татарских вариантов прежде всего к восточному материалу, а башкирских — к восточнославянскому. Близость татарских вариантов прежде всего к восточному материалу объясняется тем, что татары с древних времен имели тесные политические, дипломатические и культурные отношения с Индией, Средней и Малой Азией, Ираном, странами и народами Ближнего Востока. Поэтому и сказки восточных народов могли проникнуть к ним не только через письменные источники, а непосредственно от этих народов. Что касается близости башкирских сказок к восточнославянскому материалу, то можно дать этому явлению такое историко-этнографическое истолкование: совместная воинская служба башкир и русских, совместный труд в бурлацких и промысловых артелях, чересполосное поселение и т.д.

Только в устной традиции Востока сохраняются эпизоды, связанные с кровавыми казнями — о вырезывании мяса (АТ 1534 + АТ 890) и об отрезанной руке (АТ 950). Их мы не встречаем ни в средневековых, ни в современных западных редакциях. Т. Бенфей объясняет эти

жесткости господствующими в буддийском мире идеями о самопожертвовании, доведенном до самых крайних пределов.

Восточные варианты содержат мотивы, рано подвергшиеся смягчению в западных редакциях. Это мотив с помещением дочери царя в дом блуда (АТ 950) и эпизод с казием, которого застают за непотребным делом (АТ 1534). Эти мотивы до сих пор удерживаются в первоначальной форме в восточных (в том числе тюркоязычных) вариантах. Сохранению и передаче таких мотивов способствовало то, что в XVI—XVII веках в странах Востока было принято долгие зимние вечера проводить в общественной комнате в деревне или в кофейнях города за слушанием различных историй. А так как собирались там обычно только мужчины — бедняки и ремесленники, в эти истории, в соответствии с запросами слушателей, сказители включали мотивы нескромного содержания. Эту версию подтверждает то обстоятельство, что один из таджикских вариантов сказок о Шемякином суде был обнаружен А. Карцевым в ташкентской чайхане. Это рукопись неизвестного автора, переписанная в 1234 году хиджры (1818—1819 гг.)

Интересным моментом в судьбе сюжетов АТ 950 и АТ 1534 является довольно рано наметившееся стремление к их литературным обработкам. Большая их часть относится к XIX веку. Рассмотрение всех литературных переложений приводит нас к выводу о том, что характерные особенности сюжетов в литературных обработках авторам в общем не удалось сохранить. Главным образом это объясняется тем, что сюжет всегда служит для писателя только точкой отсчета при осуществлении своих замыслов.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые уточнения к «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка». Так, в сюжетную схему восточнославянских вариантов типа АТ 1534 не включен мотив о неумышленном убийстве человека падением сверху; между тем он присутствует в абсолютном большинстве сказок. Не включена в перечень текстов и сказка из сборника Н.В. Новикова «О племяннике Фомке», следовательно, русских вариантов типа АТ 1534 будет не девятнадцать, а двадцать. По тюркоязычным вариантам очень мало указателей сюжетов, а у некоторых народов они вообще отсутствуют. Поэтому фольклористы, занимающиеся типологическими разысканиями по тюркоязычной сказке, могут использовать наши данные по сюжетным типам АТ 950 и АТ 1534.

Сказка о Ерше Ершовиче (АТ 254**) — литературного происхождения и связана с повестью XVII века, представляющей собой сатиру на тогдашнее московское судопроизводство. Выросшая на фольклорной основе, она вновь вернулась в фольклор в виде сказок о Ерше Ершовиче. Следовательно, в сказках о Ерше Ершовиче органично переплелись качества сказок о животных, бытовой сатирической и литературной сказок. Поэтому в проведенном исследовании поэтики сказок о Ерше выявляются черты всех перечисленных жанровых форм.

Роль художественно-изобразительных средств в создании образной характеристики героев сказки о ерше велика. Традиционная сказка не знает портретных и психологических характеристик. Характеры персонажей выявляются обычно из их действий и поступков. В этом случае немаловажное значение для создания образной характеристики героев приобретают их имена-прозвища. Особенно большой материал для выявления роли имен-прозвищ в создании характеристики персонажей дает для нас сказка «Ерш Ершович». Эта проблема сложна и многоаспектна. Герой получает прозвище по особенностям характера, профессиональной принадлежности, степени родства, по наиболее характерному для него действию, названиям частей тела. Наибольшей положительной степенью языковой трактовки наделяются прозвища по виду родства, они ближе стоят к имени с его хвалебными характеристиками. Наиболее сниженными оказываются прозвища по названиям частей тела. Таким образом, сочетая различные стилистические средства (созвучие, рифмы) с поэтическими приемами, сказка в создании имен-прозвищ достигает большой выразительности.

В сказках внутренний монолог героев свидетельствует о проявлении в сказке тенденции усиления психологического начала. В сказках о животных внутренний монолог занимает незначительное место, однако и в них можно обнаружить интересные закономерности. В сказках о Ерше используются разные разновидности внутренней речи — например, зрительная, когда герой что-то видит и на основе увиденного делает про себя выводы. Также в сказках о Ерше встречаются особые случаи, когда показывается внутренний мир собирательного образа, коллектива персонажей, размышления которых передаются речью про себя. Особенно ярко такие коллективные внутренние монологи представлены в сцене рыбьего суда. Следовательно, в связи с использованием внутреннего монолога в сказке можно говорить о новых возможностях создания художественного образа персонажа.

Исследуя традиционный речевой стиль и язык сказок о Ерше Ершовиче, можно прийти к следующим выводам. При анализе языка повести и сказок о Ерше можно выделить одну интересную особенность. Вся повесть и некоторые сказки пронизаны «смеховыми снижениями», к которым автор прибегает для создания своеобразного нереального, нелогичного, перевернутого мира. В сказках и повести о Ерше перевернутость подчеркивается тем, что действие переносится в мир рыб и тем, что «немые» рыбы не только говорят, но даже судятся между собой. Снижение своего образа и всего того, что является благочестивым, святым, почетным, было типично для средневекового (в частности, древнерусского) смеха. Это проявлялось главным образом в разнообразных формах самоуничижения, которое как неперемный составной элемент включалось в литературный этикет средних веков. В сказках и повести о Ерше «смеховые снижения» применяются при пародировании стиля челобитных, когда рыбы жалуются на ерша и просят главного судью (сома, кита, щуку) най-

ти на него управу. Также рыбы уничижительно отзываются о себе или своих обидчиках. Но сам автор древнерусской повести или сказочник использует это средство прежде всего для создания образа главного героя. Недаром одна из наиболее распространенных форм его имени — ершишка.

Точно так же «Повесть о Ерше», ассимилировавшись в устной сказочной среде, не только впитала в себя «смеховое умаление», но и, в свою очередь, позаимствовала в какой-то степени из фольклора «возвеличивание» героев и связанных с ним явлений и вещей: «В прежние годы, в досельные времена, был Ерш, как мясной бычище, было головище, как пивоваренное котлище, были глазища, как пивные чашки». Для создания «смехового снижения» и «возвышения» в повести и сказках о ерше используются в основном две языковые единицы, обладающие в фольклоре особой художественной выразительностью. Это так называемые суффиксы субъективной оценки, отрицательной (-ишк-) или положительной (-ищ-), и ступенчатое сужение образов, которые служат акцентированию внимания читателя или слушателя на наиболее важных для автора аспектах (характеристике ерша и на доказательствах ерша своей правоты на суде).

Однако есть еще один прием, снижающий серьезность рассказываемого, — это рифма, которая (особенно в раяшном стихе) создает комический эффект. Проанализированные сказки о ерше характеризуются стремлением превратить сатирическую сказку в юмористическую, снижением социальной направленности, дальнейшим развитием диалога, склонностью исполнителей к «складной» рифмованной речи («скоморошьему языку»), оснащением рассказа многочисленными предложениями, построенными по модели пословиц и поговорок. Такая речь усиливает комический эффект сказки.

Условные сокращения, принятые в тексте

- Абаз. ск. — Абазинские народные сказки / Сост., пер. с абаз., вступ. статья, примеч. В.Б. Тугова. М.: Наука, 1985.
- Абх. ск. — Абхазские народные сказки. Пер. с абхаз. / Сост. и авт. примеч. К.С. Шакрыл. М.: Наука, 1975.
- Азерб. тюрк. ск. — Азербайджанские тюркские сказки / Пер., статья и коммент. А. Багрия и Х. Зейналлы. М.: Academia, 1935.
- Акимова — Фольклор Саратовской области / Под ред. А.П. Скафтымова. Вступ. ст. Т.М. Акимовой. Саратов: Облгиз., 1946. Кн. 1.
- Амх. ск. — Сказки народов Африки / Сост. и предисл. Д.А. Ольдерогге. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
- Андреев — *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Гос. рус. геогр. общество, 1929.
- Араб. ск. — Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде, остролюбивом Абу Нувасе и хитроумном Джухе / Пер. с арабск. Р. Алиева и Д. Юсупова. Отв. ред. и авт. предисл. Б.Я. Шидфар. М.: Наука, 1976.
- Афанасьев 1861 — *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. М., 1861. Вып. 5, 6.
- Афанасьев 1921 — Русские сказки. Берлин: Знание, 1921.
- Афанасьев 1936 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / Под ред. М.К. Азадовского, Н.П. Андреева, Ю.М. Соколова. М.: Academia, 1936. Т. 1.
- Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т. I, III. Подгот. текстов, предисл. и примеч. В.Я. Проппа. М.: Гослитиздат [Ленингр. отделение], 1957.
- Афанасьев 1985 — *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки / Подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. В 3-х т. Т. III. М.: Наука, 1985.
- Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подготовил Д.М. Балашов. Л.: Наука [Ленингр. отделение], 1970.
- Бахтин—
Ширяева — Сказки Ленинградской области. Серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты прибаутки / Собр. и подгот. к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л.: Лениздат, 1976.

- Башк. Ур. — Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала [Сборник] / Отв.ред. Л.Г. Бараг. Уфа, 1974. Вып. 1.
- Бардин — Фольклор Чкаловской области / Сост. А.В. Бардин. Чкалов, 1940.
- Бирюков — Дореволуционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В.П. Бирюков. Свердловск: Свердловгиз, Полиграфкнига, 1936.
- БНТ — Сацыяльна-бытавыя казкі. Складальнік А.С. Фядосік. Мінск, 1976. Т. III.
- БХИ — Башкорт халык ижады. Экиеттэр. Кн. 5. [Уфа], 1983.
- Васильев — *Васильев М.А.* Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. Казань, 1924.
- Визант. лит. — Памятники византийской литературы IX—XIV веков: Сборник переводов / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1969.
- Гиряк — Українські народні казки східної словаччини. Упоряд., післямова та комент. Михайла Гиряка. Братіслава, 1965—1976. Т. 1.
- Глонти — Грузинские народные новеллы / Сост., обраб., ред., предисл. и примеч. А.А. Глонти. Тбилиси: Мерани, 1984.
- Гнатюк — Українські народні байки (Звериний епос). Т. I—II. Збір. Володимир Гнатюк // Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства ім. Шевченка у Львові. Львів, 1916. Т. 32—38.
- Господарев — *Господарев Ф.П.* Сказки Филиппа Павловича Господарева / Запись текста, вступ. статья, примеч. Н.В. Новикова. Общ. ред. и предисл. М.К. Азадовского. Петрозаводск: Гос. издат. Карело-Фин. ССР, 1941.
- Гринченко — *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 1. Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. Чернигов: тип. Губ. земства. 1895.
- Гура — Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. А.В. Гуры. Вологда: Сев.-зап. кн. издат., 1965.
- Демокр. поэзия — Демократическая поэзия XVII века [Сборник]/ Вступит. ст. В.П. Адриановой-Перетц и Д.С. Лихачева. Подг. текста и примеч. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Сов. писатель, 1962.
- Демьян — Чарівне серце. Закарпатські казки. Збір. та літ. Опрацьовані Лукою Дем'яном. Ужгород, 1964.
- Добровольский — Смоленский этнографический сборник / Сост. В.Н. Добровольский. СПб., 1891. Ч. 1. (Записки РГО, т. XX).
- Етногр. зб. — Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства ім Шевченка у Львові. Львів, 1895—1916. Т. 1—38.
- Жуковский — *Жуковский В.А.* Персидские версии «Шемякина суда» [Отд. оттиск из «Записок восточного отдела Императорского русского археологического общества» (СПб., 1891. Т. V. С. 157—176)].

- Зеленин — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина. Пг., 1914.
- Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. Подгот. текстов, вступит. ст. и примеч. Н.В. Новикова. Вологда: Кн. издат., 1960.
- Избр. мастера — Русская сказка. Избранные мастера / Ред. и коммент. М. Азадовского. Л.: Academia, 1932. Т. 1—II.
- Ингушск. ск. — Ингушские сказки, сказания и предания / Сост. И. Дакигов. Нальчик: Эль-Фа, 2002.
- Калин — Закарпатські казки Андрія Калина. Запись текстів і вступна стаття П. Лінтура. Упоряд. Г. Ігнатовича. Ужгород, 1955.
- Карелия. Альманах — Карелия. Альманах Союза писателей Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Кн. 1.
- Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Запись, вступит. ст., коммент. Н.В. Карнауховой. Предисл. Ю.М. Соколова. М.; Л.: Academia 1934.
- КНС — Казахские народные сказки. В 3-х т. Алма-Ата: Жазуши, 1971. Т. 1.
- Кожемякина — Сибирские сказки/Записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. Ред. Н.А. Каргаполов. Изд. 2-е дополн. Новосибирск: Зап.-сиб. кн. издат., 1973.
- Коргуев — Сказки Карельского Беломорья. Сказки М.М. Коргуева / Запись, вступит. ст. и коммент. А.Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. II.
- Куприяниха — [*Барышникова А.К.*] Сказки Куприянихи / Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А.М.Новиковой и И.А. Оссовецкого. Вступит. ст. и общ. ред. Н.П. Плотникова. Воронеж: Ворон. обл. кн. издат., 1937.
- Курдск. ск. — Курдские сказки, легенды и предания / Сост., запись и пер. с курд. О. Джалила. М.: Наука, 1989.
- Левченко — Казки та оповідання з Поділля. В записях 1850—1860-х рр. Упоряд. Микола Левченко. Киев, 1928. Вип. II.
- Левшин — *Левшин В.А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключенных. М., 1780—1783. Ч. 1—10.
- Лінтур — Дідо-всеїдо. Закарпатські народні казки. Запись текстів та опоряд. П.В. Лінтура. Ужгород, 1969.
- Малинка — *Малинка А.Н.* Сбор материалов по малорусскому фольклору / Собр. Ал.Н. Малинка. Чернигов: [ред. «Земск. сб-ка Чернигов. губ.», 1902 (Отд. «Рассказы, сказки»). С. 262—381.
- Моск. телеграф. — *Ляликов Ф.* Русская старинная рукописная сказка // Московский телеграф, издаваемый Н. Полевым. М., 1832. Ч. XLVII.

- Народно-поэт. сатира — Народно-поэтическая сатира [Сборник] / Подготовка текста и примеч. Д.М. Молдавского. Л.: Сов. писатель, 1960.
- Никифоров — Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / Подгот. изд. и вступит. ст. В.Я. Проппа. М.; Л.: Изд. АН СССР [Ленингр. отделение], 1961.
- Новиков — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII веков) / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Новикова. Л.: Наука [Ленингр. отделение], 1971.
- Озаровская — *Озаровская О.Э.* Пятиречие[Сказки]. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1931.
- Ончуков — Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1909.
- Очерки — *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937.
- Паус — Собрание пословиц И.В. Пауса // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII — XX веков / Изд. подгот. М.Я. Мельц и др. М.; Л.: Изд. АН СССР [Ленингр. отделение], 1961.
- Петр. галерея Сборник пословиц Б. Петровской галереи // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Изд. подгот. М.Я. Мельц и др. М.; Л.: Изд. АН СССР [Ленингр. отделение], 1961.
- Померанцева — Русские народные сказки [Сборник] / Сост., авт. предисл. и примеч. Э.В. Померанцева. М.: Изд. МГУ, 1957.
- Прибалтика — Фольклор русского населения Прибалтики: [Сборник] / Авт. сост. А.Ф. Белоусов и др. Введ. Э.В. Померанцевой. М.: Наука, 1976.
- Радлов — *Радлов В.В.* Отд. I. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб.: [тип. Акад. наук], 1872.
- Ровинский — *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Собрал и описал Д.Ровинский. СПб.: [тип. Акад. наук], 1881.
- Рус. демокр. сатира — Русская демократическая сатира XVII века / Подг. текстов, статья и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Наука, 1977.
- Рус. повести — Русские повести XVII века. Л., 1954.
- Рус. сатир. сказка — Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX века / Подг. текста, ст. и коммент. Д.М. Молдавского. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1955.
- Рус. ск. в Карелии — Русские сказки в Карелии (старые записи) / Подг. текстов, статья и комм. М.К. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Фин. ССР, 1947.
- Рождественская 1941 — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н.И. Рождественской. Архангельск: Архгиз, 1941.
- Рождественская 1952 — О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. Рождественской. Архангельск: Арханг. обл. кн. изд. 1941.

- Романов — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. III. Витебск, 1887. Вып. IV. Витебск, 1891. Вып. VI. Могилев, 1901.
- Сахаров — *Сахаров И.П.* Русские народные сказки. СПб.: Изд. И. Сахарова, 1841. Ч. 1.
- Симони — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати П.К. Симони. СПб., 1899. Вып. 1.
- Сирийск. ск. — От Ахикара до Джано / Пер. с сирийск. А. Белова, сост. и коммент. А.М. Белова и Л.Х. Вильскера. М.; Л.: Гослитиздат [Ленингр. отделение], 1960.
- Ск. Поморья — Русские народные сказки Карельского Поморья [Сборник] / Вступит. ст. А.П. Разумовой. Петрозаводск: Карелия, 1974.
- Сказки XVI—XVIII вв. — Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII веков / Вступит. статья, подг. текста и коммент. Н.В.Новикова. Л.: Наука [Ленингр. отделение], 1971.
- Смирнов — Сборник великорусских сказок Архива Русского географ. общества. Издал А.М.Смирнов. Пг., [тип. Росс. акад. наук]. Вып. 1, 2.
- СНД — Сказки народов Дагестана / Сост. Х. Халилов. М.: Наука, 1965.
- Снегирев — *Снегирев Н.М.* Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861.
- Срезневский — *Срезневский В.И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение библиотеки Имп. Акад. наук В.И. Срезневского. СПб., 1903.
- Старичок-Весельчак — Старичок-Весельчак, рассказывающий давние московские были. СПб., 1833.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов, Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Калашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.
- Сухобрус—Українські народні казки, легенди, анекдоти. Упоряд. Галина Юзвенко і Вікторія Юзвенко. Київ, 1957.
- Юзвенко
- ТХИ — Татар халык ижады. Экиятлэр. Казань, 1977. [Кн. 1, 3. Казань, 1981].
- Тадж. ск. — Таджикские сказки / Под ред. В.Г. Гафурова и А.М. Мирзоева. Предисл. Б.Г. Гафурова. М.; Л.: Изд. вост. лит., 1961.
- Татарск. ск. — Мирер, Ахмет-Ахай озенбашский. М., 1940.
- Туркм. ск. — Проданный сон. Туркменские народные сказки / Сост., пер. с туркм., вступит. ст. и примеч. И. Стеблевой. М.: Наука, 1960.
- Филиппинск. ск. — Filipino popular tales. Collected and edited with comparative notes by Dean S. Fansler. Foreword by Fred Eggan / Folklore associates, inc. Hatboro (Pensylvania), 1965.
- ФН — Фольклор народов РСФСР. Межвузовский сборник. Уфа: Изд. БГУ, 1976.
- Чернышев — Сказки и легенды Пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования В.И. Чернышева. Подгот. к изд. Н.П.Гринковой и Н.Т. Панченко. М.; Л.: [тип. изд. АН СССР], 1950.

- Чубинский — *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. СПб., 1872. Вып. I.
- Шейн — *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. СПб: [тип. Акад. наук], 1893. Т. II.
- Шергин — *Шергин Б.В.* Поморские были и сказания. М.: Дет. лит., 1971.
- Яросл. фольклор — Ярославский фольклор, дооктябрьский / Сост. Б.Н. Быстров и Н.Е. Новиков. Ярославль, 1938.
- Aarne — The types of the folk-tale. A classification and bibliography Antti Aarne's // F.F. Communications. Helsinki, 1928. V. 25, № 74.
- Benfey — *Benfey Th.* Panchatantra: fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig, 1859. Bd. I. S. 402—463.
- Chauvin — *Chauvin V.* Bibliographie der ouvrages arabes ou relatifs aux arabes [Liege, 1892—1922]. 1904. V. 8. № 225.
- Chelchowski — *Chechowski St.* Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza. Warszawa, 1889. V. 1.
- Eberhard, Boratov — Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1953. № 342.
- Janow — Gwara maloruska Moskowiec i Siwki Naddniestrzanskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. Napisał Jan Janow. Lwow, 1926.
- Klich — *Klich E.* Teksty białoruskie z powictu Nowogrodzkiego // Materiały i prace komisji językowej. Krakow, 1903.
- Marzolph — *Marzolph U.* Typologie des persischen Volksmärchens. Beirut: 1984. № 950.
- Riviere — Recueil de Contes populaires de la kabylie du djurdjura, recueillis et traduits par J. Riviere. Paris, 1882.
- Schiefner 1906 — Tibetan Tales Derived from Indian Sources, translated from the Tibetan of the Kan-byor by F.A. von Schiefner. Done into English from the German, with an introduction by W.R.S. Ralston. London, 1906.

Об авторе

Гульнара Зайнетдиновна Имаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Родилась в г. Уфе. Окончила филологический факультет Башкирского государственного университета. Под руководством Льва Григорьевича Барага, труды которого по сказке получили международное признание, писала дипломную, а затем и кандидатскую работу. И с тех пор по настоящее время остается верной избранному ею научному направлению. Л.Г. Бараг был учеником Н.К. Гудзия и П.Г. Богатырева, в известной мере последователем В.А. Келтуялы и В.Я. Проппа.

С самого начала научных занятий в области фольклора Г.З. Имаевой был близок методологический подход, ориентированный на применение сравнительно-исторического метода с использованием основных понятий компаративистики — типологического сходства и непосредственного фольклорного или литературного влияния. Уже в первых статьях особое внимание она уделяла исследованию восточнославянских и тюркоязычных сказок, межэтническим связям в фольклоре и литературе¹. Таким образом, проблемами изучения сказок автор предлагаемой монографии занимается в течение 18 лет. За это время она опубликовала более 35 статей, из которых в первую очередь следует упомянуть две работы, депонированные в ИНИОН РАН в 1995 году², а также статьи, вышедшие в журнале «Живая старина» и научном альманахе «Традиционная культура»³. Эти и другие

¹ См.: *Имаева Г.З.* Сказка «Сокровища Рампсинита» в восточнославянских и тюркоязычных (башкирских, татарских) вариантах // *Фольклор народов РСФСР: Межвузовск. науч. сб.* Уфа: изд. БГУ, 1990. С. 90—96.

² *Имаева Г.З.* Миграция сюжета АТ 950 «Сокровища Рампсинита» в России и за рубежом. — Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. Свидетельство № 504 53, 1995. — 2,7 п.л.; *Она же.* Русская сатирическая повесть XVII века о Шемякином суде в сравнении с восточнославянскими и тюркоязычными сказками. — Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. Свидетельство № 505 91, 1995. — 3,1 п.л.

³ *Имаева Г.З.* Паремийный язык древнерусской «Повести о Ерше Ешовиче» и связанных с нею сказок // *Живая старина.* М., 2003, № 4. С. 2—4; *Она же.* Рифма как средство построения сказки // *Живая старина.* М., 2004, № 4.

ее работы пользуются заслуженным вниманием специалистов и достойно представляют башкирскую фольклористику на общероссийском уровне.

Литературоведческие интересы сочетаются у Г.З. Имаевой с этнографическими. Она неоднократно участвовала в экспедициях в Мишкинский, Альшеевский, Краснокамский, Архангельский и другие районы Башкортостана. Выявленный и собранный ею материал является ценным пополнением фольклорного архива БГПУ. Ею подготовлен к изданию материал по результатам экспедиции в Альшеевский район РБ.

«Народная сказка и ее литературные переложения: проблема происхождения и модификации текстов» — первая книга исследователя. Свою задачу автор видит в том, чтобы проследить эволюцию сказок трех сюжетных типов («Шемякин суд», «Ерш Ершович», «Сокровища Рампсинита») от истоков до момента окончательного жанрового оформления и появления литературных версий этих сюжетов.

Для выяснения истоков и национального своеобразия вариантов разбираемых сказок она удачно применяет ставший уже традиционным способ сравнительно-исторического анализа сюжетов, что позволяет установить неповторимо самобытный и самоценный характер сказок. При этом решающую роль играет умение вскрывать поэтическую конкретность мотивов, образов и ярких изобразительных средств, выработанных в сказках разных народов.

Г.З. Имаева привлекает для своей работы не только восточнославянский, но и тюркоязычный (прежде всего башкирский и татарский, используя к вящей славе российской науки свой естественный билингвизм), а также западноевропейский и восточный материал.

Вряд ли можно сомневаться в том, что сказки необходимы каждому. Публикаций сказочных текстов в последнее время появляется достаточно, однако сказковедческих работ выходит крайне мало. Монография Г.З. Имаевой существенно восполняет этот пробел, представляя собой исследование, предназначенное для всех, кто интересуется вопросами поэтики и национального своеобразия сказки.

Б.Г. Ахметшин

С. 5—6; *Она же*. Роль имен-прозвищ в создании образной характеристики персонажей сказки о Ерше Ершовиче // Традиционная культура. Научный альманах. М.: ГРЦРФ, 2006, №3. С. 31—34; *Она же*. Тюркоязычные и восточные варианты сказочного сюжета АТ 1534 «Шемякин суд» // Традиционная культура. Научный альманах. М.: ГРЦРФ, 2007, № 2. С. 50—58.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3

ГЛАВА 1. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ СКАЗКИ ТИПА «ШЕМЯКИН СУД» И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Восточнославянские варианты типа «Шемякин суд» в сравнительном освещении	8
Сравнительное изучение тюркоязычных вариантов сюжетного типа «Шемякин суд»	39
Литературные переложения сюжета «Шемякин суд»	55
Своеобразие языка русских сказок о Шемякином суде	63

ГЛАВА 2. РУССКИЕ СКАЗКИ ТИПА «ЕРШ ЕРШОВИЧ» И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Русские сказки о Ерше Ершовиче в сравнении с западноевропейскими вариантами	78
Литературные переложения сказочного сюжета «Ерш Ершович»	103
Своеобразие языка русских сказок о Ерше Ершовиче	116

ГЛАВА 3. СКАЗКА «СОКРОВИЩА РАМПСИНИТА» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ВАРИАНТАХ И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Восточнославянские варианты сказок типа «Сокровища Рампсинита» в сравнительном освещении	154
Сравнительное изучение тюркоязычных вариантов сюжета «Сокровища Рампсинита»	177
Литературные переложения сюжета «Сокровища Рампсинита»	194
Своеобразие языка русских сказок типа «Сокровища Рампсинита» и некоторых других вариантов	203
Заключение	210
Условные сокращения, принятые в тексте	215
Об авторе	221

Гульнара Зайнетдиновна Имаева

**НАРОДНАЯ СКАЗКА
И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ:
проблема происхождения
и модификации текстов**

Редактор *И.Е. Чибисов*
Дизайн и верстка *И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева*
Дизайн обложки *И.К. Дергунова*

Подписано в печать 04.08.08. Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Объем 11,0 уч.-изд.л.; 10,0 а.л.; 14,0 печ.л. Тираж 500 экз. Заказ №

ФГУК «Государственный республиканский центр русского фольклора»
119034, Москва, Турчанинов пер., 6

Отпечатано в Раменской типографии
140100, Московская обл., г. Раменское, Сафоновский проезд, д. 1